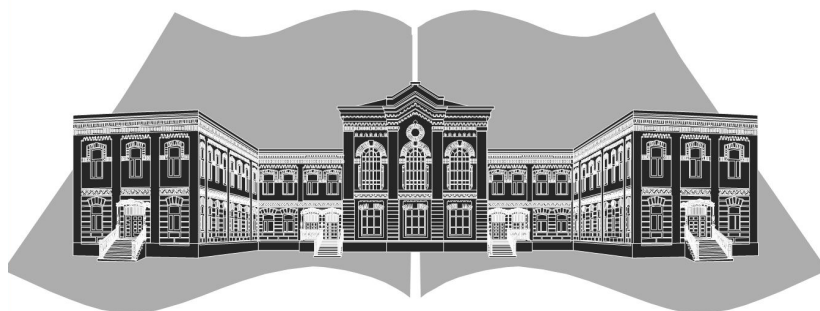

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Московский государственный областной гуманитарный институт

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

Научный журнал

№1 (2012)

г. Орехово-Зуево
2012

*Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Московский государственный областной гуманитарный институт*

**ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО ГУМАНИТАРНОГО ИНСТИТУТА**

Серия: «Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация»

**Научный журнал
№ 1 (2012)**

Главный редактор:

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН **Блох М.Я.**

Зам. главного редактора:

кандидат филологических наук, доцент **Яковлев М.В.**

Ответственный редактор:

кандидат филологических наук, доцент **Кириллова А.В.**

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Яковлева Э.Н.

кандидат филологических наук, доцент Букина В.А.

кандидат филологических наук, доцент Лесниковская И.В.

кандидат филологических наук, доцент Блохин А.В.

доктор филологических наук, профессор зав.кафедрой межкультурной коммуникации МГОУ (Институт лингвистики) Ощепкова В.В.

доктор филологических наук, профессор зав.кафедрой фонетики МПГУ Фрейдина Е.Л.

доктор филологических наук, профессор зав.кафедрой английского языка Барнаульского государственного педагогического университета (Институт лингвистики) Трунова О.В.

© ГОУ ВПО Московский
государственный областной
гуманитарный институт, 2012

© Оформление. Редакционно-
издательский отдел
ГОУ ВПО Московский
государственный областной
гуманитарный институт, 2012

Формат 60x84/8. Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский Московского государственного областного гуманитарного института.
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.

E-mail: vestnikmgogi@gmail.com

В сети интернет "Вестник МГОГИ" представлен на сайте:
www.mgogi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Александрова Е.М.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА, ИГРА СЛОВ, КАЛАМБУР:
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ 5

Блохин А.В.

СУДЬБА ОДНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО
СОЧЕТАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
СЛОВАРЯХ..... 9

Введенский В.В., Старых Л.В.

СЕМАНТИКА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.
(НА МАТЕРИАЛЕ «ВЕСТЕЙ-КУРАНТОВ»
1600-1639 ГГ.)..... 13

Белукова В.Б.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ
АЛЕКСЕЯ ГЕССЕНА 20-Х ГОДОВ XX В..... 24

Громова А.В.

СОН КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ
И СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО
В КНИГЕ А.М. РЕМИЗОВА «ОГОНЬ ВЕЩЕЙ»..... 30

Кириллова А.В.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДОВ
ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ..... 36

Кияшко Л.Н.

ПОВЕСТЬ И.С.ШМЕЛЕВА «ГРАЖДАНИН
УКЛЕЙКИН»: ОБРАЗНАЯ ТИПОЛОГИЯ 39

Колычева Г.Ю.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ
КЛАССОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА..... 46

Куликова Е.Ю.

ПРОБЛЕМА ЛИРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ
И ТВОРЧЕСТВО АКМЕИСТОВ..... 52

Лесниковская И.В.

ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ..... 58

Линева Е.А.

КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИКИ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СУБЪЕКТА
В НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
С ЛОКАТИВНЫМ ДЕТЕРМИНАНТОМ..... 61

Меренкова Д.Е.

ПРОСТОНАРОДНАЯ ЛЕКСИКА
КАК ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ СКАЗА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Н.С. ЛЕСКОВА) 64

Мишин М.М.

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА В ПОЭЗИИ
ЛЕОНИДА ГУБАНОВА 67

Нелюбин Л.Л.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ В
РЕТРОСПЕКТИВЕ..... 70

Перцева Н.К.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИРАЩЕНИЯ
В ЗНАЧЕНИЯХ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ 75

Савельева Е.Б.

МЕСТОИМЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ
КАК ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ
ОБРАЗА АВТОРА В ТЕКСТАХ ДНЕВНИКОВЫХ
ЗАПИСЕЙ АНДРЕ ЖИДА..... 79

Филатова Н.А., Филатова А.А.

О РАСШИРЕНИИ СФЕРЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ..... 82

Филиппова И.Н.

ВЕРБАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ
В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ 87

Щелокова Л.И.

МИФОЛОГИЯ ИСТОРИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ
Л.М. ЛЕОНОВА (1941-1945) 92

Яковлев М.В.

АПОКАЛИПСИС И ТЕОРИЯ СИМВОЛИЗМА..... 97

CONTENTS

Aleksandrova Y.M.

LANGUAGE GAME, PLAY ON WORDS, PUN:
TERMINOLOGY NOTES 5

Blohin A.V.

A CHANCE OF ONE PHRASEOLOGICAL
COMPOSITION IN WORKS
OF F.M. DOSTOEVSKY
AND LINGUISTIC DICTIONARIES 9

Vvedensky V.V. , Staryh L.V.

SEMANTICS OF THE NOUN
IN RUSSIAN LANGUAGE
IN THE FIRST THIRD
OF THE XVII CENTURY 13

Belukova V.B.

EPISTOLARY HERITAGE OF ALEXEY
GUESSEN IN THE TWENTIETH YEARS
OF THE TWENTIETH CENTURY 24

Gromova A.V.

SLEEP LIKE THE OBJECT OF REFLEXION
AND CONSTRUCTION OF ARTISTIC WHOLE
IN THE BOOK BY A.M. REMISOV
«THE FIRE OF THINGS» 30

Kirillova A.V.

GENRE SPECIFICS
OF TRANSLATING DRAMATICS 36

Kiyashko L.N.

NOVEL OF I.S. SHMELYOV
«MISTER UKLEYKIN»:
FIGURATIVE TYPOLOGY 39

Kolicheva G.J.

THE FORMATION OF COMMUNICATIVE
COMPETENCES OF PRIMARY SCHOOL
PUPILS ON THE LESSONS
IN RUSSIAN LANGUAGE 46

Kulikova E.J.

THE PROBLEM OF «LYRICAL DYNAMICS»
AND CREATIVITY OF ACMEISTS 52

Lesnikovskaya I.V.

EUPHEMISMS IN MODERN
ENGLISH AND RUSSIAN 58

Lineva E.A.

SEMANTIC COMPONENTS
OF AN INDEFINITE DOER
IN INDEFINITE-PERSONAL
SENTENCES WITH LOCATIVE
DETERMINANT 61

Merenkova D.E.

COMMON SPEECH AS ONE
OF THE SIGNS OF THE TALE LANGUAGE
(ON THE BASIS OF LESKOV'S WORKS) 64

Mishin M.M.

IMAGE SYSTEM IN POETRY
OF LEONID GUBANOV 67

Nelubin L.L.

LINGUISTIC TYPOLOGY IN RETROSPECTIVE 70

Pertseva N.K.

SEMANTIC ACCRETIONS IN MEANINGS
OF DERIVATIVE WORDS 75

Savelieva E.B.

PRONOUN FACTORS AS LANGUAGE
MEANS IN REALIZATION OF AUTHOR'S
IMAGE IN TEXTS OF DIARIES OF ANRE JID 79

Philatova N.A., Philatova A.A.

ABOUT EXPANDING
OF FOREIGN WORDS USAGE
IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE 82

Filippova I.

VERBAL REDUNDANCY:
RETROSPECTIVE REVIEW
AND PERSPECTIVE VIEW 87

Shchelokova L.I.

THE MYTHOLOGY OF HISTORY
IN JOURNALISM L.M. LEONOV'S (1941-1945) 92

Yakovlev M.V.

APOCALYPSE AND THEORY OF SYMBOLISM 97

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА, ИГРА СЛОВ, КАЛАМБУР: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Александрова Е.М.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка определить содержание и соотношение понятий «языковая игра», «игра слов», «каламбур», а также выявить эквивалентные им термины в английском и французском языках.

Ключевые слова: языковая игра, игра слов, каламбур.

Растущая популярность языковой игры как объекта современной лингвистики приводит к появлению различных, а порой и противоречивых подходов к определению данного феномена как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях.

Термины «языковая игра», «игра слов», «каламбур», не имея однозначного толкования в лингвистике и литературоведении, иногда дублируют друг друга в научной литературе.

В данной статье предпринимается попытка определить соотношение вышеназванных терминов в русской традиции, а также выявить соответствующие им английские и французские эквиваленты.

Языковая игра: философское и лингвистическое толкование

Термин «языковая игра» имеет в современной науке двойное толкование: первое – широкое, философское, второе – узкое, лингвистическое.

Термины «языковая игра», англ. «*language game*», фр. «*jeu de langage*» произошли от немецкого «*Sprachspiel*» (термин Л. Витгенштейна, используемый для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участвует говорящий), они употребляются, прежде всего, как философские термины. Сам Л. Витгенштейн понимал под языковой игрой «единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен».

Согласно поздним взглядам философа языковые игры – это целостные и законченные системы коммуникации, подчиняющиеся своим внутренним правилам и соглашениям, нарушение которых означает выход за пределы конкретной «игры». Философ считает, что языковые игры – это формы самой жизни, что не только язык, а сама реальность, которую мы воспринимаем только через призму языка, является совокупно-

стью языковых игр. Например, отдавать приказы и выполнять их, размышлять о событии, сочинять рассказ и читать его, решать арифметические задачи и т.д. – все это языковые игры правила которых, т.е. способы употребления слов, известны говорящим [2, с. 79].

В русской традиции термин «языковая игра» имеет кроме философского также лингвистическое значение и рассматривается как «реализация поэтической функции языка» [6, с. 172]. Именно после публикации работы Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой термин «языковая игра» вошел в широкий научный обиход в отечественном языкознании, хотя сами лингвистические явления, обозначаемые данным термином, имеют достаточно длительную историю изучения. Как указывается в данной работе, это «те явления, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)» [6, с. 173].

Аналогичным образом В.З. Санников называет языковой игрой «всякое намеренно необычное использование языка (например, для создания художественного эффекта)» и рассматривает ее как одну из форм лингвистического эксперимента [9, с. 37], начало исследования которого было положено А.М. Пешковским и Л.В. Щербой.

Таким образом, в лингвистике, в отличие от философии, содержание языковой игры принято соотносить не с прагматикой речевых единиц, а с их структурой и стилистической функцией.

Исходя из определения, предлагаемого В.З. Санниковым, который интерпретирует языковую игру как сознательное манипулирование языком, построенное если не на аномальности, то,

по крайней мере, на необычности использования языковых средств [9, с. 37], можно заключить, что в данном случае речь идет уже только о языке, а именно, об использовании только лингвистических средств в качестве составляющих языковой игры.

Подобной точки зрения придерживаются и другие лингвисты, при этом большое внимание авторами уделяется комическому и художественному эффекту, производимому языковой игрой.

Так, в работе И.Н. Горелова и К.Ф. Седова языковая игра интерпретируется как феномен речевого общения, содержанием которого выступает установка на форму речи, стремление добиться в высказывании эффектов, сходных с эффектами художественной словесности и обычно носит характер остроты, балагурства, каламбура, шутки и т.д. [4, с. 180].

В книге «Русская разговорная речь» также отмечается, что в случае языковой игры говорящий «играет с формой речи» для усиления ее выразительности или же для создания комического эффекта [6, с. 172-173].

Таким образом, в совокупности языковая игра определяется исследователями как лингвистический феномен, содержанием которого выступает установка на форму речи для усиления ее выразительности или для создания комического эффекта.

Языковая игра как лингвистический феномен может быть определена как намеренное, необычное использование элементов всех уровней языковой системы с целью создания комического эффекта: прагматического, семантического, синтаксического.

Следует отметить, что в английской и французской традициях термины англ. «*language game*» и фр. «*jeu de langage*» не имеют лингвистического значения и используются только как философские термины. Для обозначения понятия языковой игры как лингвистического феномена в английском и французском языках могут быть использованы термины англ. «*play on words*» или «*wordplay*» (ср. «*language game*»), фр. «*jeu de mots*» (ср. «*jeu de langage*»).

Языковая игра и игра слов

В лингвистическом значении термин «языковая игра» иногда дублируется термином «игра слов».

Анализ работ по рассматриваемому явлению в отечественной лингвистике позволил сделать следующий вывод: игра слов – стилистический оборот речи, основанный на принципе смыслового объединения в одном контексте разных зна-

чений одного слова, однозвучности или подобия звучания при имеющемся смысловом различии [7, с. 77].

Таким образом, при более тщательном изучении *игра слов* оказывается не синонимом, а разновидностью *языковой игры*: «семантическая сущность языковой игры включает в себя понятия «игра слов», «каламбур»... [8, с. 7].

Если *языковая игра* подразумевает использование (с целью создания комического эффекта) элементов всех уровней языковой системы – прагматического, семантического и синтаксического, – то *игра слов*, как правило, основывается на обыгрывании элементов семантического уровня.

Таким образом, *игру слов* следует рассматривать как составляющую *языковой игры*.

Термин «игра слов» переводится на английский и французский языки так же, как и термин «языковая игра» (*лингвистический феномен*) англ. «*play on words*»/ «*wordplay*», фр. «*jeu de mots*».

Игра слов и каламбур

Игра слов как разновидность языковой игры в свою очередь зачастую дублируется в русской традиции термином «каламбур», имеющем соответствие «*rip*» в английском языке и «*calembouig*» – во французском.

В отечественной и зарубежной лингвистике до сих пор нет единого понимания сущности рассматриваемых стилистических приемов: «каламбур» часто называют как «языковой игрой», так и «игрой слов». Содержание данных понятий и их соотношение трактуют по-разному в научной литературе. Одни ученые объединяют данные понятия, другие – разводят. Существует три основных подхода к рассматриваемому вопросу:

1. Объединение понятий «каламбур» и «игра слов» имеет место в толковых словарях русского языка В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, в Литературном энциклопедическом словаре, в словаре современного русского литературного языка и других.
2. Так, в лингвистическом словаре О.С. Ахмановой термины «игра слов» или «каламбур» являются синонимами и определяются как «фигура речи, состоящая в юмористическом использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов» [1, с. 188].
3. В некоторых английских словарях также признается тождественность рассматриваемых явлений: «*Pun – the use of words*

or phrases to exploit ambiguities and innuendoes in their meaning, usually for humorous effect; a play on words» [10].

Большинство исследователей: А.А. Щербина, В.В. Виноградов, В.С. Виноградов, П. Гиро, В.Я. Пропп, У.А. Земская, В.Н. Вакуров, А.Л. Слонимский, В.З. Санников, Л.И. Шоцкая, Э.Г. Колесникова, А.Ю. Шашурина и другие – также не видят различия между рассматриваемыми стилистическими приемами. Более того, определение одного понятия часто оформляется через другое или им даются сходные определения. Например, в Словаре русского языка 1981 года мы находим следующие определения: «Игра слов – остроумная шутка, основанная на использовании одного слова вместо другого или на подмене одного значения другим значением того же слова; каламбур. Каламбур – остроумная шутка, основанная на использовании слов сходных по звучанию, но различных по значению или на использовании разных значений одного и того же слова; игра слов».

Другими словами, толковые и литературные словари, рассматривая обозначенные стилистические приемы как синонимичные, не вскрывают сути изучаемых явлений и образуют своего рода «замкнутый круг»: каламбур – это игра слов, а игра слов – это каламбурное выражение, или каламбур.

1. В ряде отечественных исследований лингвистический феномен «игра слов» считается вариантом стилистического приема «каламбур». В них отмечается, что *каламбур* является более широким понятием чем *игра слов*, так как последняя, по мнению А.С. Джанумова, «предполагает наличие пары слов, например омонимов, взаимодействие которых и является основой для обыгрывания. Что же касается собственно каламбура, то он может строиться не только на словах, но, например, на переосмыслении фразеологизма» [5, с. 14]. Автор, опираясь исключительно на словесное оформление термина, полагает, что уже в самом названии «игра слов» содержится установка на то, что словосочетания в этой игре использованы быть не могут. На основе данного предположения

делается вывод о том, что игра слов является одной из разновидностей каламбура. Однако если следовать логике самого автора, то в названии данного стилистического приема говорится об игре слов, а не об обыгрывании значения одного слова. Название данной языковой формы не определяет и не ограничивает количество слов, используемых при игре, и способ их связи между собой. Следовательно, при построении игры слов могут быть использованы и словосочетания, и целые предложения.

2. Каламбур рассматривают и как разновидность игры слов. С. Влахов и С. Флорин считают каламбур не синонимом игры слов, а ее разновидностью [3, с. 359].

Аналогичное мнение имеет по этому поводу В.З. Санников: «Каламбур – фигура речи, основывающаяся на полисемии, омонимии, паронимии, псевдосинонимии и псевдоантонимии», в то время как игра слов включает в себя все формы игры со словом (например, использование фразеологизмов, словообразовательных моделей и т.д.) [9, с. 493-494].

Похожие определения каламбура, переводимого на английский язык термином «*рип*», встречаются в английских словарях: A figure of speech depending upon a similarity of sound and a disparity of meaning [12]; «pun – play on words, sometimes on different senses of the same word and sometimes on the similar sense or sound of different words» [11].

Во французской традиции термин «*calembour*» рассматривается как разновидность игры слов и определяется как «*jeu de mots basé sur l'homonymie ou la polisémie*» [13].

Таким образом, *каламбур* / *англ. rip* / *фр. calembour* следует рассматривать как разновидность *игры слов*, основанную на многозначности, паронимии, омонимии, в то время как *игру слов* следует определять любое экспериментирование с любыми элементами семантического уровня языковой системы.

Проведенное терминологическое исследование позволило сделать следующие выводы о содержании и соотношении терминов «языковая игра», «игра слов», «каламбур» и их английских и французских эквивалентах:

Определение	рус.	англ.	фр.
философский термин: целостные и законченные системы коммуникации, подчиняющиеся своим внутренним правилам и соглашениям, нарушение которых означает выход за пределы конкретной «игры»	языковая игра	language game	jeu de language

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА, ИГРА СЛОВ, КАЛАМБУР: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Определение	рус.	англ.	фр.
лингвистический термин: намеренное необычное использование элементов всех уровней языковой системы с целью создания комического эффекта: прагматического, семантического, синтаксического	языковая игра	play on words, wordplay	jeu de mots
разновидность языковой игры, основанная на обыгрывании элементов семантического уровня языковой системы	игра слов	play on words, wordplay	jeu de mots
разновидность игры слов, основанная на многозначности, омонимии, паронимии (псевдосинонимии, псевдоантонимии)	каламбур	pun	calembour

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования// НЗЛ. Вып.16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – 520 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе: Моногр. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 416 с.
4. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1998. – 256 с.
5. Джанумов А.С. Каламбур и его функционирование в двуязычной ситуации: (Англо-русские соответствия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. пед. ун-т. – М., 1997. – 25 с.
6. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра// Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 172–211.
7. Ильясова С.М. Языковая «игра» в газетном тексте // Образование. – 2001. - №23. – С. 77.
8. Раскопова Л.П. Языковые игры и их интерпретации в художественном тексте: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 – Краснодар, 2003. – 158 с.
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
10. Collins English Electronic Dictionary-Digital Edition: 2008 Harper Collins Publishers 2008 (электронная версия).
11. The American Heritage Dictionary of the English Language, Third Edition Copyright 1996, 1992 by Houghton Mifflin Company (электронная версия).
12. The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics Edited by Alex Preminger & T.V.F. Brogan Frank J. Warnke, O. B. Hardison, Jr., and Earl Miner, Associate Editors. –Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993. – 1434 pp.
13. Электронный ресурс: http://fr.wikipedia.org/wiki/Jeu_de_mots

Summary

LANGUAGE GAME, PLAY ON WORDS, PUN: TERMINOLOGY NOTES

Y.M. Aleksandrova

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. This article is developed to the study of the terms language game, play on words, pun in Russian, English and French linguistic traditions.

Key words: language game, play on words, pun.

СУДЬБА ОДНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОЧЕТАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Блохин А.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье описывается функционирование фразеологического сочетания «ломать (ломая) руки» в творчестве Ф.М. Достоевского и отражение данного оборота в лингвистических словарях 19-20 веков; рассматривается вопрос о характере трансформации данной лексической единицы из поэтического неологизма в стилиобразующее индивидуально-авторское средство.

Ключевые слова: индивидуально-авторский неологизм, фразеологическое сочетание «ломать (ломая) руки», творчество Ф.М. Достоевского, толковые и фразеологические словари.

Различные лексические единицы существуют в языке, опираясь порой на индивидуальные, не похожие ни на какие другие законы своего внутреннего логического развития. Появившиеся с легкой руки мастера слова, рожденные его творческим воображением, они могут из индивидуально-авторского неологизма превратиться в общеупотребительную языковую единицу, стать образительно-выразительным средством в творчестве одного или нескольких писателей какого-либо периода, а затем постепенно угасать в речи, оставаясь фактом былого широкого употребления. Это касается не только отдельных слов, но и целых фразеологических сочетаний. Такова, пожалуй, судьба сочетания «ломая руки» в русском языке 19-20 веков.

Впервые оборот ломая руки был употреблен в стихотворении Н.А. Некрасова «Когда из мрака заблужденья...»: «...И, вся полна глубокой муки, Ты прокляла, ломая руки, Тебя опутавший порок...» [8, с. 95]. Данное стихотворение написано Н.А. Некрасовым в 1846 году, приблизительно с этого времени ведет отсчет появление связанного сочетания «ломать (ломая) руки» в произведениях Ф.М. Достоевского, у которого эта языковая единица в последующих произведениях становится частотным и показательным фактом.

Нельзя утверждать, что оборот «ломать руки» в творчестве писателя является самым излюбленным фразеологическим приемом и показательным стилиобразующим авторским средством, тем не менее он встречается в тринадцати произведениях, и в некоторых не один раз. Примечательно, что в большинстве случаев (в пятнадцати из двадцати трех) глагол «ломать» употребляется в форме деепричастия, образуя с зависимым словом «руки» деепричастный оборот, который мета-

форизируется и постепенно превращается в индивидуально-авторский идиом.

Хронология появления оборота «ломая руки» в творчестве Ф.М. Достоевского, как уже говорилось, начинается в 1846 году с выходом в свет петербургской поэмы «Двойник», а именно после сцены решительного объяснения господина Голядкина со своим слугой Петрушкой, когда главный герой вынужден томиться некоторое время в неведении и сомнении: «Боже ты мой! Они сюда весь свет созовут! – простонал господин Голядкин, ломая руки в отчаянии и бросаясь назад в свою комнату» [1, с. 351]. Через год была опубликована повесть «Хозяйка» (1847 г.), в которой оборот также встречается один раз: «Наконец, он как будто расслушал рыдания, мятежный вздох и, наконец, опять ее молитву. Он знал, что она стоит на коленях перед образом, ломая руки в каком-то исступленном отчаянии!..» [1, с. 457]. В повести «Слабое сердце» (1848 г.) оборот продолжает свое назначение: «Вася, что ты? чего ты боишься, Вася? чего? – закричал Аркадий, ломая руки в каком-то отчаянье» [1, с. 555]. Подобным контекстом сопровождается употребление оборота и в произведении «Неточка Незванова» (1849 г.), где он уже встречается дважды: « – Папочка! – закричала я в полном ужасе, – возьми деньги, на! Что мне делать теперь? – говорила я, ломая руки и ухватившись за полы его сюртука, – мамочка плакать будет, мамочка опять бранить меня будет!» [2: 104]; «Слезы мужа потрясали ее, и она, ломая руки, в отчаянии, с судорожными рыданиями, у ног его вымаливала о прощении, которое тотчас же получала» [2, с. 179]. В повести «Дядюшкин сон» (1859 г.) словосочетание вновь появляется, символизируя наиболее драматичные моменты

сюжета: « – Ах ты боже мой! да тут всякое терпенье лопнет! – кричала Марья Александровна, в исступлении ломая руки» [2, с. 390]. В романе «Преступление и наказание» (1857 г.) оборот употребляется всего один раз: « – Пропил! все, все пропили! – кричала в отчаянии бедная женщина, и платье не то! Голодные, голодные (и, ломая руки, она указывала на детей)» [3, с. 30]. Однократное употребление находим и в романе «Идиот» (1868 г.): «– Неужели! – простонал князь, ломая руки» [4, с. 196]. Ф.М. Достоевский нашел применение обороту «ломая руки» и в фантастическом рассказе «Сон смешного человека» (1877 г.): «Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними...» [7, с. 438]. Зато в поздних романах «Бесы» и «Братья Карамазовы» ставшее традиционным для автора сочетание встречается трижды в каждом произведении. В «Бесах» (1871-1872 гг.): «– Сон и бред! – вскричал Николай Всеволодович, ломая руки и шагая по комнате» [5, с. 546]; «Вдруг толпа расступилась, и образовался небольшой пустой круг около лежавшей Лизы, а окровавленный, обезумевший Маврикий Николаевич стоял над нею, крича, плача и ломая руки» [5, с. 563]; «Он воротился домой в часу уже в одиннадцатом ночи, в ужасном состоянии и виде; ломая руки, бросился ничком на кровать и все повторял, сотрясаясь от конвульсивных рыданий: – Это не то, не то; это совсем не то!» [5, с. 692]. В «Братьях Карамазовых» (1879-1880 гг.): «Алеша отвернулся, ломая руки» [6, с. 194]; «Ибо ведь всю жизнь свою вспоминал неустанно, как продали его где-нибудь там в горячей степи, у колодца, купцам, и как он, ломая руки, плакал и молил братьев не продавать его рабом в чужую землю...» [6, с. 367]; «Он упал на свое место, ломая руки в отчаянии» [7, с. 230].

Анализ употребления сочетания «ломая руки» показывает, что в творчестве Ф.М. Достоевского он претерпевает процесс семантико-синтаксической трансформации, которая заключается в постепенном освобождении данного оборота от присловных распространителей, таких, как, например, «отчаяние», «исступление», часто окружающих исследуемую единицу в ранних произведениях писателя. В большинстве случаев оборот «ломая руки» находим в соседстве с глаголами со значением высшего эмоционального состояния и напряжения, а также со значением различных вербальных актов: плакать, молить, молиться, вымаливать, простонать, вскричать, кричать, что также показательно для синтагматических отношений исследуемой единицы. Безусловно, важной особенностью является тот факт, что употре-

бление оборота «ломая руки» приходится на авторское повествование (за исключением рассказа «Сон смешного человека»), что свидетельствует о творческой манере писателя и о его постоянных художественных средствах.

Всего в полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского выявлено 15 случаев употребления синтаксического оборота «ломая руки», а также 8 примеров употребления сочетания «ломал(а) руки», однако один пример приходится на цитирование. Речь идет об эпиграфе ко второй части повести «Записки из подполья», где приведено начало стихотворения Н.А. Некрасова «Когда из мрака заблужденья...»: «...И, вся полна глубокой муки, Ты прокляла, ломая руки, Тебя опутавший порок...». Данное стихотворение написано Н.А. Некрасовым в 1846 году, в этом же году вышел в свет и «Двойник» Ф.М. Достоевского – поразительное совпадение, поскольку именно в этом произведении впервые употребляется сочетание «ломая руки». Что это? Случайное совпадение? Языковая мода? Или творческое заимствование, основанное на удачно подобранном поэтическом образе и прочно врезавшемся в память писателя? А может быть, творческое продолжение и развитие этого образа в художественной манере и авторском стиле? Как бы то ни было, но, очевидно, с легкой руки Н.А. Некрасова, возможно создавшего и впервые употребившего в своем стихотворении оборот «ломая руки», в творчестве Ф.М. Достоевского эта понравившаяся и запомнившаяся ему своей выразительной простотой и незатейливостью синтаксическая единица стала знаковой и показательной. Более того, оборот «ломая руки» у Достоевского постепенно из метафорического превращается в устойчивое идиоматическое сочетание, фразеологизируется и приобретает значение «сильно раздражаясь и нервничая, исступленно, отчаянно неистовствовать, волноваться, переживать, раскаиваться». Шаг за шагом освобождаясь от традиционных и постоянных присловных распространителей, депричастный оборот «ломая руки» становится не только контекстуальным фразеологизмом в творчестве Ф.М. Достоевского, но и одним из признаков индивидуального стиля писателя.

Сочетание «ломая (ломать) руки» встречается и в творчестве других писателей 19 века, например, у того же Н.А. Некрасова в романе «Три страны света», у И.С. Тургенева в романе «Накануне», однако такого частотного употребления, как у Ф.М. Достоевского, здесь не наблюдается, к тому же все эти произведения появились в 60–70-е годы, то есть после того, как вышли пер-

вые произведения Ф.М. Достоевского, в которых употребляется понравившийся ему оборот.

Интересна судьба отражения сочетания «ломать (ломаю) руки» в различных лингвистических словарях, которые демонстрируют, как сначала из отдельного свободного сочетания оборот «ломать (ломаю) руки» превращается во фразеологически связанное, становится индивидуальным авторским художественным средством, а затем снова трансформируется в полусвязанную языковую единицу, употребляющуюся лишь по отношению к конкретному жесту человека. Так, в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля [11] еще отсутствует какая-либо фиксация данного сочетания, только-только вошедшего в употребление. Здесь мы не находим каких-либо примеров подобного сочетания ни в словарной статье глагола «ломать», ни в словарной статье существительного «рука». Однако в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова уже находим в словарной статье существительного «рука» переносное значение «сильно горевать, отчаиваться» [15, с. 1398]. В Большом академическом словаре в 17 томах, как известно составленном в основном на материале русской классической литературы 19-20 веков, продолжается традиция присвоения сочетанию «ломать руки» устойчивого, связанного употребления [14, с. 342]. Тем не менее вышедший примерно в это же время Фразеологический словарь под редакцией А.И. Молоткова не дает никаких сведений о существовании исследуемого сочетания [16]. Так называемый Малый академический словарь в 4-х томах уже содержит помету к сочетанию «ломать руки»: «о жесте, выражающем сильное горе, волнение» [13, с. 198]. Такую же помету наблюдаем и в некоторых современных словарях, например

в Большом толковом словаре русского языка (гл. ред. С.А. Кузнецов) [9, с. 504]. Но в Большом фразеологическом словаре русского языка (Значение. Употребление. Культурологический комментарий) (отв. ред. В.Н. Телия) [10] так же, как и в словаре А.И. Молоткова, сочетание отсутствует. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1999) в словарной статье глагола «ломать» приводятся примеры по отношению к первичному (!) значению «сгибая или ударяя с силой, разделять надвое, на куски, на части, отделять части чего-нибудь: Ломать сук. Ломать лед. Ломать руки (о жесте, выражающем отчаяние)» [12, с. 332]. Не ставя под сомнение научную обоснованность иллюстрирования указанного значения последним приведенным примером, все же хочется обратить внимание на то, что пример «ломать руки» сопровождается пояснением: речь идет о жесте, выражающем отчаяние. Именно высшей степенью отчаяния, отрешенности, нервного надрыва преисполнены многие страницы произведений Ф.М. Достоевского.

Таким образом, сочетание «ломать (ломаю) руки», возможно созданное и впервые употребленное Н.А. Некрасовым, было «принято на вооружение» Ф.М. Достоевским, который в своем творчестве развил значение данной языковой единицы до фразеологически связанного, сделав оборот стилиобразующим авторским средством. История фразеологического сочетания ломать (ломаю) руки фактически ограничивается произведениями Ф.М. Достоевского, однако именно его излюбленная традиция употребления данного сочетания привела впоследствии к тому, что былое связанное значение закрепилось по отношению к конкретному жесту в современном русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. Т.1. – М.: Худ. лит-ра, 1956-1957.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. Т.2. – М.: Худ. лит-ра, 1956-1957.
3. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. Т.5. – М.: Худ. лит-ра, 1956-1957.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. Т.6. – М.: Худ. лит-ра, 1956-1957.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. Т.7. – М.: Худ. лит-ра, 1956-1957.
6. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. Т.9. – М.: Худ. лит-ра, 1956-1957.
7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. Т.10. – М.: Худ. лит-ра, 1956-1957.
8. Некрасов Н.А. Собрание сочинений в 4 т. Т.1. – М.: Правда, 1979. – С. 95.
9. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. А.С. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – С.504.
10. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / отв. ред. В.Н. Телия. – 2-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1999.
13. Словарь русского языка в 4 т. Т.2. – М.: Русский язык, 1983. – С. 198.
14. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Т.6. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948-1965. – С. 342.

■ СУДЬБА ОДНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОЧЕТАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

15. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. – Т.3.
16. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

Summary

A CHANCE OF ONE PHRASEOLOGICAL COMPOSITION IN WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY AND LINGUISTIC DICTIONARIES

A.V. Blohin

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The functioning of a phraseological composition «to break hands» in works of F.M. Dostoevsky and using this composition in linguistic dictionaries of 19-20th centuries are given in the article. The question about character of transformation of this lexical unit from poetical neologism into stylistic individual author's means is also examined there.

Key words: individual author's neologism, phraseological composition «to break hands», works of F.M. Dostoevsky, explanatory and linguistic dictionaries.

СЕМАНТИКА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В. (НА МАТЕРИАЛЕ «ВЕСТЕЙ-КУРАНТОВ» 1600-1639 ГГ.)

Введенский В.В., Старых Л.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья содержит сведения о содержании, структуре и назначении первой русской рукописной газеты XVII в., где на материале имен существительных прослеживается процесс формирования делового языка Руси, в частности, исследуется семантика общественно-политической, социально-экономической и бытовой групп лексики памятника.

Ключевые слова: первая русская рукописная газета, структура, содержание, тематические группы лексики, лексико-семантические группы слов, семантика существительного.

XVII век – период становления русско-го централизованного государства со всеми особенностями его внутренней и внешней жизни и одновременно начальный этап формирования национального языка, нашедший свое отражение в памятниках письменности.

Историческая обстановка той эпохи выдвигала перед русским государством три основные международные проблемы: воссоединение украинских и русских земель, выход к Балтийскому морю, необходимость борьбы с Турцией и ее вассалом – Крымским ханом. Основным внутренним содержанием исторического развития России в это время было создание национальных связей, именно в этот период интенсивно протекал процесс формирования национального государства.

Возрастающая потребность московского правительства быть в курсе «европейских поведений» привела к появлению в России первой русской рукописной газеты – «вестей», или «курантов». Хотя их издание вначале не было ни массовым, ни регулярным (до 1631 г.), они все-таки представляли собой новый светский жанр литературы – раннюю форму периодической печати, т.е. газету, так как выполняли одну из важнейших функций прессы – передавали политические, экономические, военные и прочие новости.

Издаваемые с 1972 года¹, эти памятники письменности в большинстве своем являются переводами, но среди них есть и оригинальные сочинения, например, отписка Н.Д. Вельяминова

и М. Сомова из Архангельска царю Михаилу Федоровичу и ряд других текстов.

Круг событий, о которых писали в «Вестях-Курантах», был очень широк. Самое большое место отводилось сообщениям о военных действиях, о битвах, походах, народных волнениях; кроме того, публиковались сообщения о необычайных явлениях природы, пророчествах и т. п. Составители «Курантов» иногда касались событий, происходивших и в русской земле. Переводы полученных известий производились в разных городах. Иногда уже в готовом виде их присылали из Пскова, Новгорода, Риги и других мест. Имена переводчиков, участвовавших в подготовке текстов, указывались очень редко, однако в это время уже были люди, которые приводили в порядок всю поступающую информацию, корректировали ее, составляли столбцы, удобные для чтения – это так называемые дяки-курантельщики.

В целом же первая русская рукописная газета входит в круг деловой письменности XVII в. и при-мыкает по своему характеру к таким материалам, как статейные списки. Хроникальный характер этих сообщений и их информационное назначение, а также особенности языка вестей (употребление стандартных выражений и терминологизированной лексики дипломатического, общественно-политического и социально-экономического свойства) позволяют говорить о памятнике как о рукописной газете, предварявшей издание «Ведомостей» петровского времени.

Время создания текстов «Вестей» – тот период, когда языковая ситуация в Московском государстве представляла собой двуязычие. По

¹ Последний, 6 т. (I, II часть) вышел в 2-х книгах под ред. А.М. Молдавана и Ингрид Майер в 2008 г.; таким образом, «Вести-Куранты» охватывают события «о европейских поведениих» с 1600 по 1670 г.

мнению Г. Лудольфа, первого исследователя, заметившего ситуацию двуязычия в Москве, «для того чтобы жить в Московии, необходимо знать два языка, ибо московиты говорят по-русски, а пишут по-славянски». С одной стороны, сказывалось второе южно-славянское влияние на официальную форму литературно-письменного языка и проходившее одновременно с ним усиление народно-разговорных элементов в развивающемся языке деловой письменности; с другой стороны, сказывались различные темпы развития отдельных типов литературно-письменного языка. Официальная его разновидность, книжно-славянская, искусственно сдерживалась в своем развитии, продолжая хранить устаревшие формы и слова. А язык деловой письменности, стоявший ближе к разговорной речи, в первую очередь быстрее и последовательнее отражал фонетические, семантические и грамматические изменения. Именно язык деловой письменности и представляет собой переводы «Вестей».

Начальный этап становления русской периодики, происходивший под воздействием иностранных оригиналов (первые «Вести-Куранты» в ряде случаев представляли собой перевод или близкое к оригиналу изложение сообщений из иностранных газет) в известной степени определил истоки зарождения и пути развития публицистического жанра в России; очевидно, итогом этого процесса можно считать современные газетные издания в сфере СМИ.

Обширную информацию дьяки-курантельщики извлекали не только из переводов иностранных газет, но и из отчетов посланников и торговых людей, вернувшихся из-за рубежа, из донесений представителей духовенства и специальных людей – агентов, доставлявших нужную информацию в Посольский приказ.

Так, корреспондентами, доставлявшими материал в Московское государство с 1600 по 1639 гг. были: стокгольмский «торговый Немчин» Мельхер Бекман, присылавший сведения из Швеции, Польши, Кракова и Гданска; «торговый человек» Юрий Клинк сообщал различные новости из Рима, Венеции, Вены и других городов; Исаак Масса, служивший в 1625-1628 гг. при дворе русского царя Михаила, передал вестовые тетради, в которых сообщалось, что делается «меж королем французским и королем аглицким». Подавали вестовые листы Давид Миколаев, шведский резидент в Москве Петр Крузбиорн. Разного рода сообщения поступали от неизвестных или случайных корреспондентов, которых в текстах обычно именовали «доброю человеком». Приведенная в поря-

док, отобранная и переписанная в столбцы дьяками Посольского приказа, информация поступала к царю и боярам, о чем свидетельствуют пометы «царю чтено» или «царю и боярам чтено» и т. п.

Характеризуя язык памятника, необходимо учитывать следующие особенности: во-первых, предназначение «Вестей-Курантов». Так как переводы составлялись для царя и его окружения, к языку предъявлялись довольно значительные требования. Во-вторых, жанр языка, который выходит за рамки таких понятий, как «деловая письменность» или «частная переписка». Язык «Вестей-Курантов» – это еще и зарождающийся язык дипломатии и публицистики, так как становление русской периодики, происходившее под воздействием иностранных оригиналов, в какой-то степени предопределило развитие этих жанров в России. В-третьих, степень нормированности языка «Вестей». Следует отметить, что хотя языковая норма и не была еще сформирована в XVII в., она уже осознавалась говорящими и пишущими. Несомненно, язык «Вестей» складывался не без воздействия на него литературного влияния, ибо переводчики Посольского приказа были причастны к литературной работе. Занимаясь переводом иностранных оригиналов на «простой» русский язык, они, естественно, не могли не учитывать норму книжного, церковно-славянского языка.

Такая специфика сообщений и само изложение материала позволяет провести лингвистический анализ основных тематических групп памятника: общественно-политической, социально-экономической и бытовой лексики первой русской рукописной газеты. Располагая лексику «Вестей-Курантов» по тематическим группам, мы пытались сохранить и в какой-то степени восстановить те системные связи, которые были нарушены из-за естественного логического обоснования их объединения, поэтому для их сохранения в ряде случаев пришлось прибегнуть к отсылкам и сопоставлениям и переименованию лексем разных группировок. Эта методика дает, на наш взгляд, достаточно объективную картину основных семантических процессов, присущих русской письменности того времени.

Так как материал для исследования представляет собой извлечения из памятника XVII в., то значения интересующих нас слов мы определяли в основном «вчитываясь» в контексты, содержащие эти слова. Такой путь установления значения слова использовался при условии, когда слово не зафиксировано в словарях, и когда оно присутствует в них, – в последнем случае нередко на

основании контекстов уточнялось или дифференцировалось значение, данное в словарях.

Вслед за определением значения слова учитывается, относительная частота его употребления в контекстах памятника, а также его лексическая сочетаемость и первая фиксация в русских словарях; кроме того, рассматривается развитие значений анализируемого слова, устанавливается его архаичность или новизна, его диалектный или общенародный характер. Если слово заимствованное, определяется источник заимствования, пути проникновения слова в русский язык, приводятся фонетико-морфологическая и словообразовательная вариантность и т. п.

Аналізу подвергался и ряд устойчивых словосочетаний, в том числе составные термины, а также другие сочетания нетерминологического характера.

Суть такого анализа лексики памятника заключается в том, что слова, составляющие определенные группы, взаимообусловлены: изменение значения одного компонента обычно вносит изменения в семантику связанных с ним слов; исчезновение или появление новых слов влечет за собой не только количественные изменения в данной группе, но и затрагивает внутриязыковые отношения между словами. Отсюда вытекает деление словаря памятника на определенные лексико-семантические и лексико-тематические группы, которые мы проводили, опираясь на методологические и теоретические высказывания, изложенные в ряде работ советских лексикологов, в частности, их теоретическое обоснование впервые было изложено в работе Ф.П. Филина «О лексико-семантических группах слов» [1].

Первый том памятника содержит 710 рукописных листов документально-деловой письменности первых десятилетий XVII в.¹, в которых отдельные языковые факты и явления взаимосвязаны и взаимообусловлены тематикой и спецификой жанра, что позволяет рассмотреть внутреннюю связь лексических единиц, взаимодействие основных групп лексики с книжной и разговорной, взаимодействие восточнославянских и старославянских элементов, собственно русских и заимствованных лексических средств языка между собой при лек-

сико-семантическом варьировании многозначных слов; наблюдать процессы соотношения значений слова и его лексической сочетаемости, установить подвижность границ между специальной и общенародной лексикой.

С точки зрения содержания и информационного назначения тексты неоднородны по степени открытости для явлений «простого» русского языка. Поэтому мы посчитали возможным условно разделить тексты «Вестей» на три группы. К первой группе можно отнести переводы писем и грамот либо содержащих торговую информацию, либо адресованных друзьям или родственникам. Другую, наиболее обширную группу представляют тексты, содержащие собственно вести из разных стран, это так называемые «вестовые печатные тетради», которым предшествовали переводы западноевропейских новостей, известных под названием «летучих листов». Говоря о языке этих текстов, следует отметить, что он в большей степени упорядочен и регламентирован. Третья группа текстов представляет интерес как яркий пример первых памятников официально-делового стиля. Это тексты договорных статей, язык которых отличается большим количеством юридических и официальных штампов.

В существующей лингвистической литературе в вопросе о системности лексики ясности и единства мнений нет, так как понятия системности и системы лексики различаются еще недостаточно четко. В последнее время в ряде работ по исторической лексикологии авторы строят свои выводы не только на истории отдельных слов, но и на исследованиях соотносительных пар, рядов и групп слов, то есть всю лексическую систему языка отдельной эпохи, жанра или памятника литературы представляют через системность связей слов – их взаимозависимости, разнонаправленности переплетения и пересечения их рядов, создавая в конечном счете определенный словарный состав изучаемого объекта².

Общеизвестно, что семантическое развитие словарного состава языка есть один из постоянных и непрерывных законов его исторического развития. Формирующаяся таким образом полисемия слова, т. е. «объединение различных значений в одном речевом знаке, является неизбежным следствием диспропорции, существующей между числом знаков речи и огромным количеством понятий, ищущих выражения в языке» [2]. Конкретное изучение формирования отдельных

¹ Известно, что в лексико-семантической структуре языка вообще и, соответственно, языка отдельного памятника имена существительные имеют больший удельный вес, чем другие части речи, поэтому лексико-семантической классификации имен существительных в работе уделено основное внимание (Из 4164 единиц словаря «Вестей-Курантов» отмечено: существительных – 1624, глаголов – 1617, прилагательных – 903, наречий – 422 и т.д.)

² См. об этом: В.В. Веселитский. Из истории отвлеченной лексики XVIII в. – В сб.: «Русская историческая лексикология». – М.: Наука, 1968. – С. 44.

лексико-тематических и лексико-семантических групп словаря нашего памятника позволяет в определенной мере судить о тех лингвистических процессах, которые происходили в начальный период формирования русского национального языка и его высшей формы – языка литературного.

Смысловая сторона слова находится в непрерывном и бесконечном изменении. «Эти изменения заключаются главным образом в том, что, с одной стороны, изменяется объем, углубляется содержание тех понятий, которые выражаются данными словами, а с другой – наряду со своим обычным (основным) значением или вместо него появляется другое значение» [3]. В связи с этим необходимо отметить те языковые особенности, которые проявляются в слове в определенных семантических изменениях, связанных с интерпретацией самого его значения в зависимости от контекста и стиля изложения¹.

Русский язык XVII в. располагал весьма разнообразными лексико-семантическими и фразеологическими средствами, с помощью которых выражались понятия общественно-политического, социально-экономического и бытового характера, что не было случайным механическим набором разнородных элементов, а представляло собой определенную систему, хотя и не во всех своих частях до конца сложившуюся. В связи с этим о лексике изучаемого памятника можно говорить лишь как о складывающейся, формирующейся системе, так как в процессе своего становления она распадавалась на микросистемы, которые постоянно пополнялись новыми названиями и в которых происходила специализация значений общеупотребительных слов. Иными словами – в выделенных нами лексико-семантических группах протекали определенные процессы, в целом характерные для развития лексической системы русского письменного языка в изучаемый этап его становления.

Сопоставление лексики «Вестей-Курантов» с показаниями словарей древнерусского языка, более или менее полно представляющими состав памятников русской письменности XI–XV веков, а также с данными картотеки Древнерусского словаря Института русского языка АН СССР и некоторых памятников письменности XI–XVII веков позволило описать ряд регулярных и устойчивых элементов лексики, присущих первой русской рукописной газете, особенности их употребления,

¹ См. об этом: Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – С. 62-64.

выявить условия и пути специализации (а в некоторых случаях терминологизации) слов, проанализировать наиболее существенные лексические и семантические изменения в области имен существительных (изменение, сужение, расширение значения рассматриваемых лексем). Кроме того, материал памятника дает определенную возможность установить источники пополнения исследуемых тематических групп лексики, в первую очередь продуктивными для той поры способами словообразования, а также проследить взаимодействие общественно-политической, социально-экономической и бытовой лексики памятника с другими пластами (книжной, разговорной лексикой) и языком литературы, уточнить роль восточнославянских и церковнославянских элементов, собственно русских и заимствованных лексических средств.

Поскольку «реализация лексических значений (в том числе и новых лексических значений) протекает связано с характером словообразовательных возможностей, с состоянием семантических отношений, с возможностями стилистического употребления слова и составом синонимических рядов, с социальной оценкой слова» [4], постольку невозможно классифицировать лексику памятника в едином плане, а в ряде случаев прибегать к системе отсылок и сопоставлений.

Такой метод анализа языкового материала уже апробирован исторической лексикологией (примером тому могут служить работы В.В. Виноградова, А.И. Горшкова, Е.М. Иссерлин, С.И. Коткова, Л.Л. Кутиной, Ю.С. Сорокина, Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, П. Я Черных и др.) и позволяет исследовать целые группы, системы, ряды, категории слов и законы их семантических изменений, ибо отдельно рассматриваемые тематические группы лексики в конечном итоге являются частью словарного состава не только данного памятника, но и языка в целом, и, следовательно, сам характер семантических процессов, происходящих в пределах одной из групп слов, принципиально не отличается от семантических процессов в других лексических группах языка.

При анализе учитывается и социальная обусловленность лексики, так как в силу специфики сообщений лексика памятника непосредственно реагирует на социальные преобразования общества.

Анализ лексики «Вестей-Курантов» позволяет сделать вывод о том, что в процессе зарождения начального этапа формирования газетно-публицистического жанра литературного языка писцы-

переводчики и дьяки-курантельщики Посольского приказа, участвовавшие в создании первой русской газеты, достаточно уверенно владели лексико-фразеологической системой общественно-политической, социально-экономической и бытовой лексики. Эти группы в процессе своего становления расслаивались на микросистемы, т. е. в них оформлялись и выделялись лексико-семантические группы, постоянно пополняющиеся новыми названиями, именно там и происходила специализация значений общеупотребительных слов.

Итак, в связи с назначением и тематикой «Вестей-Курантов» тексты памятника значительно насыщены элементами общественно-политической и социально-экономической лексики. Бытовая лексика обычно употребляется при описании обычных житейских ситуаций. Специальная лексика памятника в основном соотносена с явлениями религиозного и военного свойства.

В исследуемый период деловая письменность располагала разнообразными лексико-семантическими и фразеологическими средствами. Подавляющее большинство текстов содержит слова собственно русские. Однако некоторые обозначения восходят к эпохе общеславянского единства и сохраняются, как правило, без существенных изменений в составе лексики. В общественно-политической группе лексики это такие имена существительные, как воля, господин, двор, князь и т. д.

В сфере социально-экономической лексики – дача – «то, что дано», доход – «прибыль», люди, оброк и т.д.

Особенно богата в этом отношении бытовая лексика памятника. Это и термины родства: дитя, племя, род и т.д., и названия частей человеческого тела: рука, утроба;, название частей суток – день, обед, ночь; наименование предметов быта – дом, изба, стол и др.

Семантика анализируемых лексем обусловлена исторически сложившимися традициями и отражает языковые черты разных эпох существования языка. Однако характер употребления имен существительных в основных тематических группах словаря газеты определяется не только этой объективной причиной, но и фактами естественной зависимости использования специальной лексики от излагаемой темы (в основном от переводимого контекста), что влияло на стиль и в какой-то мере на жанр повествования, и наличия наиболее устоявшейся к этому периоду терминологической системы.

Иными словами, употребление слова в конкретном значении зависит не только от его лекси-

ческой сочетаемости, но и от контекста, что определяет стиль изложения и влияет на организацию синонимических средств языка, что объясняет факты параллельного употребления слов, иногда весьма далеких по семантике.

Следует, однако, заметить, что для слов с относительно большой частотой использования в различных микроконтекстах памятника можно довольно точно определить, имеет ли слово специальное, терминологическое значение, или это факт метафоризации, примененный в определенной микросистеме, тогда как для слов с малой частотностью то или иное его значение почти всегда зависит от содержания всей темы сообщения, в таком случае семантика анализируемого слова выявляется из совокупности значений окружающих его полисемичных слов.

В исследуемый период наблюдается довольно значительное влияние живой народной речи на традиционные приемы делового письма, церковнославянизированного по своему характеру. Нарушение этих норм происходит не только в связи с проникновением слов и словосочетаний разговорно-бытового содержания в сферу деловой письменности, но и за счет возрастающей тенденции употребления исконно русских по происхождению, а не старославянских форм слова, то есть устранение лексической избыточности шло в пользу исконно русских вариантов при одновременном сохранении старославянизмов, уже прочно вошедших к тому времени в лексическую систему письменного древнерусского языка.

Ряд номинаций общественно-политической лексики появился в языке восточных славян или путем развития специальных значений у общеупотребительных и книжных слов (лист – «документ», память – «документ»), или путем метафоризации (ангел – «правитель», страж – «правитель»), или с помощью тех или иных морфологических средств от уже известных в то время и общеупотребительных слов, о чем говорит преобладающий в памятнике морфологический способ словообразования и анализ параллельных употреблений лексем одной словообразовательной или генетической модели: выговор – сговор – уговор – договор – уговоренность – договоренность; межусобие – межусобство; покорство – покорность; супротивство – супротивление. Ср. также словообразовательные гнезда исконно русских полногласных и старославянских по происхождению неполногласных форм, например, с корнями -город-, -град-:

город (450), городской (14), град (6),
городовой (7), загородный (2), граждане (1),

выгородить (2), выгороженный (1), градский (4)¹
городок (37), огород (2), городержавец (2),
вышгород (4), вышегородок (1), вышегород (4),
вышгородок (1).

Пополнение общественной терминологии происходило за счет развития терминированных значений у ряда общенародных и книжных слов, специальная семантика которых формировалась в основном в контекстах общественно-политического содержания. Ср., например, употребление существительного *воля* в значении «свобода действий»:

...дал своим солдатам на девьт дней волю (31, 18)²

и *воля* в роли термина со значением «постановление, правительственное распоряжение»:

... по воли своеи до времени при себь то оставляю (39, 113).

Некоторые слова-термины являются диалектизмами. Применительно к изучаемому памятнику под этим термином мы понимаем значения слов как местные, отличающие речь одной области от речи населения другой области (или областей) или от лексики литературного языка, иными словами – это локальные наименования общераспространенных реалий (*постельница* – «придворная должность», *коморник* – «придворная должность»).

В рассматриваемый период появляются составные наименования, устойчивые сочетания-штампы для обозначения различных предметов и явлений общественно-политического свойства (*двор – загородный, земский, королевский, оружейный; грамота – вольная, жалованная, королевская, лукавая, оборонная, посольская, проезжая, пропускная, тарханная*).

Словарный состав общественно-политической группы лексики пополняется также старославянизмами (*владительство, обещание, присяжание, содержательство*), в том числе словообразовательными старославянизмами-кальками с греческого (*бесчинство, лицемерство, самодержец, совет*). Некоторые из них в текстах с общественно-политическим содержанием приобретают свойство быть терминами, например, *дружба, союз*, в значении «соглашение для совместных военных действий»:

...црь всеа Руси да яз дал бгь в доброи дружбе ...хотим мы сопча идти на него (короля польского) и с ним битис (2, 26)

¹ В скобках указано количество словоупотреблений лексемы в текстах памятника.

² № листа, № текста.

...и вперед с ними ни в каком совьте и союзе не быт (6, 43).

Довольно значительное пополнение номенклатуры общественно-политических наименований идет за счет заимствований из европейских языков. Иноязычная лексика, вступая в разнообразные связи с русскими словами, в ряде случаев образовывала составные термины или канцелярские словосочетания – штампы, употреблявшиеся как синонимы к соответствующим русским терминам (*милостивый кесарь – цесарь – царь, губернатор – владетель* и т.п.).

Для многих слов, входивших из других языков, характерна пестрая фонетико-словообразовательная (и графическо-орфографическая) вариативность, которая объясняется или влиянием языка-источника, или языка-посредника, или особенностями восприятия того или иного слова на русской почве (сказывались особенности устного восприятия русскими реципиентами и графического изображения иностранных слов). Однако в петровскую эпоху (и несколько раньше) наметился процесс стандартизации фонетико-морфологических форм заимствованной лексики: в русском языке закрепляется один из имевшихся вариантов, остальные же постепенно перестают употребляться.

Параллельное использование в текстах исконно русских и заимствованных слов, близких по семантике, позволяет сделать вывод о том, что заимствованные слова обладают в системе лексики памятника функцией уточнения, частотность их употребления зависит от контекста и стиля изложения. Ср. употребление существительного *губернатор* (1):

...губернатора то есть владьтеля Пылского города в ызьмнном дьле велено перед королем его млстью поставит (39, 115).

Кроме того, материалы памятника позволяют уточнить время вхождения ряда заимствованных слов в письменный язык XVII в.:

виконт – 1633 г.,
губернатор – 1638 г.,
дюк «герцог» – 1622 г.,
инфант – 1630 г.,

конте – 1600 г. и ряд других, употребление которых в газетных текстах обусловлено стремлением писцов-переводчиков более точно передать значение реалии, титула или должности объекта зарубежной информации.

Материалы памятника дают основание считать, что лексика социально-экономической группы языка XVII в. располагала целой системой разнообразных лексических средств, продолжав-

шей свое формирование в связи с объективными историческими причинами. Для этой тематической группы характерной особенностью является широко развитая синонимия (что принципиально присуще и другим тематическим пластам лексики в период их формирования), куда входят не только книжные, но и разговорные слова и устойчивые словосочетания, в ряде случаев приобретающие в контекстах свойства терминов (Ср.: прибыль – польза – доход – пришло к руке и к годде в значении «выгода»; убыль – убавка – убыток – наклад – проторь в значении «трата» и др.).

Основной в этой тематической группе является лексика исконно русского происхождения (торг, налог, подать, задаток, рост, сторона, город и т.п.), однако отмечается целый ряд слов и словосочетаний старославянского происхождения (дороговизнь, прямая мзда, отчизна, страна, град и т.п.).

В текстах зафиксирована сравнительно малочисленная группа заимствований, для которой характерно приспособление к нормам заимствующего языка с формальной точки зрения, т.е. орфографическое, фонетическое и морфологическое обоснование (грош, дукат, ефимок, крона, речь, курмарк, Марк).

Социально-экономическая лексика пополнялась главным образом или путем развития специальных значений у общеупотребительных слов (продажа – «предательство»; корм – «содержание на довольствии»; проторь – «судебные издержки» и т.п.), или путем вхождения общеупотребительных слов в состав терминологических и устойчивых словосочетаний – штампов канцелярского делопроизводства (денежный сбор, денежный намет, давать без денежной купли, вернейший последний слуга и т.п.). Специальная семантика разговорно-просторечных слов, вошедших в социально-экономическую группу лексики памятника, формировалась в основном в контексте (наклад, убавка – «убыток», трубник – «лицо, оповещающее о чем-либо», дороговь – «дороговизна»).

Семантика существительных, обозначающих лицо по их характерному социальному признаку, опирается в основном на семантику производящего глагола. Общее значение таких слов конкретизируется контекстом (ловец – сельдяной ловец; мастер – денежный мастер; мститель – мститель, тем, кто нарушает мир и т.п.).

Стилистическая дифференциация лексем одной лексико-семантической группы обусловлена в основном контекстом, содержанием излагаемого материала (ср. синонимичный ряд: поминки – подарки – дары; употребление в переносном

значении существительного гнездо – «жилое место, город»; перифрастическое выражение старославянского происхождения прямую мзду иметь в значении «расплата» и т.п.)

Характерной особенностью группы имен существительных со значением лица, «происходящего из страны», «проживающего на определенной территории», «принадлежащего к определенной нации или социально-политической группе людей», является ее морфологическая разнообразность, что объясняется факторами структурного и исторического плана (ср., например, употребление лексем разных словообразовательных моделей: Угры – угряне, турок – турчанин, татары – татаровье и т.п.).

Семантическая дифференциация существительных, обозначающих денежные знаки, основывается на реальном функционировании валюты в обществе, то есть зависит от экстралингвистических условий (ср., например, использование наиболее абстрактного по значению существительного деньги в сочетаниях с прилагательными-определениями: непрямые, обрезанные, худые, обманчивые – «фальшивые, не отвечающие нарицательной стоимости» и терминологические словосочетания типа наметные деньги, наемные деньги).

Несмотря на книжный характер языка большей части «Вестей-Курантов», в ряде случаев тексты памятника дают возможность проследить особенности живой разговорной речи того времени. Исследование бытовой лексики показало, что народно-бытовые слова, зафиксированные в «Вестях-Курантах», входили в сферу повседневной речевой деятельности людей, характеризовали их обиходное общение. Малая частотность употребления и различные семантические изменения анализируемых лексем обусловлены переводным характером памятника и его содержанием, отражающим в основном лексику общественно-политической и социально-экономической сферы деятельности.

В исследуемый период отмечается целый ряд слов и словосочетаний разговорно-бытового характера, перешедших в специальную лексику: буррав – «орудие пытки в виде сверла», дача денежная – «паек, рента», изба съезжая – Посольская – Сенаторская – «административные здания», переход – «речная переправа», подъезд – «конный разведывательный отряд», сполох – «сигнал бедствия» и «тревога, суматоха» и т.п.

Терминология родства, зафиксированная в памятнике, за исключением малоупотребительного существительного колена (родовое) и оставшегося в некоторых диалектах слова сродичи

«родственники», не претерпела существенных семантических изменений, сохранив в современном русском языке значения, известные ранее XVII в.

По текстам памятника прослеживается диалектическое развитие определенной для той поры системы мелких подразделений дня и ночи (суток): день – брезг – утро – полдень – обед – на-вечерие – вечер – ночь, что не было характерно для древнекиевской эпохи. При наличии такой же опосредованной связи понятий времени с практической деятельностью людей и известными природными явлениями, что и в древнекиевскую эпоху, это языковое явление отражает качественно высшую степень абстрагирования, новую ступень развития человеческого мышления. Слова этой лексико-семантической группы сохранялись в русском языке (большая часть в литературном) до сего времени.

В тех случаях, когда писцы-переводчики встречались с возможностью употребить слова, известные им по различным жизненным ситуациям, бытующие в обыденной русской обстановке (названия одежды, пищи, хозяйственной лексики и т.п.), они часто использовали, вопреки литературным традициям, которые требовали неуклонного соблюдения норм церковно-славянской книжности, русскую фонетическую форму слова и даже допускали проникновение в ткань книжного текста лексем с формальными приметами разговорной речи (неверка, насердка, нажитки, всячина, счасток и т.п.) В этом можно усмотреть прямое воздействие живой народной стихии на традиционную манеру курантельщиков, в общем соответствовавшую канонам церковнославянизированной письменной речи.

В процессе исследования народно-бытовой лексики получила освещение неоднозначная семантика слов (вещь – «изделие человека» и «редкий, необыкновенный предмет»; ловля – «процесс» и «место», потеха – «публичное увеселение», «бой, схватка», «охота» и т.п.). Для некоторых слов определены новые, контекстуальные значения (разделка – «возмездие», признак – «вешка, определяющая границу фарватера», горсть – «небольшое количество людей», златоглав – «вид парчи», угодые – «природные ресурсы» и т.п.).

Заемствованная группа бытовых лексем немногочисленна. В основном это слова, связанные с мерами веса, расстояния, количества (ласт, квинтал, миля, кипа). Употребление их в памятнике обусловлено контекстом, содержанием описываемых событий, то есть переводным характером самого памятника.

Стилистическая дифференциация синонимических пар слов старославянского и древнерусского происхождения также объясняется влиянием содержания текстов и, в какой-то мере, литературной эрудицией курантельщиков (ср. в текстах употребление следующих синонимов: очи – глаза, ночь – ночь, помощь – помочь – помога – помога-ние – помогательство, четвертог – четверг и т.п.).

В текстах памятника с описанием экстраординарных событий и, соответственно, насыщенных отвлеченной лексикой, из слов рассматриваемых нами параллельных словообразовательных конструкций гораздо чаще употребляются существительные на –ств(о), чем остальные образования, что соответствует нормам высокого стиля. Однако ряд слов этой группы принадлежит к такой книжной лексике, которая может проникать и в другие функциональные сферы языка, в частности, в тексты с описанием ординарных событий как результат появления новообразований от основ слов, использующихся в разнообразных жанрах письменности.

В исследуемый период отмечается целый ряд слов и словосочетаний, передававших понятия общественно-политического и социально-экономического свойства. Некоторые обозначения восходят к эпохе общеславянского единства и сохраняются, как правило, в составе лексики памятника: князь, господин, товар, доход и т. п. Ряд слов этих тематических групп появился в языке восточных славян или 1) путем развития специальных значений у общеупотребительных слов (страх, палата, польза, доход, продажа и т. п.); или 2) с помощью тех или иных средств от уже известных в то время и общеупотребительных слов (союзник, союзец, дороговизнь, дороговь). Ряд слов-терминов является диалектизмами (сбойство, дуровство, поминки и т. п.).

В этот период появляются составные наименования, устойчивые формулы-штампы (учинить позыв – «распорядится»; управу давать – «разбирать дело»; давать без денежной купли – «даром»).

Словарный состав первой русской рукописной газеты пополнился также старославянизмами, приспособленными для обозначения тех или иных общественно-политических и социально-экономических понятий (целование, договоренность, прямая мзда).

Исследование лексического своеобразия памятника позволяет более четко определить место и роль заимствованных лексических элементов в процессе начального этапа формирования и развития не только нового жанра литературного

языка – газетно-публицистического, но и развития самого словарного состава эпохи формирования русского национального языка. Фонетико-словообразовательная и графически-орфографическая вариативность позволяет проследить пути освоения заимствованной лексики, определить влияние языка-источника или языка-посредника, а также особенности устного восприятия и графического изображения иностранных слов и словосочетаний, их разнообразные связи с русской лексикой.

Наблюдения над употреблением заимствованных слов дает возможность судить об активности заимствующего языка, уточнить время вхождения ряда слов в письменный язык того периода и их значения по текстам памятника: армада, герб, губернатор, квартирмейстер, миля, привилегия, студент и т. д.

Иноязычная лексика памятника подтверждает определение специфики процесса лексического заимствования, а именно: заимствующееся слово является лишь лексико-семантическим материалом, который в процессе ассимиляции претерпевает различные семантические изменения и приобретает новое фонетико-морфологическое оформление в системе и средствами заимствующего языка.

Параллельное использование в текстах исконно русских и заимствованных слов, близких по семантике, позволяет сделать вывод о том, что заимствованные лексемы обладают в системе лексики памятника функцией уточнения, частотность их употребления зависит от контекста и стиля изложения.

«Структурная однотипность сообщений, помещаемых в «Вестях-Курантах», а также переводной характер многих из этих сообщений, не говоря уже о повторности описания одних и тех же событий, способствовали активному проявлению синонимии русского языка. Сохранившиеся до нашего времени беловые и черновые русские тексты и разные переводы одного и того же иноязычного текста курантов убедительно подтверждают этот факт – словообразовательную, грамматическую и лексическую вариантность слов и вариантность словосочетаний» [5].

Возникновение синонимов в лексике вестей-курантов было обусловлено разными причинами. В целом ряде случаев их появление объясняется тем, что синонимия создавалась в результате столкновения исконно русских слов с заимствованной лексикой (среди которой было немало интернационализмов той поры); синонимические ряды могли состоять из двух, трех и более лекси-

ческих единиц, например: гость – купец – продавец – торговый человек и т. п.

В сферу синонимии втягиваются церковнославянизмы, или так называемые книжно-славянские слова, нередко использовавшиеся в языке для придания ему высокой, торжественной окраски: дороговь – дороговля – дороговизнь; очи – глаза; ночь – ночь и т. п.

Заслуживает внимания мысль, высказанная В.В. Даниловым относительно причин широкой синонимии в языке грамот и других документов 17 в.: «Стремление сочинителей грамот к тому, чтобы их содержание служило «ко укреплению и к прибыли вперед, прочно и стоятельно» и чтобы власти на местах «не гораздо путали», вызвало насыщение языка грамот синонимическими словами и выражениями, которые, подкрепляя мысль, ведут к ее более красочному словесному оформлению. Из грамот можно выбрать несколько десятков синонимов, имеющих целью усилить впечатление от сообщения, сделать более веским приказание, более строгим выговор, глубже разжалобить лицо, которому адресована челобитная» [6]. Следует заметить, что язык вестей-курантов не в меньшей (если не в большей) степени насыщался синонимическими словами и выражениями, благодаря которым достигалось красочное словесное оформление мыслей, усиливалось впечатление от сообщения.

Однако, как отмечает Ф.П. Сороколетов [7], было бы неверно свести все причины широкого использования синонимов к этой единственной, вместе с тем не учитывать ее также нельзя.

В отношениях синонимии могли находиться само слово и/или словосочетания: купец – торговый человек; денежный сбор – денежный намет.

В отдельных синонимических парах лексика носила официальный характер, в других – разговорно-бытовой или разговорно-профессиональный: прибыль – польза – доход; убыль – убавка – наклад – убыток – проторь.

Широко представленная синонимия «Вестей-Курантов» значительно дополнялась фонетико-словообразовательной вариативностью, характерной как для лексем русского происхождения, так в большей степени и для заимствованных. В текстах довольно часто сталкиваются общеупотребительные (или собственно-русские) слова и старославянские или диалектные, варьируются однокорневые слова с разными, но синонимичными суффиксами (в том числе и «нулевыми»): дороговь – дороговля – дороговизнь.

На выбор слова в той или иной огласовке влиял ряд лексико-семантических и функциональ-

но-стилистических причин. Слова, отмеченные в памятнике только с полногласием или только с неполногласием, в письменности в основном закреплены языковыми традициями, что обусловило незначительное расхождение частоты их употребления (соответственно 60% и 40%), однако писцы-переводчики отдавали предпочтение русской форме слова, стремясь зарубежную информацию донести до читателя языком более понятным и доступным. Наиболее ярко в этом плане их избирательная деятельность проявлялась в отношении к словам с соотносимыми корнями.

Из зафиксированных в словаре памятника восемнадцати соотносимых непроизводных существительных большей частотой употребления обладают исконно русские формы (90% общего числа словоупотреблений соотносительных пар).

Условиями выбора были:

1) описание конкретной ситуации (так, слова брада, власы, использованы в контексте религиозного содержания, борода, волосы – в контексте, повествующем о «мирских» делах);

2) употребление книжных словосочетаний-штампов (древо животное, страж бусурманского раю, страж печати нашей);

3) использование устойчивых словосочетаний: пожелание «многолтного здравия», словосочетаний типа прилагательное – определение + существительное (иногда терминологического характера) – воинское время, осадное время;

4) традиции официального стиля (ср. употребление слова бремя и переводе ведомостей 1621 г.: ... ваша курфистская млсть такое бремя для устроения миру и покою на себя с радньем принял (1, 6, 24)¹;

5) постепенная дифференциация по значению (страна – «страна, земля, область», сторона – «бок, сторона», храм – «место богослужения», хоромы – «жилище»).

Неполногласные формы употреблялись писцами-переводчиками, как правило, для выражения абстрактных, отвлеченных значений (бремя, власть, время, здравие, нрав), тогда как слова с полногласной структурой по своей семантике и употреблению принадлежат большей частью живому разговорному бытовому языку (берег, болото, ворота и т. д.).

У соотносимых по семантике и стилю слов приоритет в использовании принадлежит исконно русским формам. Ср.: город (450) град (6); голод (15), глад (2).

Этот вывод подкрепляется и тем фактом, что частота употребления словообразовательных гнезд от исконно русских непроизводных основ гораздо выше, чем от основ, старославянских по происхождению, то есть слова с исконно русской семантикой даже в книжных стилях речи оказывались более активными. Ср., например, словообразовательное гнездо с корнем город-град, приводимое выше.

Устранение лексической избыточности шло в пользу полногласных форм, однако ряд слов с неполногласными корнями (срам-, сред-) прочно вошел в лексическую систему древнерусского языка

Исследование лексического своеобразия памятника позволяет сделать вывод о том, что общественно-политическая и социально-экономическая лексика и фразеология занимает в памятнике одно из центральных мест, а ее анализ дает основание считать, что, с одной стороны, в рассматриваемый период на территории Московской Руси идет усиленная работа по упорядочению делового письма. С другой стороны, результаты анализа бытовой лексики памятника говорят о довольно существенном влиянии живой народной речи на разрушение традиционных норм и приемов церковнославянизированного письменного языка.

Таким образом, в процессе формирования норм делового языка его основные тематические группы лексем постоянно, хотя и неравномерно, взаимообогащаются, пополняясь, во-первых, новыми языковыми единицами, в которых происходила специализация значений общенародных и книжных слов, во-вторых, пополнение идет за счет тех или иных словообразовательных средств на базе слов общеславянского или восточнославянского происхождения и, в-третьих, увеличение объема словаря происходит за счет освоения заимствованной лексики.

Развитие лексической системы делового языка в целом, усиление дифференцированного употребления курантельщиками тех или иных лексем в текстах с описанием ординарных либо экстраординарных событий вело к более строгому разграничению формирующихся жанров делового письма. Этот процесс регулярно пополнял словарный состав, а его база, возможно, явилась составляющим элементом длительного процесса зарождения нового функционального стиля – стиля газетной публицистики.

Отмеченные в лексике «Вестей-Курантов» явления отражают те живые процессы преобразования словарного состава языка русской народности, которые превратили его в словарь русского

¹ Соответственно: том, текст, лист.

национального языка. Качественные и количественные изменения словаря русского языка исследуемого периода подтверждают вывод о том, что начальный этап формирования русского национального языка следует относить к «длительному промежутку со второй половины XVI в. до середины XVIII в.» [8].

Исследование таких текстов помогает ввести в научный оборот новый фактический материал, уточнить датировки вхождения, а возможно, и первичного употребления в русском письменном языке ряда заимствованных слов, позволяет определить в известных уже русских словах новые лексические значения или их оттенки, охарактеризовать живые для той поры системные от-

ношения в семантике и структуре делового языка памятника с определенной локальной отнесенностью и временной приуроченностью, выявить некоторые истоки становления газетно-публицистического стиля, или, по крайней мере, ряда его специфических функционально-стилистических черт и соответствующих значений в конкретных языковых единицах лексико-грамматического разряда имен существительных.

В целом особенности языка памятника действительно отражают системные, диалектически развивающиеся отношения лексических средств языка той поры, а поэтому являются актуальными и с точки зрения становления и развития современных норм русского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов. – В. сб.: Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. – София, 1957.
2. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – М., 1958. – С. 70.
3. Черных П.Н. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. – МГУ, 1956. – С. 161.
4. Ожегов С.И. Лексикология, Лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974. – С. 47–48.
5. «Вести-Куранты». Предисловие. – I. – С. 14.
6. Данилов В.В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства 17 в. – Труды отдела древнерусской литературы (Институт русской литературы АН СССР), т. 11. – М.-Л., 1955. – С. 213.
7. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв.. – Л., 1970. – С. 358.
8. Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси. Начальный этап формирования русского национального языка: сб. статей. – ЛГУ, 1961. – С. 25.

Summary

SEMANTICS OF THE NOUN IN RUSSIAN LANGUAGE IN THE FIRST THIRD OF THE XVII CENTURY

V.V. Vvedensky, L.V. Staryh

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The article contains information about composition, structure and becoming of the first manuscript newspaper of the XVII century. Here on the basis of the nouns we can examine the process of formation of business language of Russia, in particular, semantics of political, social-economical and domestic groups of vocabulary of the memorial.

Key words: the first Russian manuscript newspaper, structure, composition, thematic groups of vocabulary, lexical-semantic groups of words, semantics of the noun.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛЕКСЕЯ ГЕССЕНА 20-Х ГОДОВ ХХ В.

Белукова В.Б.

Московский государственный областной университет

**И, глядя в ночь, в глухую ночь,
Мы гордо, мы спокойно скажем:
«Не поддались мы силам вражьиим,
Сомненья, слабость, горечь – прочь!
Благословен тот яркий пламень,
Который юность сжег дотла,
И той дороги каждый камень,
Что нас к распятью привела.**

Алексей Гессен

Аннотация. В статье анализируются переживания поэта Алексея Гессена в эмиграции, которые были высказаны в частных письмах матери его близких друзей Нине Александровне Струве, а также даётся краткая характеристика лицам, упомянутым А. Гессеном в письмах, что позволяет определить круг друзей и знакомых молодого поэта, а также понять его настроения, выраженные в лирике.

Ключевые слова: эмиграция, Русский Юридический Факультет в Праге, Париж, Берлин, Финляндия, академические занятия, учёба, борьба, душевные сомнения.

Наследие Алексея Владимировича Гессена (1900-1925), поэта-эмигранта первой волны русского зарубежья, «полное всепокоряющего обаяния» (П. Струве), постепенно возвращается в Россию. Лирика поэта чиста и светла, пронизана любовью к России, а самое значимое его произведение – поэма «Горькие травы», по мнению Г.П. Струве, не имеет аналогов в русской литературе. В тяжёлые, особенно для русской интеллигенции, обречённой на уничтожение, годы гражданской войны, Алексей Гессен и его старший брат Николай Владимирович Гессен покинули Россию. О жизни Алексея Гессена известно очень мало, поэтому его пять писем [2] Нине Александровне Струве, соседке по профессорскому дому в Лесном (Петроград), жене Петра Бернгардовича Струве и матери пяти сыновей, которые были друзьями детства Алексея и Николая Гессенов, раскрывают характерные черты не только самого поэта, но и той обстановки, в которой ему пришлось прожить последние годы жизни. Эпистолярное наследие Алексея Гессена небольшое, но все письма его глубоки и наполнены раздумьями не только о своей судьбе, но и о судьбе страны, которую ему пришлось покинуть. Всю свою короткую жизнь талантливый юноша с хрупким здоровьем много учился: он обучался на историко-филологическом факультете в Санкт-Петербургском университете, на экономическом

факультете Политехнического института в Лесном, окончил Русский Юридический Факультет при Карловом университете в Праге. Но не только о получении образования думал в это время Алексей Гессен. Как жить дальше – вот что волновало его! И это было в духе его молодого бунтарского характера. Из писем к Н.А. Струве видно, что воспитанный в православных традициях и на русской классической литературе, Алексей Гессен не принял за главную основу те ценности буржуазной жизни, которые были направлены лишь на приобретение личного достатка. Трагедия молодого поэта в том, что в эмиграции – «в стране обид» (М. Цветаева) – он не видит для себя места, но также нет ему места и дома, в совдеповской России... Письма Алексея Гессена проливают свет на его биографию: его вынужденная эмиграция произошла в конце ноября - начале декабря 1921 года, когда братья Алексей и Николай Гессены пешком, по первому льду, добрались до Финляндии; письма указывают на их пребывание в Берлине, Париже, Праге. Очень скупо в письмах говорится трудностях жизни и пламенно о душевных переживаниях своей «бесполезности» по отношению к России... Надорвавшись от непосильной работы железнодорожного «погрузчика», Алексей Гессен умер 10 июля 1925 года, ему только-только исполнилось 25 лет... Смерть талантливого юноши-поэта вызвала огромную горечь в сре-

де русской эмиграции, некрологи о его безвременном уходе были помещены в газетах и журналах русского зарубежья, издаваемых в Берлине, Праге, Софии, Белграде, Париже. В частных письмах Алексея Гессена, как, впрочем, и в его лирике, нет настроения уныния, нет жалоб на болезни, трудности, скромный быт, тяжёлую физическую работу. Глубокая вера помогала Алексею Гессену мужественно принять и выдержать все испытания, посланные ему судьбой. Из писем Алексея Гессена мы узнаём о родственниках, помогавших ему с братом выживать в эмиграции. Адресат писем Алексея Гессена Нина Александровна Струве (1968-1943), дочь очень известного в России педагога Александра Яковлевича Герда (1841-1860), жена Петра Бернгардовича Струве (1870-1944) – крупного российского политического деятеля до октябрьского переворота, философа, публициста, юриста, экономиста, журналиста, редактора, деятельного участника организации конституционно-демократической партии. После октября 1917 года П.Б. Струве не принял диктатуру большевиков, не изменил своим монархическим взглядам, был одним из главных идеологов белого движения при А.И. Деникине, министром в правительстве П.Н. Врангеля, с 1920 года в эмиграции – Праге и Париже. В Праге П.Б. Струве был редактором журнала «Русская мысль», в Париже – газеты «Возрождение». У супругов Струве было пять сыновей: Глеб (1898-1985), литературовед, поэт, переводчик, Алексей [в письмах Ляля – В.Б.] (1899-1976), библиофил и букинист, Константин [в письмах Котя – В.Б.] (1900-1948), архимандрит Савва, Лев [в письмах Лёва – В.Б.] (1902-1951, историк, славист, политолог, Аркадий [в письмах Адя – В.Б.] (1905-1929), секретарь-помощник отца, был глухим. Семьи Струве и Гессенов были соседями в профессорском доме в Лесном, где находился (и находится!) Политехнический институт в Санкт-Петербурге. Известно, что П.Б. Струве и В.М. Гессен, отец Николая и Алексея Гессенов, были соратниками по партии, по убеждениям, по совместной общественной работе. В письмах упоминаются Приселков, который до 1917 года преподавал в Петроградском университете, а в эмиграции – на Русском Юридическом Факультете в Праге; Сергей Добкевич (Париж) и Валентина Добкевич (Гродно) – знакомые Н.А. Струве и Гессенов, в каком они родстве между собой, пока не установлено; Юля – Юлия Юльевна Струве (урожд. Андре) (1902-1991), первая жена Глеба Струве; Ольга Михайловна Бернацкая (1899-1971) – художница, дочь М. В. Бернацкого, крупного общественно-политического деятеля, соратника

П.Б. Струве и В.М. Гессена, жена И.Я. Савича, впоследствии издателя, молодые Савичи были друзьями братьев Гессенов. Внук Н.А. и П.Б. Струве, с рождением которого поздравляет Алексей, – по-видимому, Андрей (1924), сын Глеба Струве и Юлии Андре. Как видно, по возрасту братья Гессены были ровесниками практически всех сыновей П.С. Струве, за исключением, может быть, Аркадия, потому что разница в 5–6 лет была в молодом возрасте достаточно значительна. Известно, что П.Б. Струве и В.М. Гессен были соратниками по партии, по убеждениям, и признание Алексея Гессена о принадлежности к партии монархистов в статье «Там и здесь: впечатления недавно вырвавшегося» [1, с.182-187] становится много понятнее, когда известен круг людей, среди которых он вырос, чьё мнение уважал: тот же П.Б. Струве был монархистом. Алексей, оставшись без матери в 10 лет, конечно же, и дома, в Санкт-Петербурге, и в эмиграции тянулся всем сердцем к многодетной семье Струве, где, судя по воспоминаниям и письмам, всегда было тепло, уютно и интересно. Из писем также видно, что много помощи он получил от своих родственников, во-первых, от родной тёти, Маргариты Николаевны Аитовой (урожд. Бернштейн), младшей сестры их матери – Елизаветы Николаевны Гессен (урожд. Бернштейн), умершей в 1910 году. Сохранилось её письмо Н.А. Струве, в котором она спрашивает о санатории для заболевшего Алексея, также она определит его в клинику Пастера в предместье Парижа, но, к сожалению, болезнь окажется сильнее усилий врачей. М.Н. Аитова впоследствии станет доктором медицины, микробиологом и общественным деятелем в Париже, потомки её до сих пор живут там. Родственники со стороны отца также помогали Алексею и Николаю, тем более, что род Гессенов был очень большой и разветвлённый [3, с. 101-141], а мужчины из рода Гессенов все были политически и общественно очень активны, поэтому у Алексея тоже выражено стремление к общественной жизни. Примером ему был отец, Владимир Матвеевич Гессен, не только видный юрист, но и известный в Петербурге преподаватель, читавший курс лекций по государственному и полицейскому праву, а также по истории русского права в Санкт-Петербургском университете, Политехническом институте, Александровском лицее, Военно-юридической академии, на Петербургских высших женских курсах. Он был секретарём Русской миссии в Гааге, избирался в Государственную Думу II второго созыва от Конституционно-демократической партии, прини-

мал активное участие в разработке ряда законопроектов, направленных к обеспечению основных гражданских свобод, в 1916 году защитил докторскую диссертацию по теме «Основы конституционного права», был до революции чиновником Министерства иностранных дел. В.М. Гессен – один из самых популярных и влиятельных научных публицистов в России, но после революции вынужден был некоторое время скрываться вместе со своими старшими сыновьями, затем недолго преподавал в Иваново-Вознесенском политехническом институте, умер от тифа в январе 1920 года. Известно, что в предсмертном бреду В.М. Гессен говорил о свободе, просил у кого-то: «...дайте хоть минимум свободы»; после его смерти осталась неоконченная рукопись, посвящённая «правам человека и гражданина». Отец Алексея Гессена остался в памяти знавших его как «Защитник прав человека» [10, с. 247-251]. Из письма Алексея видно, что в эмиграции многие помнили его отца и помогали юношам, чем могли. В письме Алексея упоминается Сергей Иосифович Гессен (1887-1950), философ и педагог, автор более 80 работ по основам педагогики, сын И.В. Гессена и отец поэта Евгения Гессена, погибшего в фашистском лагере в Ораниенбурге. Судя по письмам Алексея, С.И. Гессен был в одно время с ними в финском карантине; чувствуется, что беседы с ним были благотворны для братьев Гессенов, они не так сильно чувствовали себя одинокими, к тому же С.И. Гессен искренне восхищался отцом Алексея и Николая, о чём оставил воспоминания [6, с. 414]. В 1937 году вышла книга Иосифа Владимировича Гессена «Годы изгнания: жизненный отчет». Иосиф Владимирович Гессен – двоюродный брат Владимира Матвеевича Гессена и, следовательно, двоюродный дядя Алексея и Николая. Он был крупным общественным и политическим деятелем в Петербурге: создатель юридического органа «Право», одним из учредителей конституционно-демократической партии, членом Государственной думы второго созыва от города Петербурга, председателем судебной комиссии, успешно проведшим основные положения реформы местного суда. В 1917 г. – член Временного совета Российской республики, после октябрьского переворота выступил против большевиков, входил в Политический центр при штабе генерала Юденича, в январе 1919 г. эмигрировал в Финляндию, затем в Германию, где совместно с В.Д. Набоковым и А.И. Каминкой основал в 1920 г. газету «Руль» на русском языке. В 1921-1937 годах И.В. Гессен издал 22-х томный труд «Архив русской революции», а также написал две книги

воспоминаний – «В двух веках» и «Годы изгнания. Жизненный отчет» [6]. Во второй книге воспоминающий он подробно описывает карантинный период в Финляндии. Как это похоже на то, что пишет в частном письме Алексей Гессен! По свидетельству И.В. Гессена, «непрерывный поток беженцев, ежедневно вливавшийся в Финляндию, наводил на мысль, что дело основательно “налажено” за счёт высоких цен, которые финны заламывали за свои услуги» [5, с. 49]. Не всем удалось перейти границу: И.В. Гессен рассказывает о трагической судьбе профессора Нольде, купца Рейдера. Т.е. риск быть убитыми при переходе границы был всегда [7, 8, 9].

Другой двоюродный дядя, Борис Исаакович Гессен, крупный предприниматель, «со скудным образованием и широкой натурой, болезненно склонный к дерзкому риску, он своими руками создал многомиллионное состояние, став, совместно с братом, владельцем крупных транспортных, страховых и банковских предприятий» [5, с. 4]. В родне его называли «богатый Гессен»! У него была большая дача в Усикирке – известном для петербуржцев того времени дачном месте. Именно в этом старинном местечке, в те года бывшем территорией Финляндии, жили первое время беженцы из Советской России, которым финны помогали бежать из Петербурга. Алексей с добротой вспоминает своё пребывание в декабре 1921 г. на даче родственников. И.В. Гессен в книге воспоминаний «Годы в изгнании. Жизненный отчет», оценивая политическую обстановку, сложившуюся в начале 1920-х годов в Европе, в частности Германии и Франции, отмечает: «...не меньше возникло объединений с более или менее политической окраской <...> И красно, и пёстро, но пустоцветом расцвели на неблагоприятной чужой почве все старые политические партии <...> почкование продолжалось, и партия разделилась на несколько групп, резко враждующих и ожесточённо споривших между собой и с социал-демократами из-за представительства во втором интернационале. Примерно то же самое было и у эсдеков – не думаю, чтобы их в Берлине было более двух десятков и столько же было разных оттенков мнений на столбцах их печатного органа», политические направления настолько «расходились широким веером», что «нередко случалось к великому конфузу слышать от немцев: <...> Договоритесь же между собой, господа мои!» [5, с. 63-64]. И.В. Гессен это осознал лишь в конце тридцатых годов, а 23-летний Алексей прекрасно это понял и сформулировал в частном письме уже в 1923 году.

Письма Алексея Гессена передают атмосферу

эпохи борьбы и поражений, душевных и духовных сомнений, напряжённой учёбы, тяжёлой работы, являясь бесценным документом нашей истории.

Письмо первое (орфография оригинала):

«Дорогая Нина Александровна, спасибо Вам за доброе Ваше письмо, за то, что сразу откликнулись на наше известие на прибытие в обетованную страну. Мы бы, конечно, написали Вам в первый же день, но не знали Вашего адреса. Я думал, что Вы в Париже и просил Марг. Ник. передать Вам наш привет в первом же своём письме к ней.

Мне трудно рассказать Вам, как бесконечно, как безумно мы счастливы своей свободой. Вы поймёте это без всяких слов. Что бы ни ждало нас впереди, какие бы новые испытания ни готовила нам судьба – всё мы встретим с радостью, за всё будем благодарить Бога. Отсюда мы едем в Париж, через Берлин. Там мы, конечно, увидим Вас и я уже с радостью мечтаю об этом свидании. Что будет дальше – мы не знаем. Нам необходимо, во что бы то ни стало, найти какой-нибудь, хотя бы ничтожный, дающий самую скромную возможность существования, заработок. Правда, и Марг. Ник. и др. наши родные предлагают нам свою поддержку и помощь, но Вы понимаете, конечно, что мы не можем принять её со спокойной совестью. Мы уже не дети и сами должны о себе заботиться. Знаю, как трудно сейчас русским найти работу в Европе, только надежда на содействие тех, кто любили и помнили нашего отца – даёт нам право рассчитывать найти какое-нибудь занятие. М. б. Петр Бернгардович сможет, что-нибудь сделать для нас в этом направлении. Я знаю, что если есть хоть какая-нибудь возможность нам помочь, то и Вы и он эту возможность не пропустите.

Думаю, что м. б. соединить со службой и учение. Конечно, это было бы очень важно. Но, всё-таки, учение сейчас для нас на втором плане – это роскошь. Серг. Иосиф. Гессен сейчас ещё в карантине, мы много с ним говорили о Петре Бернг., которого мы, как, м. б. Вы знаете, самые яркие поклонники (в политике).

Мы уже кончили сейчас свой срок в Карантине и, в ожидании визы, живём в имении нашего дяди Бор. Ис. Гессена, в Усикирке [излюбленное петербуржцами дачное место, до 1939 года территория Финляндии – В.Б.] (б. пансион Волковой), где нам исключительно, почти невероятно, хорошо. Впрочем, после Совдепии [от «Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» – В.Б.] – всюду рай. Передайте, пожалуйста, дорогая Нина Александровна, наш самый горячий, искренний привет Петру Бернгардовичу и Вашим мальчикам. Крепко жму Вашу руку и ещё раз спасибо за Ваше

письмо, нам так радостно было его получить. Преданный и уважающий Вас А. Гессен. 1921 16/ХП.».

Письмо второе:

«23/Ш 22

Дорогая Нина Александровна! Позвольте мне обратиться к Вам с очень большой просьбой. Мы уже месяц в Париже и через неделю думаем ехать в Прагу, хотя виза ещё не получена – мы ждём её со дня на день. Так вот нам очень бы хотелось знать перед отъездом всё об учебной жизни в Праге. До сих пор мы не знаем даже, когда начало занятий, можно ли нам сейчас ехать, куда деться по приезде, ничего не знаем ни о отделениях Университета, ни о том, как и на каких языках ведётся преподавание. Нам немного неуютно ехать в неизвестность и я очень прошу Вас, дорогая Нина Александровна, написать нам по возможности подробно обо всём нас интересующем. Вы, вероятно, уже успели осмотреться в Праге и легко можете разрешить все наши недоумения. Ещё раз очень прошу извинить меня за беспокойство, с нетерпением жду Вашего ответа и надеюсь скоро с Вами увидеться. П.Б., Глеба и Лялю мы уже видели здесь, но к сожалению только раз. П. Б. очень занят, Глеб уехал в Лондон. Марг. Ник. очень Вам кланяется. Преданный Вам А. Гессен.»

Письмо третье:

«Řicany. Badesorice. Hotel Monopol. 11/ Ш 23.

Дорогая Нина Александровна!

Большое спасибо за то, что вспомнили нас и написали. Не удивляйтесь, что мы сами не писали Вам раньше, но мы не знали Вашего адреса, т. к. теперь переехали (уже с половины декабря) т. е. скоро три месяца за город, в Ржичаны [тогда пригород Праги, ныне – территория города – В.Б.] и живём отшельниками, почти никого не видим и не встречаем. Мы и у Петра Бернг не были ни разу, потому что днём его не застанешь, а вечером нам нельзя остаться в Праге, т. к. после 9 не попасть домой. Вы можете себе представить, что нам не очень весело, но всё таки я очень рад, что удалось выбраться из Стражницы [от слова «страж», т. е. находившиеся под стражей. Это слово встречается в записках и других эмигрантов – В.Б.], ибо там последнее время становилось совсем нестерпимо жить. Здесь же мы много занимаемся, главным образом, дома, т. к. это производительнее и удобнее, чем посещение лекций, к тому же, благодаря дальнему пути и неудобству расписания поездов, отнимающего массу лишнего времени. Понемногу готовимся оба к государственным экзаменам и остающимся полукурсовым (этих последних у нас обоих не сдано по 3) т. к. во что

бы то ни стало решили кончать как можно скорее, осенью, если только в августе–сентябре будет сессия. Коля был в Германии очень недолго, а у Вас и Глеба не был потому же, почему мы не писали до сих пор – не знал адреса. О том, что вы и Пётр Бернг. стали бабушкой и дедушкой мы узнали от Приселкова. Поздравляем Вас, дорогая Нина Александровна, но, мне кажется, Вы имее-те полное право быть недовольной, что так скоро и так рано стали бабушкой. Надеюсь, что Ваша внучка такая славненькая, что Вы всё таки не будете жаловаться. Передайте, пожалуйста, также наши искренние поздравления Глебу и Юле. Когда попаду в Германию, если только попаду какнибудь, непременно у них побываю. Меня не удивляет, что Берлин и тамошняя «русская» Roderies [праздногуляющая публика – В.Б.] Вам не нравятся. На меня Берлин во все 3 раза, что я за этот год там был, произвёл самое отрицательное впечатление. Но, признаться, и Прага a la lonque становится не мила и мне, вообще, кажется, что всюду в Европе нехорошо. Я думаю, что «героический период» эмиграции прошёл, кончился в 1920 году ещё, также как прошёл «героический период» революции, окончившийся в 1921 г., летом, с введением нэпа. Теперь и там и здесь нет пафоса, нет борьбы, веры, только ложь, компромиссы, уступки и колебания. И в сущности одинаково скверно. Мне также не хочется возвращаться в Россию, как и оставаться в Европе. Желаю Вам, дорогая Нина Александровна, всего, всего самого доброго, главное, чтобы Лёва поскорее и окончательно поправился. Привет ему и всем Вашим. Преданный Вам А. Гессен».

Письмо четвёртое:

«28 / 1У 23

Řzicany u Pragy

Radesorice Hotel Monopol

Дорогая Нина Александровна!

Я был очень обрадован Вашим письмом, на которое ответил бы сейчас же, если бы не эти самые занятия, в которых Вы желаете мне успеха и которые отнимают весь день и так утомляют, что к вечеру оказываешься решительно неспособным взять перо в руку. М. б., мы оба слишком понадеялись на свои силы, когда поставили себе целью в июле-августе кончить Юрид. Фак., т. е. сдать ещё 9 экзаменов из Roux 6 государственных. Но раз решили надо исполнить, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Вы пишете, что не согласны с моими пессимистическими взглядами на эмиграцию и пр. М. б. я ошибаюсь. И даже наверное Вы правы, что и здесь, в эмиграции, как впрочем и всюду, можно делать полезное дело, так или иначе готовиться к

будущему и находить в этом какое-то удовлетворение. И всё таки, я остаюсь при своём. Не обобщая, не имея даже в мыслях судить и осуждать, я говорю только за себя, что мне здесь нечего делать. Мы пришли сюда «к шапочному разбору» и даже к шапочному разбору опоздали. Период борьбы не газетными статьями, не спорами, не «подготовкой к будущему строительству», а борьбы делом и оружием, мы пропустили, мы пережили в Советском плену. М. б. те кто в ней участвовал купили себе право отдыха, право со спокойной совестью отдаться этой подготовке себя к будущему и сохранению своих жизней и сил для него. У нас этого права нет и нет поэтому спокойной совести, удовлетворение и отдыха. Мы устали, конечно, и, м. б., не меньше других, но это не та усталость, которая так приятна бывает после оконченной почётной и трудной работы, полная сознания исполненного долга. Эта усталость не разрешается заслуженным отдыхом. Вот я снова повторяю то, что уже, кажется писал вам. Простите, если это скучно Вам. Мне всё таки очень приятно не только верить, но и знать, что я всегда могу рассчитывать на Вашу доброту и участь. Искренне желаю Лёве скорейшего и полного выздоровления и надеюсь скоро увидеть Вас в Праге. Коля шлёт свой лучший привет. Ваш А. Гессен».

Письмо пятое:

«6/Ш 25

Глубокоуважаемая и дорогая Нина Александровна! Вы слишком добры и, право, должны бы были наказать нас за такое непростительно-долгое молчание лишением и без того незаслуженного гонорара. Но перевод Ваш мы получили и во мне заговорила совесть, а главное желание напомнить Вам о себе и получить в ответ и от Вас весточку о том, что у вас делается. Вы знаете из письма Марг. Никол, какую выкинул штуку. Мне чрезвычайно тяжело и неприятно и даже совестно, что я заболел в такое неподходящее время и столько хлопот причиняю этим своим близким. Но твёрдо надеюсь скоро поправиться, а пока лежу в санатории под Парижем сплю, ем, читаю и не очень, в сущности, ропщу на судьбу.

К сожалению, за месяц что проболел, в Париже на ногах я видел, и то только мельком, лишь Глеба, а Лялю так не успел повидать. Однако, т. к. у нас есть общие знакомые (Добкевичи, О. М. Бернацкая) знаю о рождении Вашего внука с которым горячо поздравляю Вас и Петра Бернгардовича. Коля сейчас работает у Ситроёна (автомобили) и, кажется, попал довольно удачно: работа не слишком тяжёлая и утомительная и зарабатывать удаётся до 3-х франков в час, т. е.

около 600 в месяц (без праздников). Но, конечно, надолго (или навсегда!) это было бы весьма печально. И так уже почти год он на пролетарских ролях, а это отражается не только внешне, но и на психике. (Это не значит, что он стал коммунистом!) Как то теряется способность к умственному труду. Впрочем, мы не теряем надежды, что ему удастся устроиться иначе. Теперь позвольте сообщить, сообщить Вам всё о себе, просить и Вас, дорогая Нина Александровна, написать мне хоть несколько слов о Вашем и Петра Бернгардовича здоровье, настроении, ближайших планах. От тех же общих знакомых, о которых я уже упоминал, знаю, что Лёве, слава Богу, гораздо лучше, что он уже поправился. В Праге ли он с Вами или, всё-таки, ещё в санатории? Что подельывают Котя и Адя? Как идёт Пражская академическая жизнь? Все ли по-прежнему? Вы переменили адрес – довольны

ли вы новой квартирой? Мы с Колей часто вспоминаем, как хорошо и интересно бывало у Вас – продолжают ли такие собрания? Всё так же ли много вокруг Вас и Петра Бернгардовича молодёжи? Вот видите, дорогая Нина Александровна, сколько у меня накопилось вопросов. Впрочем – сам виноват, нужно было раньше Вам написать. Не сердитесь же, прошу Вас ещё раз, за нашу лень. Вы ведь не сомневаетесь в нашей искренней и глубокой преданности и уважении к вам и дорогому Петру Бернгардовичу. Очень прошу Вас передать ему и Вашим сыновьям (тем, что с Вами) мой и Колин лучший привет и крепко надеюсь получить от вас весточку. Благодарю вас за себя и за Колю, за незаслуженный перевод. Глубоко уважающий и преданный А. Гессен.

A.Hessen. Sanatorium de Suzental pres Rueil (Sentre-et-oize) France.»

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Г. Там и здесь: впечатления недавно вырвавшегося // Русская мысль. – Прага. – 1922. – Кн.V. – С.182-187.
2. Гессен А. Письма Н.А. Струве // ГАРФ, ф. 5912, оп. 2, д. 28 на 13 л.
3. Гессен В.Ю. Род Гессенов в России (XIX-XX вв) // Из глубины времён. – СПб. – 1996. – №7.
4. Гессен В. Ю. Жизнь и деятельность И. В. Гессена – юриста, публициста и политика. – СПб., 2000.
5. Гессен И.В. Годы изгнания: жизненный отчет. – Париж: YMCA-PRESS, 1979.
6. Гессен С.И. Моё жизнеописание // Введение в прикладную философию М., 1995.
7. Доронченков И.А. Петроград-Куоккала. Через границу, 1920-е гг. // Минувшее: исторический альманах. 19. – М.: СПб.: Atheneum; Феникс, 1996.
8. Коллиандер, Тито. Запомнившееся. Пережитое. – Якобстад, 1978.
9. Реден, Н. Сквозь ад русской революции М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
10. Савенко Г.В., Семенов А.М. В.М. Гессен в Иваново-Вознесенске // Правоведение. – 2003. – № 1.

Summary

EPISTOLARY HERITAGE OF ALEXEY GUESSEN IN THE TWENTIETH YEARS OF THE TWENTIETH CENTURY

V.B. Belukova

Moscow State Regional University

Abstract. The feelings of the poet Alexey Gussen, who was emigrated, are analysed in the article; his feelings were written in private letters to his close friends's mother, named Nina Alexandrovna Struve; the short characteristic of the persons, mentioned in his letters is also given, it allows us to determine the circle of friends and acquaintances of a young poet and to understand his moods, which were expresses in lyrics.

Key words: emigration, Russian Law Department in Prague, Paris, Berlin, Finland, academic lessons, study, struggle, emotional doubt.

СОН КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ И СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО В КНИГЕ А.М. РЕМИЗОВА «ОГОНЬ ВЕЩЕЙ»

Громова А.В.

ГБОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Аннотация. В статье рассматриваются функции сна в эссе А.М. Ремизова «Огонь вещей». Выделены три основные функции: 1) сон интерпретируется Ремизовым как источник творчества, 2) сон становится способом проникновения в творческий мир писателя, 3) «литературные» сны являются объектом критической рефлексии. Оригинальная книга Ремизова является образцом субъективно-художественной ассоциативной критики.

Ключевые слова: А.М. Ремизов; «Огонь вещей»; сон в литературе; ассоциативная критика.

Сны являются важнейшим элементом художественного мира А.М. Ремизова. «Гипнография» и «онейросфера» этого писателя исследовались в работах С. Ароньян [1], Н.А. Нагорной [5, с. 6], Е.Р. Обатниной [8; 9; 10: с. 170–211], Е.В. Тырышкиной [12], Т. Цивьян [13] и др. Объектом анализа чаще становилась художественная, реже – автобиографическая проза писателя. Лишь в 2000-е годы исследователи стали уделять заслуженное внимание книге Ремизова, в которой категория сна является ключевой для понимания художественного целого – эссе «Огонь вещей: Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский» (1954) [6; 7; 10]. В данной статье будут рассмотрены функции сна в этом произведении.

«Огонь вещей» содержит трактовку литературной традиции и состоит из разрозненных этюдов о русских писателях, перемежающихся вставками-рассуждениями Ремизова о собственном творчестве и творчестве вообще, а также о сущности сна и человеческого сознания. Сны выступают здесь в нескольких ипостасях: 1) сон интерпретируется как источник творчества, 2) становится способом проникновения в художественный мир писателя, 3) «литературные» сны являются объектом критической рефлексии.

Прежде всего интерес представляют размышления Ремизова о природе сна. Заглавная метафора «огонь вещей» – это иносказательное обозначение реальной действительности, скрывающей в своих глубинах иррациональные тайны. Для Ремизова сны были способом выхода за пределы трех измерений: они конденсируют опыт прошлого, выносят на поверхность сознания наиболее значимые, но подчас не замечаемые яв-

ления настоящего, предсказывают будущее, позволяют общаться людям, которых разъединяет пространство или даже смерть. Иррациональная, бессознательная природа сна (как состояния), по мнению писателя, наиболее полно отвечает и сущности творчества. При этом писатель отрицал возможность установить постоянную символику снов, так как она индивидуальна у каждого человека и зависит от его душевного состояния [11, с. 360] – и в этом он расходился с представителями глубинной психологии.

Основное содержание эссе Ремизова – интерпретация литературной традиции. В книге выделяется четыре крупных раздела, посвященных русским писателям XIX века: Гоголю, Пушкину, Тургеневу и Достоевскому. Трактовка их личности и творчества проводится в соответствии со «сновидческим» способом Ремизова проникновения в художественный мир писателя: облик творца рассматривается сквозь призму художественных образов (созданных им самим или заимствованных из различных сфер культуры) и неизбежно мифологизируется.

Подобный подход к толкованию традиции был широко распространен на рубеже XIX–XX веков. Эта тенденция, характерная для различных модернистских течений (прежде всего символизма), первоначально проявилась в работах В.В. Розанова и Д.С. Мережковского (на которых Ремизов неоднократно ссылается). Она оказалась крепко укорененной и продолжала жить в критике русской эмиграции 1920–1940-х годов и позже. Поскольку отдельные части книги Ремизова публиковались в парижской русскоязычной периодике еще в 1920-е годы, закономерно рассмотрение ремизовских оценок в контексте

более ранней литературно-критической традиции.

Мифологизация творческой личности писателя происходила из интереса к его духовному миру, душе («душа писателя» – популярный термин в критике того периода). Повышенный интерес к личности творца был, в свою очередь, порожден отталкиванием от двух ведущих научных школ этого периода: культурно-исторической (рассматривавшей художественное произведение как документ эпохи) и психологической (объектом которой были, в основном, литературные персонажи как «социально-психологические типы»).

Близкий к символистским кругам Ремизов разделял взгляд на творчество как на иррациональный процесс, связанный с глубинными уровнями жизни духа. Он писал: «Всякая человеческая жизнь великая тайна. Самые точнейшие проверенные факты из жизни человека и свидетельства современников не создают и никогда не создадут живой образ человека: все эти подробности жизни – только кости и прах. Оживить кости – вдохнуть дух жизни может легенда и только в легенде живет память о человеке <...> а легенда о писателе создается из его произведений, в которых писатель выражает себя и только себя в самом сокровенном, а через себя и тайну жизни» [11, с. 262].

Мифологизация наиболее отчетливо проявилась в интерпретации облика Гоголя – самого близкого Ремизову писателя. В критике Серебряного века существовала негативная оценка творчества Гоголя. Свойственные ему гротескные способы изображения человека были восприняты как антипсихологичность, антигуманность и вообще неспособность передавать образы добра. Розанов первым заговорил о темной природе Гоголя, который начал восприниматься сквозь призму созданных им самим демонических образов – например, колдуна из «Страшной мести». Позже (в основном, в критике эмиграции, первоначально – в книгах К.В. Мочульского и В.В. Зеньковского) этот тезис был заменен противоположным, стал акцентироваться христианский потенциал гоголевского наследия. У Ремизова «демоническая» маска Гоголя тоже присутствует, но полемически переосмысливается и наполняется положительным смыслом.

Ремизов создал свой развернутый, сюжетный миф о Гоголе: писатель странствует по своим произведениям во сне, подобном многоступенчатому сну Чарткова («Портрет»), в котором пробуждение оказывается лишь переходом в другой сон. При этом Гоголь – черт, выгнанный из пекла за доброе дело (жалость) и вынужденный скитаться

среди людей с недостижимой мечтой о воплощении. Образ черта, заимствованный из легенды о красной свитке («Сорочинская ярмарка»), здесь полемически наполняется положительным содержанием, также как розановский образ Гоголя-кикиморы превращается в «чудную и смехотворную» кикимору, чары которой – смех [11, с. 242].

Парадоксально переосмысливаются и характеры гоголевских персонажей. Например, Манилов «снится» Ремизову как офицер-декабрист, Ноздрев – как человек, одержимый тягой к совершенству, а Чичиков – к полноте жизни (подробнее см.: [7]). Ремизов так комментировал свою работу: «У меня получаются не “Мертвые души”, а Воскрешение мертвых. Думаю, Гоголь бы одобрил» [2, с. 241]. Подобная трансформация художественных образов напоминает реальность сна, а по Ремизову – раскрытие сокровенной сущности объекта.

Есть и третий миф, не развернутый в книге – о Гоголе-Сатанаиле, участвовавшем в сотворении мира наряду с Богом. Этот дуалистический миф был почерпнут Ремизовым из русских апокрифов. Взгляд на литературу сквозь призму дуалистической мифологии продолжен в главке о Пушкине, хотя там дано лишь указание на возможное восприятие этого писателя подобным образом: «Когда я читал богомильские легенды о “Тивериадском море”, мне вдруг представился Пушкин: я увидел его демоном – одним из тех, кто выведал тайну воплощения Света; с лилией, поднявшись со дна моря и, пройдя небесные круги, он явился на землю – “и демоны убили его”. Но слово – свет... его сияние хранит русская речь» [11, с. 252].

В критике начала XX века облик Пушкина также мифологизировался: общим местом стали сравнения поэта с Арионом, Орфеем, «беззаконной кометой», Рафаэлем и Моцартом. Однако у Ремизова это фигура наименее мифологизированная. Если бы не упоминание богомильской легенды, можно было бы увидеть в главке о Пушкине сугубо филологический анализ, прежде всего, рассуждения о русском слове. Главной заслугой Пушкина признается то, что он привил литературе настоящую русскую речь, которой советовал учиться у московских просвирен. Для Ремизова вопрос о языке – это центральный вопрос поэтики, так как он сам стремился вернуть русской литературе живой народный язык, который характеризуется не только определенной лексикой, но и синтаксисом. Основная примета ремизовского стиля – «непричесанность», отсутствие знаков препинания и нередкие отклонения от грамматических норм, приближавшие его прозу к разговорной речи, – это реализация установки на возвращение именно к

живому народному языку. По мнению Ремизова, русская литература отклонилась от пушкинского наказа. Более того, простые люди, «хранители русского лада» стали стесняться своего языка: «После Пушкина норовили по-“господски” выражаться, а после Хомякова по-“образованному” [11, с. 250]. «Тургенев <...> создал вместе с Писемским и Толстым условно народный язык, в котором простонародные слова выражаются в речи книжного литературного склада; синтаксисом народной речи – сказом займется Лесков, первый после протопыпа Аввакума, и словесно станет ближе – понятнее простому русскому народу, чем самый “народный” “Бежин луг”, который всегда останется барской подделкой» [11, с. 263].

В критике рубежа веков часто повторялась мысль о существовании в русской литературе двух линий развития – пушкинской (к которой относили Тургенева и Чехова) и гоголевской (преемником которого считали Достоевского). Самого Ремизова называли последователем второй. Ее главная черта – дисгармоничное, трагедийное восприятие мира. Тем неожиданнее кажется ремизовская трактовка творчества Тургенева как наследника именно гоголевских традиций: «<...> Все рассказы Тургенева, начиная с “Записок охотника” – о человеке, как человек мудрует над человеком» [11, с. 264]. Источником внутренней дисгармонии в мире Тургенева Ремизов считал безответную любовь (заметим в скобках, что мотив «неразделенной первой любви» – тоже элемент мифологизирования, основанного на художественных произведениях писателя): «<...> и сердце его – навсегда раненное неразделенной первой любовью и неутоленное, открыто к жуткой и жгучей беде человека бунтующего и смиренного перед неумолимой и беспросветной судьбой...» [11, с. 265]. При этом Тургенев был лишен гоголевской «веселости духа»: «Тургенев без юмора и колдовства – гоголевское озорство и гоголевская магия не по нему» [11, с. 264].

Иррациональность художественного мира Тургенева была впервые отмечена Д.С. Мережковским в его книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Тургенев назван там «властелином полуфантастического <...> мира» [3, с. 176], «истинным предвозвестником нового идеального искусства, грядущего в Россию на смену утилитарному пошлomu реализму». Утверждение Мережковского о мистицизме тургеневского творчества было акцентировано и перенесено на личность писателя в художественной биографии Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева» (1932), созда-

вавшейся параллельно с «тургеневской» главой книги Ремизова.

Иррациональность Тургенева сильнее всего проявилась в описании снов персонажей. Ремизов заметил, что ни у кого из русских писателей, кроме Лескова, нет такого количества снов, и это связано с особенностями художественного и духовного мира писателя.

Ремизов составляет «каталог» тридцати литературных снов Тургенева, включая любовный «приворот» в рассказе «Петушков» – как бы указание на собственную судьбу Тургенева, а сны Аратова в «Кларе Милич» – также как явление мертвого Муция к живым в «Песне торжествующей любви» – развитие этой темы колдовской любви. Сон выступает здесь как мост между живыми и мертвыми или между людьми, разъединенными в реальности. В рассказе «Сон» описано явление «голоса крови», в «Трех встречах» передан «сон любви, возбужденный песней, обращенной к другому» [11, с. 283], в рассказе «Перепелка» – нравоучительный сон десятилетнего мальчика.

У Тургенева немало снов, в которых предсказывается смерть героев (их может видеть как сам обреченный, так и другой персонаж), причем она является под разными видами: это обезьянка («Клара Милич»), женщина с постным лицом, соколиным взглядом и в нерусской одежде («Живые мощи»), старуха с одним глазом на лбу («Старые портреты»), белый человек верхом на медведе («Чертопханов и Недопюскин»), вороной жеребенок («Степной король Лир»), насекомое в одноименном стихотворении в прозе, а в миниатюре «Конец света» Тургенев предсказал собственную смерть.

В произведениях Тургенева воссозданы сны, спровоцированные разнообразными состояниями: в «Накануне» – сон при воспалении легких, в «Отцах и детях» – видения Базарова и бред перед смертью от заражения крови, в «Истории лейтенанта Ергунова» – наркотический сон, и, наконец, в незаконченном рассказе «Силаев» – состояние сна без сновидений. От этого Тургенев переходит к общему «жизнь – сон» и равенству сна с явью. Как считал Ремизов, Тургеневу удалось «передать эту самую завязь, где сходятся и явь и сон, – эту “нестерпимо звенящую трель” колдовства» [11, с. 304].

Ремизов делает попытки толкования снов, руководствуясь связью литературного сна с художественным целым. Так, сон, предрекающий беду, снится Чертопханову в ночь, когда у него украли любимого коня. Базарову перед дуэлью, напротив, снится сон, предвещающий благополучие – в

нем объединены образы женщин, которых он любит (Одинцовой, его матери и Фенички в облике кошечки): женское, материнское начало должно оградить его от беды.

В произведениях Достоевского также описано немало снов, но Ремизов отказался от их «каталогизации» и комментирования. В этом разделе книги на первый план выступает «сновидческий» прием интерпретации художественного произведения.

На первый взгляд, подход Ремизова к творчеству Достоевского отличается историко-литературной точностью: автор эссе ссылается на множество просмотренных им научных и критических источников, как дореволюционных, так и эмигрантских, советских и зарубежных, выходивших в 1920–1930-е годы (тома «Литературного наследства», «Материалы и исследования» под редакцией А.С. Долинина, материалы из Архива Достоевского, история русской литературы Д.П. Святополк-Мирского, пражские книги Бема и немецкие – Артура Лютера). Эта база необходима Ремизову, чтобы проследить постепенное становление художественного мировидения Достоевского. Но при характеристике произведений Ремизов отрешается от научного подхода и передает свое восприятие – импрессионистически-сюрреалистичное.

По мнению Ремизова, пережив страшную минуту ожидания казни, Достоевский, побывав за гранью трехмерной реальности и обрел особое художественное зрение – сюрреалистическое и близкое гоголевскому. Такое восприятие мира очень близко сновидению. Охарактеризованы два произведения Достоевского: рассказ «Скверный анекдот» и роман «Идиот», причем первое интерпретируется как указание на неблагоприятное человеческое бытия, а второе – как утверждение добра.

Особо следует остановиться на ремизовском рассмотрении «литературного сна» как художественного феномена. Ремизов различал в литературном произведении формальное упоминание сна как мотивировки введения какой-либо темы и воссоздание самой «сонной действительности».

Автор эссе изучал литературные сны на очень обширном материале, и его отношение к снам у разных писателей было неодинаково: «Сон в русской литературе – с библейских видений протопопа Аввакума, описанных в последнем *Послании к царю Алексею Михайловичу*, и “мутного” сна Святослава в *Слове о полку Игореве*, Загоскин в *Юрии Милославском* вводит сон, как литературный прием, но сон Юрия, как сон Обломова у Гончарова, вне реальности сновидений: такое мо-

жет и во сне присниться, но может и наяву представиться. <...> Сны, как особая действительность (существенность) по-своему закономерная, со своей последовательностью, но вне дневной бодрственной логичности, впервые появляются у Пушкина» [11, с. 253].

Рассуждение о снах в русской литературе продолжено в книге «Мартын Задека (Сонник)»: «В литературных снах – сны в рассказах – всегда любопытно, где “сорвется” дневное (реальное) сна. В этом срыве все искусство. Большим искусством в описании снов владел Л.Н. Толстой, наблюдавший в жизни что самому снилось, и подметивший закон “беззакония” сна.

То же большое искусство у Достоевского, Тургенева, Лескова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова. <...>

Сонного дара лишен был до жалости Гончаров, назвавший лучшую главу “Обломова” сном Обломова, и Короленко со своим “Сном Макара”. И, как это ни странно, Чехов, написавший “Черного монаха”» [11, с. 355].

В книге «Огонь вещей» в разделах о Гоголе, Пушкине и Тургеневе Ремизов приводит своеобразный «каталог» литературных снов с обширными цитатами и комментариями, а также отмечает переключку снов у разных писателей.

В разделе о Гоголе проанализировано шесть снов персонажей: сон-наваждение Шпоньки, «четырёхступенный» сон Чарткова («Портрет»), сны Катерины и пана Данилы из «Страшной мести», Левко («Майская ночь»), демонические сны философа Хомы Брута («Вий») и кузнеца Вакулы («Ночь перед Рождеством»), «реалистичный» сон городничего («Ревизор»), сюжетный сон деда в «Пропавшей грамоте». Для Ремизова эти фрагменты не только свидетельствуют о художественном мастерстве Гоголя, но являются отражением его мировидения: «Мир, как наваждение; во сне и наяву морока, и некуда проснуться» [11, с. 204].

Анализируя шесть снов Пушкина, Ремизов отмечает, что каждому из них был дан отклик в русской литературе. Сон Татьяны отозвался в «Войне и мире» и в «Пропавшей грамоте», сон Марьи Гавриловны из «Метели» – в сне Ивана Федоровича Шпоньки (смена четырех картин), сон гробовщика Адриана Прохорова предвосхитил сон лейтенанта Ергунова у Тургенева, а сон Германна из «Пиковой дамы» – сон Раскольников. Сон Гринева в «Капитанской дочке» с подменой-превращением нашел отклик у Толстого в его приемах описания сна, особенно ярко – в «Двух стариках» и в «Анне Карениной», где он также, как и у Пушкина, оказывается вещим.

Самое большое число снов (тридцать) – в произведениях Тургенева. Они отличаются разнообразием форм, но едины в содержании: свидетельствуют о глубоком неблагополучии духовного мира писателя и его героев. У Ремизова Тургенев – сновидец, «делящий жизнь между чудовищной явью и кошмарным сном» [11, с. 265]. Заметим, что путем Ремизова пошел В.Н. Топоров в своей книге «Странный Тургенев» (М., 1998), прибегнув к каталогизации литературных снов и заново вернувшись к вопросу о необходимости изучения бессознательных импульсов художника.

По справедливому замечанию А.И. Михайлова, «сны у Ремизова могут выступать как звенья, проясняющие в своих взаимосцеплениях и общей связанности некий универсальный план, некую скрытую, непонятную без их истолкования духовную реальность. <...> Цельность всей, можно сказать, русской литературы он выводит из взаимосвязанности между собой снов в произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Достоевского и Лескова» [4, с. 97].

Подводя итоги, отметим следующее. Ремизов первым обратился к изучению литературных снов

и попытался «каталогизировать» сны, описанные крупнейшими русскими писателями XIX века. Он опирался на оригинальный «сновидческий», «импрессионистически-сюрреалистический» метод восприятия и толкования художественных произведений, что привело к созданию мифологизированных образов русских писателей. При этом книга Ремизова обнаруживает близость к модернистской критике рубежа веков: как «намеренной субъективацией повествования», «подчиняющей аналитическое осмысление эстетической реальности субъективирующему вживанию в нее» [7], так и частными литературно-критическими интерпретациями. По справедливому замечанию Е.Р. Обатниной: «"Огонь вещей" представляет собой не только глубоко новаторское произведение, но и закономерный результат культурного освоения идей и текстов, впитавший в себя основные уроки развития философско-художественной критики своего времени» [10, с. 13]. Исследование снов в литературе сопровождалось размышлениями Ремизова об интуитивной природе сна, которая близка природе творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aronian, S. The Hidden Determinant: Three Novels of Remizov [Текст] / S. Aronian // Russian Literature Triquarterly. – 1986. – № 19. – P. 127–163.
2. Кодрянская, Н. Алексей Ремизов [Текст] / Н. Кодрянская. – Париж, 1959.
3. Мережковский, Д.С. Эстетика и критика: В 2 т. [Текст] / Д.С. Мережковский. – Т. 1. – М.: Искусство; Харьков: Фолио, 1994. – 670 с.
4. Нагорная, Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: Дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Нагорная. – М., 2004. – 414 с.
5. Нагорная, Н.А. Поэтика сновидений и стиль прозы А.М. Ремизова: Дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Нагорная. – Барнаул, 1997. – 216 с.
6. Ничипоров И.Б. Персонажи «Мертвых душ» в творческом восприятии А. Ремизова (2009) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/41183.php>, дата обращения 15.01.2012.
7. Обатнина, Е.Р. «Огонь вещей» А. Ремизова и миф о Гоголе начала XX века [Текст] / Е.Р. Обатнина // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. – СПб.: Д. Буланин, 1994. – С.129–141.
8. Обатнина, Е. А.М. Ремизов. Личность и творческие практики писателя [Текст] / Е. Обатнина. – М.: НЛО, 2008. – 296 с.
9. Обатнина, Е.Р. А.М. Ремизов: личность, творчество, художественный опыт: Дис. ... д-ра филол. наук / Е.Р. Обатнина. – СПб., 2006. – 352 с.
10. Ремизов, А. Собр. соч. [Текст] / А. Ремизов. – Т. 7. Ахру. – М.: Русская книга, 2002. – 640 с.
11. Тырышкина, Е.В. «Крестовые сестры» А.М. Ремизова: Концепция и поэтика [Текст] / Е.В. Тырышкина. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. – 235 с.
12. Цивьян, Т. О ремизовской гипнологии и гипнографии [Текст] / Т. Цивьян // Серебряный век в России. – М.: Радикс, 1993. – С. 199–238.

Summary

SLEEP LIKE THE OBJECT OF REFLEXION AND CONSTRUCTION OF ARTISTIC WHOLE IN THE BOOK BY A.M. REMISOV «THE FIRE OF THINGS»

A.V. Gromova

Moscow urban pedagogical university

Abstract. The article deals with functions of dream in essay «Fire of Things» by A.M. Remizov. Three basic functions are allocated: 1) the dream is interpreted by Remizov as source of a creativity, 2) dreams are a way of penetration into the creative world of the writer, 3) “literary” dreams are an object of a critical reflection. The original book by Remizov is the sample of subjective-art associative criticism.

Key words: A.M. Remizov; «Fire of Things»; dreams in literature; associative criticism.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДОВ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Кириллова А.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В данной статье рассматривается жанровая специфика перевода драматургии, как особого подстиля художественной литературы. Драматургические произведения обладают рядом особенностей и характерных черт, которые, в свою очередь, требуют от переводчика адекватной передачи.

Ключевые слова: драматургическое произведение, конфликт, художественная литература, двойственная природа, контекст.

Театр, как вид искусства, играет с древнейших времен и до наших дней огромную роль в деле воспитания, просвещения и морального очищения людей. Театр неразрывно связан с жизнью человеческого общества.

Переводная драма из сокровищницы мировой литературы прочно вошла в литературы народов мира, обогатив и расширив их горизонты. Однако, несмотря на это, перевод драмы как жанра был и до сих пор остается одним из наименее изученных аспектов переводоведения. Анализ современной литературы, посвященной этой проблеме, свидетельствует о недостаточной изученности драматургического перевода. Среди аспектов художественного перевода много внимания всегда уделялось переводу поэзии, тогда как перевод драмы до сих пор находится на периферии.

Среди основных причин отсутствия комплексного теоретического обоснования исследователи указывают следующие: двойная природа драмы, сложность определения характеристик драматургического текста, связь между переводом драматургического произведения и постановкой переводной драмы на зарубежной сцене.

Драматургический перевод является не просто переводом художественного произведения, переводчик должен осознавать, что его продукт потенциально предназначен для сцены, то есть для постановочного процесса. Однако очень часто авторы драматургических переводов склонны не учитывать специфику ситуации, свойственной театру: ситуацию произнесения текста актером в определенном месте и в определенное время для конкретной аудитории, которая воспринимает одновременно и текст, и постановку. Анализ факторов, влияющих на драматургический перевод, показывает: для достижения позитивных ре-

зультатов в этой области необходимо обратиться к литературоведам, режиссерам, актерам и продюсерам. Только в тесном сотрудничестве с этим коллективом рождается акт перевода, выходящий далеко за рамки постановки драматургического текста, задуманного и воплощенного на сцене в плоскости одного языка.

Специфическими чертами драмы как рода литературы являются отсутствие повествователя и резкое ослабление описательного элемента. Основа драмы – зримое действие, и это сказывается на особом соотношении в ней событийного движения и речей персонажей. Высказывания героев и расположение, соотношение частей – важнейшие способы раскрытия мысли автора. По отношению к ним другие способы выражения авторской позиции (перечень действующих лиц, ремарки, указания для постановщиков и актеров) играют подчиненную роль.

В произведениях драматургического жанра, в отличие от эпических и лирических, отсутствуют авторские описания, повествование, отступления. Речь автора появляется только в ремарках. Все, что происходит с героями драмы, читатель или зритель узнает от самих героев. Вследствие того, что герои драматургических произведений проявляют себя только в действии, речь их имеет целый ряд особенностей: она непосредственно связана с их поступками, более динамична и экспрессивна, чем речь героев эпических произведений. Большое значение в драматургических произведениях имеют также интонации, пауза, тон, то есть все те особенности речи, которые приобретают конкретность на сцене.

Драматург, как правило, изображает только те события, которые необходимы для раскрытия характеров персонажей и, следовательно, для обоснования развивающейся борьбы между дей-

ствующими лицами. Все остальные жизненные факты, не имеющие прямого отношения к изображаемому, замедляющие развитие действия, исключаются.

Все, показанное в пьесе, трагедии, комедии или драме, завязывается драматургом в один большой узел. Отсюда – концентрация изображаемых событий и второстепенных персонажей вокруг главных действующих лиц. Сюжет драмы характеризуется напряженностью и стремительностью развития. Эта особенность сюжета драматургических произведений отличает его от сюжета эпических произведений, хотя те и другие сюжеты строятся на общих элементах: завязке, кульминации и развязке.

Отличие драмы от эпоса и лирики выражается также и в том, что произведения драматургического жанра пишутся для театра и получают свое окончательное завершение только на сцене. В свою очередь театр оказывает на них влияние, подчиняя их в какой-то степени своим законам. Драматургические произведения делятся, например, на действия, явления или сцены, смена которых предполагает перемену декораций и костюмов. Примерно в трех, четырех действиях пьесы, т. е. в течение трех, четырех часов, занимаемых спектаклем, драматург должен показать возникновение конфликта, его развитие и завершение. Эти требования, относящиеся к драматургам, обязывают их выбирать такие явления и события жизни, в которых особенно ярко проявляются характеры изображаемых людей. Работая над пьесой, драматург видит не только своего героя, но и его исполнителя. Театр создает гораздо большую иллюзию жизни, чем какое-либо другое искусство. Все, что происходит на сцене, воспринимается зрителями особенно остро и непосредственно. В этом – огромная воспитательная сила драматургии, отличающая ее от других родов поэзии.

Драма имеет особенный статус: она стоит на грани литературы и театра. Эта исторически обусловленная двойственность, а также тот факт, что театральная постановка драматического произведения является плодом коллективного творчества – актеров, режиссера, декораторов, гримеров, техников и др. – усложняют вопрос определения специфики драматургического текста. Еще сложнее представляется охарактеризовать процесс постановки переведенного драматического произведения на зарубежной сцене. Логично до-

пустить, что процесс передачи драматургического текста из одного языка в другой подобен процессу транспозиции (в плоскости одного языка) письменного текста драмы на театральную сцену. Однако известно, что сама наука о театре еще не разработала приемлемой теории, описывающей постановку художественного текста драмы на сцене. Следует четко разграничивать перевод драмы, предназначенный для дальнейшей публикации и чтения, то есть чисто художественный текст, и перевод драматургического текста с целью дальнейшей постановки. В этом состоит двойная природа драматургического текста, этим, прежде всего, характеризуется перевод драмы. Переводная пьеса может иметь два варианта – текст для чтения и текст для постановки. Вместе с этим, некоторым переводчикам удавалось в одном варианте перевода воплотить две разновидности драматургического текста, предназначенного как для чтения, так и пригодного для театральной постановки.

С целью обеспечить успех будущей постановке, переводчик должен всегда уделять большое внимание вопросу передачи в целевом тексте культурного компонента оригинальной драмы. Воссоздание национально-исторического своеобразия оригинала приобретает в драматургическом переводе огромное значение. Ведь в театре все происходит перед глазами свидетелей – зрителей, как в жизни. Переводчик не может привести пояснения в комментариях к иноязычной реалии, поскольку каждое переведенное слово (за исключением авторских ремарок) произносится актером на сцене. Для адекватного понимания перевода инокультурной драмы целевая аудитория должна владеть определенным «культурным багажом», чтобы быть в состоянии услышать и откликнуться на текст, произносимый актерами, в частности понять, что подтолкнуло переводчика выбрать тот или иной прием передачи иноязычного культурного компонента.

Переводчику драматического произведения необходимо предварительно ознакомиться с творчеством автора и контекстом написания драмы; изучить характеры действующих лиц драмы, их сценические образы и стилизованную речь; проанализировать стиль и семантику исходного текста, а также его культурно-исторический колорит; и, наконец, сосредоточиться на адекватном воссоздании в тексте перевода национального компонента оригинальной драмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 190 с.

■ ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДОВ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. EnglishRussia. – Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: Союз, 2000. – 320 с.
3. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973 – 215с.
4. Крупнов В.Н. Гуманитарный перевод. – М.: Академия, 2009. – 160 с.

Summary

GENRE SPECIFICS OF TRANSLATING DRAMATICS

A. V. Kirillova

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. This article deals with the genre specifics of translating dramatics as one of subtypes of fiction. The dramatical pieces have a number of peculiarities and characteristic features which in their turn should be translated adequately.

Key words: A dramatical piece, conflict, fiction, double nature, context.

ПОВЕСТЬ И.С.ШМЕЛЕВА «ГРАЖДАНИН УКЛЕЙКИН»: ОБРАЗНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Кияшко Л.Н.

Аннотация. Цель данной статьи – показать, как в творчестве И.С.Шмелева отображается глубинная традиция классической русской литературы, которую сам писатель определил как «искание правды». В качестве материала исследования выбрана повесть «Гражданин Уклейкин», в которой показана жизнь видимая, повседневная, но под внешним, видимым скрыт глубокий подтекст.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, «маленький человек», реалистическая проза, христианский этический подтекст, традиции классической литературы.

Начало XX столетия было, кроме прочего, периодом усложнившихся взаимоотношений между литературой, общественной жизнью и изменившимся читателем. Во времена, когда одна литературная тенденция сменялась другой, когда хорошим тоном для художника считалось быть элитарным, не понятным массовой аудитории, И.С. Шмелев остается приверженцем реалистического метода.

Много позже, уже в эмиграции, профессор Н.К. Кульман, работавший в те годы на русском историко-филологическом отделении Сорбонского университета, писал: «ни к каким модным течениям Шмелев не примкнул, а пошел по широкой дороге художественного русского реализма» [6, с. 3]. Характер творчества Шмелева 1906-1912 годов свидетельствует о том, что он остался верным реалистическому методу в литературе.

Помимо заметной социальной направленности реалистического творчества И.С.Шмелева 1900-1910-х годов, его проза несет черты духовно-нравственной литературы: вера в человека вырастает в религиозное стремление постижения истинной сути христианских добродетелей: «Я знаю, что, <...> имея дело с самыми реальными фактами, с самой обыденной жизнью, я, по крайней мере, в себе и с иных вызывал душевные движения и будил мысли порядка высшего (выделено нами – Л.К.)» [13, с. 133]. Объединяющая шмелевские произведения этого периода идея возрождения – не художественный вымысел, но живая, близкая русскому человеку действительность. Тема возрождения у писателя необычайно многогранна: это и обретение веры, и грехопадение с последующим покаянием.

Попытка донести правду «маленького человека» была предпринята И.Шмелевым в по-

вести «Гражданин Уклейкин», впервые опубликованной в журнале «Русская мысль» за 1908 год (№ 5-6). Понимая сложность и неоднозначность развития историко-литературного процесса рубежа веков, И.С.Шмелев замечал: «Выступил я в трудную пору, когда царил и громко заявлял о себе модернизм. Тогда жутко было входить под ручку с Уклейкиным. Пахло нехорошо. Иначе не мог – пошел. И не убили! Может быть, этим временем объясняется, что гробовым молчанием меня приняли» [14]. Действительно, некоторые критики считали, что в «Гражданине Уклейкине» изображены «не живые люди, а бледные, неубедительные схемы» [12, с. 133]. Сам автор, комментируя резкую и несправедливую критику, писал М. Горькому: «Не хотели вдуматься в Уклейкина и увидеть в нем не только пьяницу-сапожника и единицу, сбитую с толку. Заплеванную и загаженную жизнь, сбитую с толку и неумело протестующую, не хотели увидеть» [15].

В повести показан сложный момент в развитии и становлении характера человека – обретение внутренней независимости. Создается впечатление, что этот процесс носит полубессознательный характер. Однако сам Шмелев подчеркивал: «А вот, видите ли, были такие “критики”, которые в Уклейкине увидели только спившегося сапожника, на что-то претендующего. Вот-с... Тут, написав, увидел я, что в моем Уклейкине есть нечто большее, чем “сапожник-пьяница”» [16]. Трагическое несоответствие времени падения нравов и внутреннего самосознания мятущегося, мучительно ищущего правду человека создает многосложный и неоднородный образ. Уклейкин – человек, остро чувствующий несправедливость и неправедность жизни, живущий словно с открытым, обнаженным сердцем, которого больно ранят

насмешки и унижения. Он как бы мечется в замкнутом круге и попусту растрчивает свою жизнь. В повести Уклейкин – бунтарь-мученик, ставший посмешищем в глазах окружающих. Он добровольно обрекает себя на унижения, словно желая таким путем очистить душу, возвести ее к мудрости и свободе, выплеснув с криком свою боль. Повествуя о жизни испитого, потерявшего веру во всякую справедливость сапожника, Шмелев поднимается до социальных обобщений. И.А.Ильин писал: «Шмелев показывает людей, страдающих в мире оттого, что они верно и глубоко чувствуют этот мир, – мир, лежащий в страстях, накапливающий в себе эти страсти и разряжающий их в форму мировых взрывов» [5, с. 117].

Герой повести – сапожник-пьяница, «кабашник», «обормот», «шкандалист», казалось бы, давно свыкся с сознанием своей потерянности и ничтожности. Однако в нем время от времени поднимается неосознанный протест против жалкого, тоскливого существования, и хмельной, он покидает свою грязную комнатенку в подвале и рвется обличать – на потеху публике – «отцов города», скандалит с городовым, которому приказано не пускать Уклейкина на Золотую улицу, где гуляют господа. В бессвязных, на первый взгляд, речах Уклейкина скрыта правда о происходящем вокруг, та правда, что знают все, но «не говорят громко, а разносят из дома в дом так, что сейчас же узнают на задворках; что казалось забытым и вдруг всплывает» [12, с. 31]. Но истина, которую пытается высказать полупьяный сапожник, никому не нужна, а на самого Уклейкина смотрят как на потеху, не видя и не желая видеть страданий его растерзанной души.

Шмелев показывает, как постоянное унижение калечит душу человека: Уклейкин добровольно принимает на себя роль шута, чтобы еще сильнее растравить свои раны. «Для натур, подобных Достоевскому и Шмелеву – сентиментальность является одной из основных опасностей. – считает И.А. Ильин. – Человек с повышенной и истонченной чувствительностью может начувствовать так много, что он уже не успевает и не может изжить (отреагировать) свои чувства: они скапливаются и начинают изживаться неуместно, над несостоящими предметами, в неубедительных формах. <...> А в искусстве всякая сентиментальность и всякая аффектация – нехудожественны: акт не соответствует ни предмету, ни образу; и у читателя слагается впечатление, что из его души неис-

кренно выжимают несоответственный предмету запас чувствительности. <...> А Достоевский и Шмелев – быстро преодолели свою склонность к сентиментальности, выйдя в сферу эпического созерцания и настоящего трагического порыва» [5, с. 117-118].

Так же, как и Ф.М. Достоевский в своих героях, И.Шмелев отмечает в Уклейкине два противоборствующих начала: «Как и во всяком человеке, в Уклейкине были одно в другом таившиеся два существа. Одно – глубоко внутри, не сознаваемое, а лишь чувствуемое. Оно-то всегда ныло в нем, билось мучительно, точно хотело вырваться из него и умчаться... Другое было явное, он сам, обиденный Уклейкин, с тонкими костлявыми ногами и согнутой спиной, как высохшая вобла. <...> Пытавшийся убежать, пьяный от первого, заложенного глубоко внутри, нывшего и бившегося, гремевший опорками и рвущийся обнаружить, выкричать этого внутреннего, мятущегося, и осмеиваемый» [12, с. 56]. Это характеристика не внешняя, а глубоко внутренняя. Уклейкин молод, но производит впечатление уже много прожившего, усталого человека. Причем, ощущение его значительного возраста есть с самого начала повести, и лишь позже читатель осознает, что главный герой совсем не стар – ему немногим больше тридцати.

Оттого ли, что все год от году дорожает, или потому, что дня не проходит без того, чтобы Матрена «поедом не ела», жизнь Уклейкина горька и мучительна, его часто гнетет наваливавшаяся неизвестно с чего тоска, и он мечтает уйти куда-нибудь от скучного, безрадостного существования, от постылой жены, спрятаться от всего мира в лес, но сознает, что этого не будет, уйти некуда и изменить ничего нельзя, сознает, что он слабый, «совсем никудышный» человек, и все видят это, и Мишутка, подрастая, будет говорить точно так же, и от всего этого становится еще тоскливее и безрадостнее. И он живет так долгое время, уже почти потеряв надежду на то, что придут лучшие времена. Так в повести возникает мотив мечты, которую пытается воплотить в жизнь Уклейкин, и тут же разрушение этой мечты, еще не воплотившейся.

Образ героя повести «Гражданин Уклейкин» восходит к мифологизированному персонажу русских волшебных сказок Иванушке-дурачку, часто действующего вопреки здравому смыслу, сочетающего в себе скоморошество и бунтарство. Иванушка-дурачок, не подчиняясь рас-

судочной логике, совершает бессмысленные, а иногда и эпатажные других поступки, за что над ним смеются и даже, случается, бьют. Мятущаяся жизнь Уклейкина также противопоставлена размеренному, зашоренному существованию обывателей. Интересно, однако, что в сказках бездумные и бесполезные поступки Иванушки-дурачка только кажутся таковыми, а в дальнейшем раскрывается их смысл. Так и за шутовской маской шмелевского героя скрывается серьезное, подчас трагическое отношение к миру. М.М. Бахтин это состояние характеризует как «карнавал», переживаемый в одиночку с острым сознанием своей отъединенности» [1, с. 45]. Нужно отметить, что в народной традиции Иванушка-дурачок стоит в одном ряду с юродивыми Христа ради [7, с. 100].

В русской фольклорной традиции Иванушка-дурачок неизменно выступает как «говорящий» персонаж: он рассуждает об устройстве мира, предсказывает будущее, толкует то, что непонятно другим. Его слова и поступки не принимаются окружающими, потому что они неожиданны и идут вразрез со здравым, то есть обыденным, смыслом. Подчеркивается в сказках и умение Иванушки петь и играть на музыкальных инструментах, а также его поэтические способности. В повести И.С. Шмелев отмечает, что «когда-то Уклеикин был знаток песни и балалайки, балагур и форсун» [12, с. 37]. Сказочный персонаж успешно проходит все испытания и достигает высших благ: побеждает врагов, женится на царской дочери и получает богатство. Свадьба, которая приводит к повышению социального статуса, изменению семейного положения и даже внешнего облика, представляет собой своеобразный «чудесный» выход из жизненных коллизий (ведь чаще всего Иванушка-дурачок – младший сын, младший брат, не имеющий страсти к наживе). В реальной жизни все оказывается намного сложнее. Именно с момента женитьбы Уклейкина на обманувшей его Матрене как бы ломается доселе радостная и беззаботная жизнь молодого «ботинщика».

Несмотря на то, что сказки, в которых главным героем выступает Иванушка-дурачок, имеют по преимуществу сугубо бытовую окраску, сам образ этого персонажа, его алогичность, отказ от рассудочности и стремления к обогащению, сближает его с юродивыми, характеристика которых в русской духовной традиции получает особое развитие [3, 4, 8, 9]. Юродивые, не гнушающиеся жить рядом с теми, кого

отвергало обывательски-благоразумное общество, и равнодушные к жизненным благам и удобствам, обличали людей, забывших христианские заповеди, взывали к совести, наставляли ближних в вере. И.С. Шмелев недаром дает своему герою имя Дмитрий, изначально заявляя его как юродивого-мученика. Святой великомученик Димитрий Солунский особенно почитаем у русских и вообще у славянских народов, считающих его своим заступником. Символика этого имени еще и в том, что для перевода греческого слова «salos» – простой, искренний, наивный – издревле употребляется слово оурод, юрод, юродивый. С первого взгляда кажется, что шутовство и скоморошество героя повести профанирует должную сущность человека, определенную именем христианского святого, который ему покровительствует, однако глубинная суть произведения именно в том, что никому не нужного человека словно осеняет милосердная и спасающая любовь Божия, когда он обретает веру в себя. Эта едва обозначенная возможность преображения, зарождения в герое нового человека угадывается посредством коренного переосмысления его облика – маски шута.

В христианской традиции имя является определителем личности человека, несет в себе смысл его бытия. О. Павел Флоренский отмечал: «Имена распределяются в народном сознании на группы. Если священник дает крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь, а если имя мученика – жизнь сойдет на одно сплошное мучение. Обычно подчеркивание в имени его царственности, нищелюбия и других качеств. Тут сказано “в имени”. Да, в имени, а не в святом, ибо и святой сам имеет определенный склад своей личности и определенную кривую жизненного пути, как носитель имени своего, – старший брат своим соименникам по всыновлению имени, но не отец. <...> Имя оценивается Церковью, а за нею – и всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия; как идея; а святой – как наилучший ее выразитель, свое эмпирическое существование сделавший прозрачным так, что через него нам светит благороднейший свет данного имени» [11, с. 34]. Полученное имя во многом приобщает человека к святому, носителю данного имени.

Юродивые, пользующиеся на Руси необыкновенным уважением, органически связаны с одной из наиболее древних русских культурных

традиций – калик перехожих. В Древней Руси слово калика или калека обозначало не искалеченного человека, а того, кто много странствовал в поисках истины и побывал в святых местах. По преданиям, калики – земные странники, наделенные богатырской силой, которую не удается реализовать. Уклейкин у Шмелева – такой же странник, мучительно ищущий правду, униженный богатырь, растерявший попусту свою силу. Уклейкин – сапожник, а само понятие калика происходит от названия обуви средневековых странников (латинское «caligae», «calicae») – сапог с низким голенищем. Интересно, что в период беззаботного бытия сам Уклейкин именуется ботинщиком, да и автор называет его так, и только когда наступают времена мучительной, убогой, тоскливой жизни, из которой герой интуитивно ищет выхода, он «становится» сапожником, то есть символически приближается к странничеству – правдоискательству. Как наивный ребенок, он, отказываясь скрывать свои мысли, являет пример иной нравственности – поведения, которое объявляется шутовством. Нищий запойный сапожник, над которым неизменно смеются обыватели, во многом честнее и порядочнее тех, кто умеет изворачиваться, и потому ему художник предоставляет право судить о «хозяевах жизни».

Для того, чтобы показать развитие характера героя, Шмелев вносит в повествование социальную ноту – выборы в Государственную Думу, и в сюжете повести появляются другие оттенки. В маленькую комнату за перегородкой вселяется новый жилец – наборщик Синеца, и жизнь Уклейкина постепенно начинает меняться, обретает смысл: «А через месяц Уклейкин уже сживал в комнатке жильца, с упоением и верой слушал новые слова и чуял в них смутный отклик тому сумбурному, что бродило и путалось в нем, – недовольству жизнью и безответной тоске» [12, с. 42]. У запойного, никому не нужного сапожника появляется неясная надежда, что скоро «все переменится», и перед этим, пока еще наивным, ожиданием перемен, предчувствием близости чего-то нового, давно втайне желаемого, отходят на задний план все окружавшие его несправедливости.

Автор не показывает подробное развитие социальных коллизий, ограничиваясь лишь несколькими эпизодами. Гораздо важнее для него, что в Уклейкине просыпается то сокровенное, что он прятал в тайниках души, чего боялся и потому глушил водкой. Постепенно

в оскорбленном, всеми осмеиваемом сапожнике просыпается чувство собственного достоинства, и, чувствуя некую, не вполне объяснимую ответственность перед обществом, Уклейкин становится как бы другим человеком: «Незаметно выходили из души Уклейкина тоска и озлобление, все то, что темнило жизнь и делало ее проклятушей, от чего он порой хотел убежать куда-нибудь, рвался раскатать всех, наплевать на всех, доказать что-то всем» [12, с. 47]. После прошедших выборов у него появилось ощущение принадлежности к тому новому, значительному, что встало на смену серенькой, будничной жизни. В речи «маленького, грязного и заблудшего» [12, с. 55] человека появляются новые, незнакомые ему раньше слова: «избирательное право», «тайные выборы», «гражданин», «черносотенец».

Если рассказывая о прошлой жизни Уклейкина – десятилетнем существовании в грязной полуподвальной комнатке, писатель не рассказывает подробно о мыслях героя, то теперь он подчеркнуто обращает внимание на то, что полуграмотный сапожник задумывается над жизнью, пытаясь осмыслить происходящее. Значительное место именно в этот отрезок жизни Уклейкина автор отводит внутреннему монологу в самых разнообразных формах – от нескольких фраз до долгих размышлений, подробной, обстоятельной беседы с самим собой или воображаемым собеседником. Уклейкин во всем видит приближение новой жизни: и в проповеди приходского священника, и в том, что «уже заворошились богачи», и что составляют списки выборщиков, и самое главное – с афиши у народного дома к таким, как он, обращаются «Граждане избиратели!». Это стандартное формальное обращение много значит для сапожника, поскольку «совсем недавно его никто по имени не называл. У хозяина в учениках жил: “Митька”, “черт”, “поганец”... Заказчики обыкновенно говорили: “Ну ты... как тебя... Ты !.. <...> Городовой, когда Уклейкин бубнил на улице, обзывал “лукопером”, “шкандалистом”, “обормотом”. Улица кричала: “Уклейкин!” – но в этом крике звучали насмешки и зубоскальство» [12, с. 62].

На собрание «избирателей» сапожник идет как на праздник, ожидая чего-то необыкновенного и возвышенного. В этом эпизоде чрезвычайно знаменательно соседство социальных событий и христианской символики. Чувство Уклейкина, с которым он идет в народный дом, сродни состоянию духовного прозрения:

«Иногда в церкви, у утрени, когда стоял в темном уголке, появлялась неизвестно откуда забегая дума, что все перед Господом равны. И когда смотрел на черную, в тихом пунцовом свете дремотно взирающую икону с книгой в руке, просил он о чем-то, сам не зная - о чем, беззвучно шевелил губами, разевал рот и сжимал веки; что-то ныло в нем, что-то выложить хотел он, сказать, заплакать, что ли» [12, с. 63].

Вообще при анализе поэтики этого произведения обычно упускается православный подтекст повествования, а между тем, нетрадиционные шмелевские символы и образы, дающие примеры оригинальной мифологизации реалистической прозы, чрезвычайно интересны. К избирательной урне «в народном доме» Уклекин он подходит как к причастию. Для него это миг справедливости, доказательство того, что он тоже человек. Такое чувство испытывал сапожник лишь в церкви у исповеди, когда думал, что и он создан «по образу и подобию». После выборов и проводов депутатов Уклекин не может жить по-старому, пьянствуя неделями, озлобляясь на окружающих. Теперь его тянет за город, к природе, очарования которой он раньше не замечал. По контрасту с пыльными убогими улочками города Шмелев показывает красоту природы, ее свежесть, почти сказочность: «Потянулись долгие тени. Клонится солнце. Багрянцем переливаются золотые цепи крестов. Вечер крадется в золотом сиянье. По-вечернему заиграла рыба широкими всплесками. Подают голоса камышовки» [1, с. 94]. И этот покой, умиротворенность всего окружающего находится в гармонии с душевным состоянием героя. Снова в жизни Уклекина появляется надежда...

Надежда героя повести на духовное возрождение, на создание лучшей жизни связана также с символикой неба, солнца и звезд. В начале повествования автор не раз отмечает, что никому не нужный запойный нищий сапожник уже много лет не глядел на небо и «звезды, когда-то обещавшие его просительному взору заманчивый, далекий и неизвестный мир и навевавшие примиряющую грусть, уже давно были только светящимися точками, – неизвестно для чего» [12, с. 48]. Говоря о том, что скандалящий на улице, не раз отвозимый в участок Уклекин есть все же «человек по образу и подобию», Шмелев добавляет: «Хотя совсем и не глядел на небо» [12, с. 56]. Дело не просто во взгляде героя вверх, на небо, а в том, что он ни разу за последние десять

лет не задумывался над тем, как и зачем он живет. Но вот в судьбе «маленького человека» что-то меняется, он становится иным и в первый раз за свою тоскливую, безрадостную и тяжелую жизнь смотрит на небо.

В счастливый период своей жизни, наполненный мечтой и надеждой, Уклекин глядит на небо часто, оно манит к себе, и солнце, заглядывая в комнату и играя на стенах и потолке быстрыми веселыми зайчиками, настраивает на что-то лучшее, светлое.

Однако счастье Уклекина недолговечно: разговоры об обещанных правах и свободах остались лишь разговорами, ничего не изменилось. И в этом смысле символичен диалог сапожника с одним из заказчиков:

– ...И позвольте вас, сударь спросить: кто же я теперь буду ?

– То есть как – кто ?

– А так... что пропечатано там: «гражданин»... Стало быть, кто же я такой буду?

– Да кто же... Кем был, тем и будешь.

– А-а... А что же это – «гражданин»? Чтобы все были – пропечатано...

– Н-ну-у... это так просто... Да ты не поймешь... Это вообще так... граждане... [12, с. 65].

Такой исход, впрочем, закономерен, и автор как бы предсказывает его, но не напрямую, а через символику образов и деталей. Так, например, он неоднократно подчеркивает, что афиша, извещающая о предвыборном собрании избирателей, была отпечатана черными, жирными буквами: «А черные буквы уже врезались в память, яркие, ясные жирной чертой и тем неосвязаемым, что таилось в их яркой, кричащей черноте. Врезались так, что, зажмуря глаза, он мог представить их себе как бы в воздухе, живыми, двигающимися, с белой полоской плохого оттиска буквы “р” в виде топорика с оторванной ручкой, и с резко-округленным, точно ощерившим зубы “а”» [12, с. 62]. Черные буквы растут как вечная ночь в русских сказках, как тьма, поглощающая героя.

Неоднозначно и название повести. «Гражданин» – это уже не «маленький человек». В этом слове понимание социальной значимости таких обыкновенных, ничем не замечательных людей. И.С. Шмелев отмечает, что у унижаемого сапожника есть и гордость, и чувство собственного достоинства. Однако сочетание возвышенного «гражданин» и смешной фамилии Уклекин (уклейка – мелкая, незаметная, юркая рыбешка) показывает, что

попытка героя подняться, обрести свое место безнадежна, и никого не интересует ни сам Уклейкин, ни его суждения о жизни. Надежды рушатся, и все чаще к сапожнику подкрадывается знакомая щемящая тоска и пустота, появляется прежнее чувство, что нет и не может быть выхода из этого опостылевшего мира.

Последней каплей для Уклейкина стало предательство человека, которого он считал своим другом и в какой-то мере учителем, – наборщика Синицы. Здесь не ученик предает учителя, а учитель – ученика, что, может быть еще страшнее, потому что последний теряет веру в людей. Понимая, что Матрена и Синица обманывали его, сознавая свою беспомощность, Уклейкин остро чувствует «издевающуюся несправедливость жизни», боль, унижение и обиду: «Обида большая, неизбывная, быть может – самая большая из тысяч перенесенных и привычных, на которую не было сил ответить, пришибла его» [12, с. 98]. Символика фамилии наборщика подчеркивает его легковесность, ненадежность. В ветхозаветной традиции птицы, не знающие забот всегда противопоставляются рыбам, которые являются опорой земли и создают ее, поднимая ил со дна океана. Так в повести и в реальной жизни, и на уровне символики возникает противостояние Синица – Уклейкин.

Уклейкин находится в постоянном конфликте с окружающими его людьми – женой Матреной, почтенными «добропорядочными» обывателями, властью имущими. В финале повести показано резкое столкновение Уклейкина с Синицей и Матреной, обманывавшими его. Но главное для Уклейкина не то, что жена изменяла ему, – к этому он привык, – горек, унижителен и страшен именно обман, а потому в данный момент эти люди для сапожника – воплощение издевающегося и смеющегося над ним мира: «В нем билась обида непокрытая, сосущая. Она пронизала его всего и завалилась камнем, как все прежние, неотплаченные, а лишь заколоченные внутрь и ноющие обиды. Их было много. Вся жизнь как будто только из обид и состояла. А кругом стены, и нет упра-

вы, и нигде нельзя найти правды» [12, с. 100]. Но это конфликт видимый, внешний.

Для того, чтобы сравнить глубину преобразований, произошедших в душе героя, и зыбкость поверхностных перемен в обществе, автор показывает то, чего нельзя было представить в начале повествования, – Уклейкин, веря в свою правоту, идет жаловаться в участок, искренне надеясь, что там восстановят справедливость, – выгонят Синицу с квартиры. На этот раз участок для главного героя – последнее прибежище, где можно искать защиты «махонькому человеку». Выгнанный оттуда, сапожник, напившись, буйнит на улице, его избивают полицейские и увозят в «арестный дом» – все возвращается на круги своя. Уклейкин оказывается за решеткой и только к вечеру следующего дня его, избитого и обессиленного, выпускают. Ничего не изменилось – мир остался прежним, вот только «гражданину Уклейкину» нет в нем места. Современный исследователь В.В. Полонский справедливо отмечает, что «по отношению к теме “маленького человека” Шмелеву выпала роль своеобразного завершителя целой традиции предшествующего столетия – через ее транспонирование в бытийственно-символический план, через осмысление трагедийности участи “человека вообще” (под образом “маленького человека”, бедного мастерового) в “мире вообще” (под образом русской провинции эпохи Манифеста 17 октября). Таков шмелевский извод инвариантного мотива неизбежного поражения “маленького человека” [10, с. 54].

И. Шмелев по-своему прочувствовал происходившее в России, понимал мысли и настроение не верхушки общества, а многомиллионного народа, который страдал, мучился, искал выход из сложившейся ситуации. Русские люди, с их бытом, нравами, привычками, пороками и достоинствами по-детски непосредственно радовались известиям и слухам о возможных изменениях в текущей жизни, неумело протестовали и опять покорялись власти имущим, как это было испокон веку в многострадальном Отечестве. От имени такой разноликой народной России и выступает шмелевский Уклейкин.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. 1990.
2. Волькенштейн В.М. Иван Шмелев. Рассказы. Т.1 // Современный мир. 1910. № 12. разд. II.
3. Иванов С. А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М. 2005.
4. Иеромонах Алексей (Кузнецов) Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое исследование. СПб., 1913. Репринтное воспроизведение издания. М. 2000.
5. Ильин И.А. Творчество Шмелева // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1994. Т.6. Кн. II С. 110-124.

6. Кульман Н.К. Иван Сергеевич Шмелев. К 35-летию литературной деятельности // Россия и Славянство. Париж. 1930. 18 октября.
7. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.,1984. С.100.
8. Максимов С.В. Бродячая Русь Христа ради. СПб. 1877
9. Панченко А. М. Юродивые на Руси // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб. 1999. с. 392–407.
10. Полонский В.В. О символическом подходе к изображению «маленького человека» в дореволюционном творчестве И.С.Шмелева // Наследие И.С.Шмелева: проблемы изучения и издания. Сборник материалов международных научных конференций 2003 и 2005 гг. М. 2007. С.51-58.
11. Флоренский П. Имена. Кострома, 1993.
12. Шмелев И.С. Гражданин Уклекин // Шмелев И.С. Сочинения: В 2 т. М. 1989. Т.1. С.31-115.
13. Шмелев И.С. Письмо Л.Н.Андрееву от 28 февраля 1915 г. // Русская литература. 1971. № 4. Публ. В.П. Вильчинского.
14. Шмелев И.С. Письмо А.А.Измайлову от 24 октября 1915 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.387. карт.2. ед.хр. 23.
15. Шмелев И.С. Письмо А.М.Горькому от 22 декабря 1910 г. // Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН. Архив Горького, КГ-П, 82-2-9.
16. Шмелев И.С. Письмо А.Р.Крандиевской от 11 февраля 1912 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.251, оп.1, ед.хр.30.

Summary

NOVEL OF I.S. SHMELYOV «MISTER UKLEYKIN»: FIGURATIVE TYPOLOGY.

L.N. Kiyashko

Abstract. The purpose of this article is to show how the deep tradition of classical Russian literature, which I.S.Shmelyov himself described as «search for truth», is shown in his works. The material selected for the study is a novel «Mister Ukleykin», which shows daily life, but under external and visible there is hidden deep subtext.

Key words: I.S. Shmelyov, «little man», realistic prose, Christian ethic subtext, traditions of classical literature.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Колычева Г.Ю.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья написана с учетом новых исследований филологии, педагогики и методики преподавания русского языка в начальной школе. Она раскрывает особенности повышения и обновления профессиональных компетенций учителя начальных классов на основе государственных требований и квалификационных стандартов, ориентирована на необходимость интеграции государственного заказа на образование и образовательную деятельность. В данной статье отражены вопросы организации учебного процесса на уроках русского языка в период модернизации образования.

Ключевые слова. компетентность, компетенция, саморазвитие личности учащегося, ФГОС НОО, универсальные учебные действия, становление личности, решения нестандартных задач.

В ответ на изменения, происходящие в нашем обществе, государством взят курс на обновление российского образования. В настоящее время в России вводится Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Школа как важный социальный институт должна помочь становлению личности, обладающей такими важнейшими качествами как инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, выбирать профессиональный путь, готовность к самообразованию в течение всей жизни.

В связи с тем, что Россия включилась в Болонский процесс, компетентностный подход был закреплен в нормативных документах, регламентирующих тенденции развития образования на современном этапе (Закон РФ «Об образовании», «Концепция модернизации российского образования до 2010 года», Федеральный компонент государственного стандарта общего образования). Не смотря на это до сих пор нет единого толкования понятий «компетентность» и «компетенция». Условимся определять их следующим образом: компетентность – интегральное качество личности, появляющееся на основе владения совокупностью компетенций, необходимых для осуществления определенной деятельности; компетенция – способность и готовность действовать на основе полученных знаний, умений и опыта деятельности. Одной из важнейших задач на сегодня является определение ключевых компетенций, которые человек должен освоить в процессе обучения, а также способы их формирования.

Исследователи, рассматривая компетентностный подход, чаще всего говорят о профессиональном образовании, однако научиться приобретать знания, научиться работать, т.е. взаимодействовать с другими людьми, научиться жить, т.е. быть самостоятельным, уметь себя оценивать, – все эти качества личности формируются в период начального обучения. На основе этого мы будем рассматривать в данной статье необходимость формирования общеучебной (коммуникативной) компетентности младшего школьника.

Рассматривая возможности формирования общеучебной компетентности младшего школьника, мы пришли к выводу, что наибольший эффект будет достигнут, если организовать работу в рамках предмета «Русский язык» и «Риторика» (в 1-ом классе – «Обучение грамоте и письму»). Формирование навыков чтения и письма, развитие речи, как устной, так письменной, обеспечивают возможность освоения остальных предметов. Формирование всех структурных компонентов общеучебной компетентности младшего школьника будет эффективным, если создать в учебно-воспитательном процессе комплекс методико-педагогических условий:

- 1) развивать навык рефлексивной деятельности, способствующей саморазвитию личности учащегося;
- 2) использовать на уроках различные формы учебного сотрудничества;
- 3) направить изучение русского языка на освоение функциональной грамотности.

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) ставят перед учителем задачу формирования «универсальных

учебных действий, обеспечивающих школьникам умение учиться, способность к саморазвитию и самосовершенствованию. Рассмотрим возможности формирования УУД на уроках русского языка и риторики в начальной школе.

Каждый учитель начальных классов должен стремиться, чтобы его выпускники, были успешными во взрослой жизни. Для этого учащиеся должны уметь решать возникающие в различных сферах жизни конкретные проблемы. Возникает жизненная необходимость в том, чтобы выпускники начальной школы обладали не столько определенной суммой знаний, сколько рядом ключевых компетенций: познавательной, коммуникативной, ценностно-смысловой, информационной, личностной. Другими словами, ученики должны научиться приобретать знания, научиться работать, научиться жить вместе. Все эти качества личности формируются в период начального обучения.

В структуре общеучебной компетенции младшего школьника выделяется коммуникативная компетенция. Она включает в себя:

- знание способов взаимодействия с окружающими;
- практическое овладение диалогической и монологической речью;
- умение использовать средства языка в устной речи в соответствии с условиями общения;
- владение нормами речевого этикета в ситуациях учебного и бытового общения;
- способность к осуществлению учебного сотрудничества, владение различными социальными ролями;
- умение критично, но не категорично оценивать мысли и действия других людей;
- умение создавать небольшой текст, актуальный для успешной социализации человека.

Мы считаем, что наибольшего эффекта по формированию этих умений можно достигнуть в рамках предметов «Русский язык» и «Риторика». Успех в овладении русским языком является важнейшим условием общей успешности образования школьников, то есть владение устной и письменной речью выступает как важнейшее общеучебное умение, необходимое для изучения любого предмета начальной школы.

В учебнике М.С. Соловейчик «К тайнам нашего языка» (УМК «Гармония») методически созданы условия для осознания ребенком себя как языковой личности и на этой основе формирования у него уважения к языку и к себе как к его носителю, а потому – сознательного отношения

к своей речи. Данный курс русского языка носит ярко выраженную коммуникативную направленность, которая предполагает целенаправленное обучение школьников осуществлению всех видов речевой деятельности: говорения, слушания, письма, чтения.

Коммуникативную направленность при обучении русскому языку мы будем рассматривать в следующем порядке.

В 1 классе внимание обучающихся привлекается к тому, что у говорящего всегда есть собеседник, с ориентировкой на которого человек обычно и строит свою речь. Введение двух главных требований к речи – быть понятной и вежливой по отношению к собеседнику – стержень работы над культурой речи и речевым поведением, над правильностью и эстетикой письма. Так, в 1 классе на первом уроке «О нашей речи» выясняем с ребятами:

– А почему речь должна быть понятной?

– Потому что человек говорит для того, чтобы его услышали и поняли его сообщение, просьбу, вопрос. А если нас не поймут, тогда зачем говорить вообще? Поэтому надо следить за своей устной речью: четко выговаривать звуки, ясно произносить слова.

На последующих уроках вырабатываются требования к письменной речи.

– Как вы хотите писать: так, чтобы смешить того, кто читает, или так, чтобы вас хорошо понимали?

– Никто не хочет, чтобы над ним смеялись. Но что значит писать правильно?

– Писать правильно – это не допускать описок и ошибок. Чтобы писать без описок, надо быть внимательным. А чтобы писать без ошибок, нужно знать правила.

Во 2 классе школьники учатся избегать ошибок при помощи «окошек», когда на месте неизученной орфограммы ученик оставляет «дырку» или записывает выбор возможных букв. Красной нитью на протяжении всего курса русского языка проходит мысль о том, что стыдно писать с ошибками на родном языке. Таким образом, становление грамотного письма направляется коммуникативным мотивом и осуществляется в единстве с воспитанием у школьников желания и безошибочно выражать мысли на русском языке.

Коммуникативная направленность обучения обеспечивается и за счет усиления объяснительного (для обучающихся) аспекта при описании системы языка. Поэтому по-особенному подается материал в учебнике. Все задания обращены непосредственно к ученику. Авторы обращают

ся к каждому из них: советуют, подсказывают, напоминают, предлагают. Происходит заочное общение с авторами. На уроке можно проанализировать с учащимися какое-либо речевое явление, выслушав выводы школьников, можно обратиться к ним с предложением: «А теперь давайте посмотрим, что по этому поводу думают авторы учебника».

Сопоставляются выводы учащихся с выводами авторов:

– Согласны ли с нами авторы?

– О чем мы с вами не сказали? Что нового вы узнали из учебника?

Чтобы хорошо овладеть диалогической речью, необходимо упражняться в этом, поэтому основная форма работы на любом уроке в начальных классах – это «учебный диалог». Для его организации учителю приходится многого «не знать», чтобы включить детей в дискуссию. Диалог предполагает равноправие партнеров, участвующих в нем. Лишь по мере освоения учебной деятельностью каждый ребенок становится ее индивидуальным субъектом. Но он впитывает в себя ее изначально коллективный, всеобщий характер. Так постепенно диалог приобретает формы развернутого учебного общения.

Учащиеся высказывают самостоятельные суждения, обосновывают их. Каждый имеет право на свою точку зрения, каждый ответ проверяется как возможный вариант решения учебной задачи. Учитель и ученик осуществляют совместный поиск, который приобретает характер совместной распределительной деятельности.

Начинается учебный диалог с постановки учебной задачи. В этом случае можно использовать несколько приемов активизации мыслительной деятельности на этом этапе урока.

1. Проблемная ситуация.

Создается ситуация противоречия между известным и неизвестным. Одновременно повторяются знания, необходимые для изучения нового материала.

Последовательность применения данного приема такова:

- самостоятельное решение задачи,
- коллективная проверка результатов,
- выявление причин разногласий результатов или затруднений выполнения,
- постановка задачи урока.

Пример. 2 класс. Бывает ли буква одна, а орфограмм две?

- Отгадайте загадку (написана на доске):

С окна зеленый е[жы]к

Не убе[жы]т:

Нет но[жы]к.

– Спишите загадку, решая орфографические задачи.

Появляется несколько вариантов решения:

Ежик, ежек, ежык.

Ножек, ножик, ножык.

Убежит, убежыт.

А некоторые ребята признаются, что не смогли решить задачи в словах «ежик, ножек».

– Каких вариантов быть ни в коем случае не должно? Почему?

Ребята выбирают слова с сочетаниями жы, так как знают правило: жи пиши с гласной и.

– Почему в остальных словах мы не можем смело применить это правило?

– А почему появился такой выбор?

В словах выставляется ударение и определяется, что гласный безударный.

– Так бывает ли буква одна, а орфограмм две?

– Когда это бывает?

2. Тема урока формулируется в виде вопроса.

Учащимся необходимо построить план действий, чтобы ответить на поставленный вопрос. Дети выдвигают множество мнений, чем больше мнений, чем лучше развито умение слушать друг друга и поддерживать идеи других, тем интереснее и быстрее проходит работа. Руководить процессом отбора может сам учитель или выбранный ученик, а учитель в этом случае может лишь высказывать свое мнение и направлять его деятельность.

4 класс. Тема урока – «Зачем и как узнать спряжение глагола?» Был построен такой план действий:

1. Повторить, каким бывает спряжение глаголов.

2. Проспрягать несколько глаголов.

3. Определить, зачем и когда нужно знать спряжение глаголов.

4. Найти алгоритм определения спряжения глагола.

3. Работа над понятием.

Учащимся предлагаю для зрительного восприятия название темы урока и прошу объяснить значение каждого слова или отыскать в «Толковом словаре».

4 класс. Тема урока – «Спряжение глаголов».

– Что такое «спряжение», что значит «спрягать»?

Далее от значения слова определяем задачи урока.

Аналогичное можно сделать через подбор родственных слов, синонимов как в теме 1 класса «Толковый словарь» (словарь – книга, в которой собраны слова, толкует, т.е. объясняет значение слов), в теме 4 класса «Сочинение» (Сочинение – результат того, что ты сочинил, придумал). То же можно сделать и через поиск в сложном слове составляющих основ, например, в темах уроков «Словосочетание» (сочетание слов), «Местоимение» (вместо имени).

4. Исключение.

Из ряда слов, букв, предложений, текстов надо выбрать «лишнее».

Определить, почему «лишнее». В числе высказанных мнений обязательно прозвучит правильный ответ.

2 класс. Тема – «Родственные слова».

Предлагается на доске ряд слов: белеть, белый, побелеть, белка.

– Какое слово лишнее? Почему?

Ребята в ходе беседы выясняют, что «лишнее» слово «белка», так как, хотя во всех словах есть общая часть бел-, но слово «белка» они не могут объяснить при помощи слова «белый», у них разное лексическое значение, поэтому это не родственные слова.

– Легко ли в таких случаях ошибиться в определении родственников?

– Чему же мы сегодня будем учиться?

5. Запрос недостающей информации.

Учащиеся должны определить сами, что им известно по этой теме и что им еще предстоит узнать.

Русский язык. 3 класс. Тема – «Неопределенная форма глагола».

– Что вам известно по этой теме?

Глагол – это часть речи, которая отвечает на вопросы что делать? что сделать? и обозначает действие предметов.

Глаголы изменяются по числам и временам.

Глаголы настоящего и будущего времени изменяются по лицам.

Глаголы прошедшего времени изменяются по родам.

– Что вы узнаете сегодня?

Что такое «неопределённая форма глагола».

На какие вопросы она может отвечать.

Как правильно находить эту форму.

По каким приметам в самом слове можно отличить начальную форму глагола от других его форм.

6. Домысливание.

а) Тема урока предлагается в виде схемы или неоконченной фразы. Учащимся необходимо проанализировать увиденное и определить тему и задачи урока.

Фрагмент урока. 3 класс. Тема – «Прошедшее время глагола». Предлагается схема: _____^л□
– Что можно рассказать об этом слове?

Это глагол прошедшего времени, на это указывает суффикс л. Действие происходило до момента речи. В нем есть еще один суффикс.

– А что можно сказать об окончании?

Здесь есть четыре варианта написания окончания: -а, -о, -и, нулевое окончание.

– От чего оно будет зависеть?

От существительного, с которым оно связано.

– Определите тему урока.

Прошедшее время глагола.

– Посмотрите еще раз внимательно на схему слова. Если бы мы записывали буквами это слово, в каком месте у нас могли возникнуть вопросы?

В написании суффикса перед суффиксом л.

– Поставьте учебную задачу. Так чему сегодня мы будем учиться?

Правописанию суффиксов в глаголах прошедшего времени.

б) Предлагается тема урока и слова-помощники, которые предлагаются учителем в зависимости от того, какую учебную задачу он хочет поставить перед учащимися:

Повторим

Узнаем

Закрепим

Проверим

Убедимся

Изучим

4 класс. Тема – «Как по неопределенной форме определять спряжение глаголов?» Ребята могут предложить такой план:

Повторим два спряжения глагола.

Узнаем, как по неопределенной форме узнать спряжение глагола.

Потренируемся в определении спряжения глаголов и выборе личных окончаний.

в) Определить причину объединения слов, букв, проводя анализ закономерности и опираясь на свои знания.

Фрагмент урока. 2 класс. Тема – «Знакомство с изменением слов по числам»

Даны слова:

Полы - ... Нора - ...

Столы - ... Нога - ...

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Холмы - ... Страна - ...

– Что объединяет все слова?

Обозначают названия предметов, отвечают на вопрос «что?».

– Чем непохожи слова каждого столбика?

В первом столбике обозначают один предмет, во втором – несколько.

– Измените слова первого столбика так, чтобы они обозначали один предмет.

– Измените слова второго столбика так, чтобы они обозначали несколько предметов.

– Как мы изменяли слова?

По числам.

– Что сегодня на уроке мы будем наблюдать?

Изменение названий предметов по числам.

г) Поиск закономерности ряда составляющих элементов и предположения следующего элемента данного ряда.

Фрагмент урока. 1 класс. Тема – «Алфавит. Закрепление».

Даны слова: альбом, воробей, девочка, заяц...

– Что вы заметили?

– Каким будет следующее слово? Выбери подходящее: пенал, красиво, тетрадь.

– Как вы думаете, о чем сегодня пойдет речь на уроке?

Мы будем изучать алфавит.

– Но мы это уже делали на прошлом уроке.

Есть ли нам еще чему учиться?

Закрепить знания об алфавите.

Располагать слова в алфавитном порядке.

Пользоваться словарями.

В учебном процессе необходимо обращать пристальное внимание обучающихся к значению всех языковых единиц (прежде всего – слова), их функции в речи.

На уроках формируется привычка самостоятельно обращаться к словарям для решения различных коммуникативно-речевых задач, которые

встают перед учениками в учебной деятельности и повседневном речевом обращении.

В приложениях к учебнику русского языка содержится краткий толковый словарь, небольшой орфографический словарь, справочник по ударению, что создает условия для обучения школьников умению пользоваться словарями разных типов. На уроке создается учебная ситуация, в которой учащиеся не смогут к ним не обратиться. Так, в 1 классе перед тем, как расставить слова по алфавиту, учитель просит прочитать их: банты, шарфы, торты, краны, брала, дала, клала. Ребята произносят эти слова с ударением на разные слоги. Возникает вопрос: «А как правильно?»

Обращаемся к справочной странице учебника «Правильно ставь ударение» и решаем учебную задачу. Во 2 классе работаем с орфографическим словарем, когда необходимо выбрать букву на месте безударного гласного или парного согласного. В 3 классе обращаемся за помощью к «Словарю трудностей», когда необходимо определить род и число слова. В 4 классе справочные страницы помогают изменить слово по падежам во множественном числе.

Судить о сформированности коммуникативной компетенции выпускника начальной школы, конечно, рано, но учителя начальных классов отмечают у учащихся потребность в высказывании, владение монологической и диалогической речью, свободное владение письменной речью в разных жанрах, в которых проявляется желание выразить свои мысли и чувства, способность размышлять об особенностях русского языка. Учащиеся 4 класса уже умеют сотрудничать друг с другом и с учителями. Таким образом, в целом к концу 4 класса создается база для дальнейшего успешного обучения школьников устной и письменной речи в основной школе, для развития коммуникативных качеств личности каждого ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Правил разработки и утверждения федеральных государственных образовательных стандартов [Текст] : постановление Правительства Рос. Федерации от 24 февр. 2009 г. № 142 // Вестник образования России. – 2009. – № 6. – С. 7-11.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5.
3. Кондаков, А. М. Стандарт: инновационность и преемственность [Текст] / А.М. Кондаков // Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 14-18.
4. Корсакова, Т. В. Профессиональная позиция учителя в условиях реализации Федерального государственного стандарта общего образования второго поколения [Текст] / Т. В. Корсакова // Педагогика. – 2009. – № 10. – С. 46-50.
5. Кузнецов, А.А. Разработка Федеральных государственных стандартов общего образования [Текст] / А.А. Кузнецов // Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 3-10.

6. Кузнецов, А. А. Структура, назначение и функции нового стандарта обществознания в школе. – 2009. – № 4. – С. 37-40.
7. Реализация Федерального государственного образовательного стандарта второго поколения [Текст] : на основе учеб.-метод. комплекта «Школа России» / А. М. Кондаков [и др.] // Начальная школа. – 2009. – № 9. – С. 3-25.

Summary

THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCES OF PRIMARY SCHOOL PUPILS ON THE LESSONS IN RUSSIAN LANGUAGE

G.J. Kolicheva

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The article is written according to new investigations in philology, pedagogics and methodology of training the Russian language in primary school. It opens the peculiarities of promotion and innovation of professional competences of primary school teachers on the basis of state demands and qualification standards; it is orientated on the necessity of state demand integration for education and educational activity. The questions of educational process organization on Russian language lessons in the period of modernization of education are examined in the article.

Key words: competence, self-development of pupil's personality, FSS, universal educational actions, formation of personality, decisions of non-standard problems.

ПРОБЛЕМА ЛИРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И ТВОРЧЕСТВО АКМЕИСТОВ

Куликова Е.Ю.

Институт филологии СО РАН

Аннотация. В статье говорится о том, что понятие «лирическая динамика», введенное Тыняновым в «Проблеме стихотворного языка», может быть применено к рассмотрению теории акмеизма. Ключевым понятием здесь оказывается «художественная динамика», которая позволяет передать представления акмеистов о стихотворной материи. Стихотворная материя не была для акмеистов статичной субстанцией, напротив, мыслилась ими как постоянно меняющаяся («строящаяся»), «самовозрастающая». Динамические процессы, в которые вовлечена «материя стиха», предполагают также важную для акмеистов «пустотность», «лакунность», которая может быть соотнесена с понятием «Ничто» в философии Хайдеггера.

Ключевые слова: акмеизм, Тынянов, художественная динамика, сукцессивность, симультанность, Хайдеггер, «Ничто».

Чтобы охарактеризовать стиль акмеистов, их традиционно противопоставляют символистам. Эта традиция идет от первых акмеистических статей Н. Гумилева, где акмеизм противопоставлен символизму по принципу вещественность/нематериальность. Противопоставление акмеизма символизму по принципу вещественность/ограниченность (целостность, «ограниченность») vs безграничность/нематериальность, изобразительность vs музыкальность отражает лишь схематично разницу поэтических стилей, по сути, такая противопоставленность далеко не абсолютна и не бинарна. Чтобы увидеть это, необходимо учитывать категорию динамичности, которая, будучи достаточно универсальной по своей природе, может быть отнесена и к мотивно-образной, и к стилистической, и к композиционной области, но ближе всего понятие динамики сопрягается с понятием лирического сюжета, который является, по мысли Ю.Н. Тынянова, динамической стороной, «динамической схемой» композиции. Вот ряд высказываний Ю.Н. Тынянова о художественной динамике: «Единство произведения не есть замкнутая симметрическая целостность, а развертывающаяся динамическая целостность; между ее элементами нет статического знака равенства и сложения, но всегда есть динамический знак соотносительности и интеграции. Форма литературного произведения должна быть осознана как динамическая» [12, с. 9]; «Динамика формы есть непрерывное нарушение автоматизма, непрерывное выдвигание конструктивного фактора и деформации факторов подчиненных» [там же, с. 31-32]; «Слово в стихе и вообще динамизова-

но, вообще выдвинуто, а речевые процессы сукцессивны» (курсив Ю.Н. Тынянова) [там же, с. 94]; «Беру на себя смелость утверждать, – пишет исследователь, – что слово “композиция” в 9/10 случаев покрывает отношение к форме как статической. Незаметно понятие “стиха” или “строфы” выводится из динамического ряда» [там же, с. 8-9].

Как видно из примеров, термин «динамика» вообще активно используется и подробно толкуется Ю.Н. Тыняновым, в область интересов которого равноправно входили поэзия пушкинского времени и поэзия Серебряного века, во всем разнообразии своих изводов (так, статья Ю.Н. Тынянова «Промежуток» специально направлена на то, чтобы дать краткую характеристику каждому из современных Ю.Н. Тынянову ведущих поэтических направлений). Понимание сюжета как динамической стороны композиции характерно и для Ю.Н. Чумакова, который обосновывает как совершенно отдельный и особый сюжет лирический, от эпического сюжета лирический отличается тем, что представляет собой не событийную расстановку, а импульс, свернутую энергетику текста: «Лирика транслирует побуждающую энергетику существования, она экспрессивна вне какого бы то ни было поучения... Лирический сюжет – это мотор поэтической экспансии, его динамический порыв наполняет все элементы стихотворения» [15, с. 81-82].

Появление понятия поэтической динамики у Ю.Н. Тынянова спровоцировано, как нам кажется, статьями самих акмеистов, прежде всего О. Мандельштама, который неустанно подчерки-

вал динамическую природу своего творчества. В статике акмеистов угадывается динамический порыв, он словно раздвигает изнутри границы окаменевшего в своей наполненности мира и становится движущей силой, которая этот мир создает. В статье о Франсуа Вийоне Мандельштам пишет: «Но разве готика не торжество динамики? Еще вопрос, что более подвижно, более текуче – готический собор или океанская зыбь?» [8, с. 140], а в «Разговоре о Данте» динамике посвящено множество пассажей, самый известный из которых чрезвычайно часто цитируется, мы также приведем его здесь: «Качество поэзии определяется быстротой и решимостью, с которой она внедряет свои исполнительские замыслы-приказы в безорудийную, словарную, чисто количественную природу словообразования. Надо перебежать через всю ширину реки, загроможденной подвижными и разноустремленными китайскими джонками, – так создается смысл поэтической речи. Его, как маршрут, нельзя восстановить при помощи опроса лодочников: они не расскажут, как и почему мы перепрыгивали с джонки на джонку» [8, с. 243]. Как бы еще раз «перетолковывая» эту мысль, «вторя Мандельштаму», в его же стилистике Г. Амелин и В. Мордерер пишут о том, что поэзия вообще динамична, «искусство и есть транспорт, а говорить – значит всегда находиться в дороге. И такая дорога – свободный опыт (порядок) и прохождение пути в индивидуальных конфигурациях мысли» [2, с. 147].

Даже строительство мыслится акмеистами не как процесс возведения твердой структуры, а как заполнение пустоты движением, преобразование пространства несет в себе сильнейшую внутреннюю динамику. Акмеисты несколько преобразуют понятие «архитектоника», активно пользуясь им. «Архитектоника» у акмеистов несколько отдалается от композиции, она перестает быть застывшей и устойчивой соотносительностью компонентов художественной структуры, приобретая акцент динамичности. Архитектоника в какой-то мере приближается к лирическому сюжету, определенному как динамическая сторона композиции. О «чувстве архитектоники» писал Мандельштам в эссе «Франсуа Вийон», слово «архитектоника» звучит в статьях о Петре Чаадаеве («нравственная архитектоника» Чаадаева) и «<Скрябин и христианство>» («гармоническая архитектоника и есть сама музыка»), «Разговор о Данте» построен как анализ подвижной архитектоники «Божественной комедии».

Поэтов «занимает... не предмет изображения, а сам принцип и конструкция предметности» [7,

с. 13], и этот принцип предполагает не созданную, а только создающуюся архитектурную форму, которая строится «во имя “трех измерений”» [8, с. 143]. «Преодоление сопротивляющегося материала, пластическая концепция красоты» [9, с. 10] образуют своего рода динамический контрапункт в столкновении статики и динамики; «дух строительства» открывает многообразные перспективы перед творцом, позволяет увидеть мир в его изменении и преобразении.

И.Ю. Светликова доказывает, что поэтическая динамика Ю.Н. Тынянова органично вытекает из философски и психологически обоснованных в исследовательской практике Ю.Н. Тынянова понятий о «колеблющихся признаках значения», которым уделено большое внимание в «Проблеме стихотворного языка». Ученый указывает на «большую семантическую значимость в стихе слов, где значение тесно связано с предметом; ведь там, где эти предметные связи отсутствуют, исчезает и основной признак; вместо него могут выступить *лексическая его окрашенность* и возникающие в конструкции *колеблющиеся признаки...* Символисты, употребляя слова вне их связи и отношения к основному признаку значения, добивались *необычайной интенсивности колеблющихся признаков*, добивались «кажущегося значения», причем эти колеблющиеся признаки, сильно окрашивая основные, являются общим семантическим фоном» [12, с. 104].

По мнению И.Ю. Светликовой, «колеблющиеся признаки значения» были выделены Ю.Н. Тыняновым «по аналогии с вундовскими “варьирующимися элементами (или частями, или признаками)”» [10, с. 118]. «Варьирующиеся признаки предмета» – следствие природы человеческого сознания, которое, согласно И. Гербарту (гипотеза И.Ю. Светликовой состоит в том, что И. Гербарт, как и В. Вунд, повлиял на систему представлений Ю.Н. Тынянова [см.: 10, с. 115-123]), не может воспринимать предметы константно: «Каждый предмет, занимающий дух, не стоит, но колеблется в сознании, колеблется в постоянной опасности быть забытым (хотя бы на мгновение) под влиянием чего-нибудь нового» [10, с. 116]. Думается, гипотеза И.Ю. Светликовой верна: для Ю.Н. Тынянова, как и И. Гербарта, чрезвычайно важны ритмично сменяющие друг друга процессы затухания и возобновления, определяющие у И. Гербарта природу психической жизни (и, прежде всего, восприятия), а у Ю.Н. Тынянова природу поэтической речи. «В общей метафизике с понятием нарушения связывается понятие сочетания. Сочетание может быть неполным, и тогда

оно имеет степень, которая относится к полному сочетанию, как дробь к единице. Полному сочетанию соответствует полное нарушение и полное самосохранение, – при чем последнее было бы здесь представлением в самой высшей степени своей напряженности (*in Maximum, der Stärke*), чего нельзя указать в опыте. Однако, так как степень сочетания указывает на степень нарушения и на степень самосохранения, то *maximum* напряженности, которую могло бы иметь представление, можно рассматривать как идеальную единицу, дробью которой является действительное представление» [5, с. 82], – пишет И. Герbart. В «напряженности», причины и характер которой описывает И. Герbart, можно увидеть некоторый аналог тыняновской «динамике», а «нарушение» и «сохранение», возможно, соотносится с тыняновской «сукцессивностью» и «симультанностью», процессами, раскрывающими суть динамики, ее колеблющееся возобновление.

Лирическая динамика в «Проблеме стихотворного языка» описывается Ю.Н. Тыняновым при помощи глаголов «свертывается» / «развертывается», и отглагольных существительных «развертывание», «свертывание», что опять-таки открывает пространственную природу мышления Ю.Н. Тынянова о языке. В какой-то мере синонимичными «свертыванию» и «развертыванию» являются чрезвычайно важные для «литературной динамики, по мысли Ю.Н. Тынянова, «сукцессивность» и «симультанность», намечающие векторы притяжения и отталкивания отдельных компонентов лексических значений внутри стихового ряда. «Тынянов явно представляет себе динамику именно развертывающейся во времени – сукцессивно. На естественный поток речи, текущий синтаксическими сгустками, по привычности своей воспринимаемыми симультанно, налагается членение на стиховые ряды. “Слово оказывается компромиссом, результатом двух рядов...”» [4, с. 460], – так, ссылаясь на Ю.Н. Тынянова, описывает М.Л. Гаспаров процессы сукцессивности и симультанности.

Аналоги тыняновских «колеблющиеся значения», пространственные метафоры в размышлениях о стихе, подобные «свертыванию» и «развертыванию» – все это можно найти как в теоретических работах акмеистов, так и в образном строе их произведений: «И сладок нам лишь узнавannya миг» – это не просто расхожая цитата из Манделштама, это формула колеблющегося состояния стиховой материи, эмоционального поля поэта, ритмического строя мира, частью которого поэт является. Для М.Н. Виролайнен одна из

важнейших схем русского литературного сознания обозначается манделштамовской формулой «ухода из речи» («К немецкой речи»): «Слово для Манделштама – “плоть деятельная”, русский язык – “непрерывное воплощение и действие разумной и дышащей плоти”. Уйти из родной речи – уйти из плоти, то же, что умереть, сгореть, утратить все, что только подлежит утрате – ради обретения, не отличимого от потери. И ради рождения нового поэтического текста» [3, с. 452]. Причем уход и возвращение – это далеко не только вечный сюжет русской литературы, но и форма существования национальной культуры, требующей полного отсутствия, достигающей, а затем начинающей рискованную попытку самовозрождения.

Возвращаясь к художественной динамике, необходимо обозначить еще одну проблему, поскольку мало лишь обозначить связь лирической динамики с семантическими колебаниями, то есть с изменением, движением внутри художественной ткани. В самом общем смысле семантические колебания и возвратность на всех уровнях «материи стиха» можно возвести, исходя из философии акмеистов, к «мировому ритму»: «Ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами» [6, с. 57], подчеркивал Н. Гумилев в статье «Наследие символизма и акмеизм». Однако кроме движения (отталкивания, притяжения, ухода, возвращения, развертывания, свертывания), динамика включает в себе энергетический импульс, что позволяет задуматься не только о самом движении, но и о силе, движение порождающей.

Подбирая какой-то философский фон для определения поэзии Манделштама, С.С. Аверинцев указал: «Нам легче понять... движение поэтической мысли, чем современникам Манделштама: между его временем и нашим – такое явление, как философия Хайдеггера, только и старавшегося о том, чтобы *das Siede*, сущее, не закрывало собою *das Seien*, бытие» [1, с. 17]. Это соотношение в чем-то неожиданно, поскольку по времени М. Хайдеггер и Манделштам все-таки несколько отстоят друг от друга, и вряд ли философия М. Хайдеггера, обоснованная на десять-пятнадцать лет позже расцвета акмеизма (главный труд М. Хайдеггера, «Бытие и время», относится к 1926 г.), могла бы напрямую повлиять на Манделштама, Гумилева и Ахматову 1910-х гг., то есть времени расцвета акмеизма. Однако вне прямой связи аналогия Аверинцева оказалась чрезвычайно плодотворной для исследователей поэтики акмеизма, а также поставке

истической поэзии середины XX века: Е. Рейна, И. Бродского, А. Кушнера. Аналогия художественного мышления акмеистов с философией М. Хайдеггера позволила исследователям глубоко осмыслить такое качество акмеистического текста, как его пустотность, лакунность. Вещь акмеистов всегда окружена пустотой, вещи разрежены: они могут быть в фокусе («На столе забыты / Хлыстик и перчатка»), а могут быть стусклены, как у Мандельштама (о «стускленном, “матовом” колорите ранней мандельштамовской поэзии» [там же, с. 15] пишет С.С. Аверинцев), но в любом случае между вещами оставлены зазоры – пространство метаморфоз, пространство, хранящее память о прежних состояниях вещи, общее ощущение акмеистических стихов, при всей их семантической запутанности – прозрачность.

В.Н. Топоров установил связь мотивов прозрачности и смерти («Излюбленный Мандельштамом эпитет *прозрачный* отсылает скорее к призрачному, млечному, разреженному, к тому, чему не хватает плоти и плотности и в чем взгляд не находит себе полновесной опоры, чем к тому, что способствует видению, превращая его в дальновидение... Есть прозрачность только еще готовящейся расцвести весны, и есть прозрачность поздней осени, когда плоть, материя изживают себя, редуют, стираются. Оттого прозрачность у Мандельштама обычный эпитет царства смерти и предшествующего ему умирания» [11, с. 436-437]). «Прозрачность», означающая смерть, – это не просто семантическая, мотивная корреляция, а обнажение зияния, глубокая связь, которая позволяет размышлять о свойствах пространства в стихах Мандельштама: поскольку прозрачность, окружающая вещи, равна смерти, то вещь, рано или поздно, динамически изменит свое состояние, прозрачностью она уже поставлена на грань небытия. Любопытно то, что прозрачность Мандельштама интертекстуально, возможно, восходит к прозрачности «Зимнего утра» Пушкина, в финале которого неожиданно начинает звучать минорная тема, контрастирующая с общим мажорным тоном стихотворения. И хотя «прозрачный лес» Пушкина может быть связан с мотивами утраты и смерти, то же сочетание слов в «Грифельной оде» демонстрирует совсем иную стилистику. Энергетический поток акмеистических стихов, сила вещи и сила любования ей обеспечены угрозой небытия и пустоты.

«Прозрачность» Мандельштама открывает свои значения на фоне хайдеггеровского «Ничто», которое является возможностью неосуществления чего бы то ни было. «Ни-что» стоит

у М. Хайдеггера в оппозиции к «Бытию», однако «Ничто» и «Бытие» в понимании М. Хайдеггера образуют не просто оппозицию, а «единораздельную» пару, только представив «Ничто», человек может осмыслить и оценить важность «Бытия»: «Ни-что коренится в самом бытии и никоим образом не в бытии человека, если последнее мыслится как субъективность, опирающаяся на *ego cogito*. Бытие-вот (*Dasein*) нетствует никак не потому, что человек как субъект производит отрицание в смысле отвержения; нет, человеческое бытие-вот отказывает, поскольку как существо, в которое человек экзистенцирует, само принадлежит к существу бытия. Бытие есть Ни-что – как бытие» [13, с. 218]. Поскольку представить «Ничто» может только человек, ищущий смысл своего существования, осознающий свою физическую и материальную конечность, то и вещи, и бытие обретают себя через присутствие, возможность присутствия скрыта в прямой воле, а в ищущем существе человека: «...важная сторона всякого философского понимания, – что философское охватывающее понятие есть захват человека, и именно человека в целом – изгнанного из повседневности и загнанного в основу вещей. Захватчик тут, однако, не человек, сомнительный субъект повседневного времяпрепровождения и познавательного блаженства, но само присутствие, существо человека, ведет в философствовании свой захват человека. Так, в основе своего существа человек подвержен захвату и захвачен, охвачен желанием “стать тем, что он есть”, охватываем своим же понимающе-схватывающим вопрошанием. Но эта захваченность – не блаженное благоволение, а борьба с непреодолимой двусмысленностью всякого вопрошания и бытия» [там же, с. 343]. Человеческое присутствие одушевляет мир и вещь, а мир обрекает человека на «авантюру», на поиск, поэтому вещи и все субстанции, обладающие материальной плотностью (и определяющие в конечном итоге пространственные границы мира), являясь внешним, внешнеположенным человеку, одновременно являются и внутренним. Кратко (и, увы, несколько огрублено) суммируя положения М. Хайдеггера, надо отметить, что на основе обоснованных таким образом понятий «Бытия», «Ничто», «Присутствия», М. Хайдеггера выводит концепцию «бытия-в-мире», при котором человеческое «я» становится частью мира, а мир – частью «я». Взаимобратимость внешнего («мир») и внутреннего («я») еще раз наглядно показывает, насколько проблема вещи связана с пространством, с картиной и картой мира, и насколько динамичен конструкт соотнесенности «мира» и «я».

Пропуская вопрос о влиянии, которое М. Хайдеггер оказал на гуманитарную культуру XX века, в частности, на теорию деконструкции европейской философии Ж. Дерриды, на «археологию знания» Мишеля Фуко, предположим лишь, ближе подходя к существу нашей проблемы, что философия М. Хайдеггера, прямо или косвенно стимулировала исследование проблемы вещи в русском литературоведении, предпринятое Т. Цивьян и В.Н. Топоровым. В 1993 г. в сборнике «Аеқіпox» появились две статьи на тему вещи: «Вещь в антропоцентрической перспективе» (В.Н. Топоров) и «К семантике и поэтике вещи (Несколько примеров из русской прозы XX века)» (Т. Цивьян). Т. Цивьян пишет: «... вещь теряет свою вещественность, становится беспредметной и неосязаемой, т.е. утрачивает как раз те признаки, которые делают ее *вещью*. А от нечто один шаг к *ничто*, что и нашло четкое выражение в семиотическом пути слова *вещь* в английском: *thing* → *some* → *sing* → *no-thing*, т.е. *вещь* → *какая-то вещь* → *никакая вещь/не вещь*. Сочетание в вещи предельной конкретности и осязаемости с

неопределенностью, неосязаемостью, с тем, что вещь как бы уходит сквозь пальцы, матаморфоза вещи – через ничто в нечто – представляет бесценный материал для превращения в искусство, в литературу, т.е. – в конце концов – в текст.<...> В этом переходе от конкретного (определенного) к неконкретному (неопределенному)... явственно ощущается идея границы» [14, с. 216]. Такого рода пересечение границы, проходящей между текстом и миром, вообще характерно для литературы, именно эта граница формирует внутреннее пространство художественного произведения («поэтический мир») и пространственный образ реального мира. В поэзии акмеизма граница между текстом и миром специально осмыслялась, была осознанной, игровой («Дайте Тютчеву стрекозу / – Догадайтесь почему, / Веневитинову – розу, / Ну а перстень – никому»), и вещь проходила в нем обратный путь: текст стремился быть вещью, получить «физическую» твердость и плотность, чему соответствуют метаморфозы лирического «я» – его выход вовне и возвращение обратно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам, О.Э. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 5–64.
2. Амелин Г., Мордерер В. Письма о русской поэзии. – М.: Знак, 2009. – 424 с.
3. Виротайнен М.Н. Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003. – 504 с.
4. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 504 с.
5. Гербарт И.Ф. Психология. – С.-Пбг.: Издание редакции журнала «Пантеон литературы», 1895. – 278 с.
6. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. – М.: Современник, 1990. – 383 с.
7. Дубин Б.В. Говоря фигурально. Французские поэты о живописном образе // Пространство другими словами: Французские поэты XX века об образе в искусстве. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. – С. 9–15.
8. Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Проза. – М.: Худож. лит., 1990. – 464 с.
9. Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. – СПб.: Академический проект, 2003. – 354 с.
10. Светликова И.Ю. Истоки русского формализма: Традиция психологизма и формальная школа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 164 с.
11. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
12. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. – 5-е. изд. – М.: КомКнига, 2010. – 176 с.
13. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
14. Цивьян Т.В. К семантике и поэтике вещи (Несколько примеров из русской прозы XX века // Аеқіпox (Эквинокс – равнодействие) МСМХСIII. – М.: Издательство «Книжный сад», Carte Blanche, 1993. – С. 212–227.
15. Чумаков Ю.Н. В сторону лирического сюжета. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 88 с.

Summary

THE PROBLEM OF «LYRICAL DYNAMICS» AND CREATIVITY OF ACMEISTS

E.J. Kulikova

Philological institute of Novosibirsk

Abstract. The article deals with the concept of “lyrical dynamics”, which were introduced by Tynianov in the book “The problem of poetic language”. This concept may be applied to the consideration of the theory of acmeism. The key concept is “artistic dynamics”, which allow to transfer the poetic representation of matter. Verse matter was not for Acmeists a static substance, in contrast, was thought of as constantly changing (“under construction”), “self-rising.” Dynamic processes, in which «the verse matter» is involved, also suggest an important for Acmeists “emptiness”, “gaps” that may be related to the concept of “Nothing” in Heidegger’s philosophy.

Key words: Acmeism, Tynyanov, art dynamic, suksessivnost, simultaneity, Heidegger, “Nothing.”

ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лесниковская И.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена исследованию стилистического приема «эвфемизм» с точки зрения его лингвистической, культурной и социальной сущности на примере двух языков: английского и русского. В статье приводятся определения и дается классификация данного понятия.

Ключевые слова: эвфемизм, английский язык, русский язык, классификация, способы образования.

Предметом нашего исследования будет являться особая языковая единица, которая довольно широко распространена в языке и речи, носящая название эвфемизма. Мы исследуем данное явление с точки зрения его лингвистической, культурной и социальной сущности. Оговоримся сразу, что интерес для нас это явление представляет в сравнительно-сопоставительном плане, т.е. в английском и русском языках.

В лингвистике понятие «эвфемизм» появилось в конце XIX века, благодаря работам немецкого лингвиста Г. Пауля. Исследованию эвфемизмов посвящены многочисленные работы, выполненные как отечественными (И.Р. Гальперин, Л.П. Крысин, В.П. Москвин, О.И. Реунова, В.Н. Телия), так и зарубежными лингвистами (С. Видлак, Дж. Лоуренс). Работы зарубежных учёных направлены на фиксацию и систематизацию существующих эвфемизмов, создание словарей эвфемизмов. Исследованиям, проводимым в нашей стране, свойственна теоретическая направленность. Учёные рассматривают категориальный статус и сферу действия эвфемизмов, разграничивают эвфемизмы, а также систематизируют приёмы их образования.

Что же такое эвфемизм? Попробуем представить наиболее интересные и полные определения этого понятия. В Словаре иностранных слов находим: «более мягкое слово или выражение вместо грубого или непристойного, например: «не сочиняйте», вместо «не врите» [7]. Сходное определение дает Словарь-справочник лингвистических терминов: «смягчающее обозначение какого-либо предмета или явления, более мягкое выражение вместо грубого. Она в интересном положении вместо Она беременна» [6].

Ю.С. Баскова предлагает следующее определение эвфемизма: «эвфемизм – это замена

любого нежелательного в данной ситуации слова или выражения при помощи нейтрально или положительно коннотированного обозначения с целью избежать конфликта в общении и/или скрыть неприятные явления действительности» [2].

В свободной энциклопедии «Википедия» находим: эвфемизм (греч. Ευφήμη – «благоречие») – нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений («сходить поудрить нос» вместо «сходить в туалет» и т. п.) [10].

И.Р. Гальперин характеризует эвфемизмы как слова и словосочетания, появляющиеся в языке, для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются почему-либо неприятными, грубыми, неприличными или низкими. Они находятся в словарном составе языка и являются синонимами слов, ранее обозначавших эти понятия [5]. Oxford Concise Dictionary of Linguistics дает такое определение: «word etc. used in place of one avoided as e.g. offensive, indecent, or alarming» [3].

Итак, проанализировав все приведенные выше определения эвфемизма, мы видим, что в них отражаются не только его основные функции, но и способ, при помощи которого становится возможным выполнение этих функций, а также цели, преследуемые говорящим при употреблении эвфемизма. Как в речи, так и на письме эвфемизмы широко используются для передачи табуированной или грубой, непристойной, нецензурной лексики. Как правило, эвфемизмы, как в английском, так и в русском языке необходимы для называний «неприличных» частей тела, возраста, умственных и физических способностей человека, внеш-

него вида, определения социального и финансового положения, терминов и т.д.

Л.П. Крысин подразделяет эвфемизмы на тематические группы:

1. Эвфемизмы, связанные с дискриминацией: расовой, культурной, религиозной, половой, сексуальных меньшинств, других видов.

2. Эвфемизмы, обозначающие страшные и неприятные явления действительности: смерть, болезнь, естественные потребности, физические недостатки, умственные и психические расстройства.

3. Эвфемизмы, связанные с влиянием государства на жизнь людей: военные действия, социальные пороки (пьянство, наркомания, проституция, преступность, ложь), бедность, не престижные профессии, семья, учреждения госнадзора, увольнения, академическая неуспеваемость.

4. Эвфемизмы, обозначающие внешний вид и возраст человека: вес, возраст, рост.

5. Эвфемизмы, обозначающие влияние человека на флору и фауну.

6. Юмористические эвфемизмы.

7. Дипломатические эвфемизмы.

8. Эвфемизмы в языке рекламы [4].

Использование эвфемизмов приводит к пополнению уже существующего в языке синонимического ряда. Например: *afterlife – death, black job – a funeral, cage – a prison, condition – an illness*. Эвфемистическая замена часто представляет собой стилистический приём, поэтому эвфемизация является источником стилистической синонимии. Интересны способы образования эвфемизмов. Следует заметить, что они довольно разнообразны. Наиболее распространённый способ – это использование стилистического приема метонимии, т. е. выражения каким-нибудь одним признаком самого понятия. Например, *fatigue* в значении *mental illness; little Mary – the stomach*. Эвфемизмы могут образовываться посредством метафор: *pull the pin – to retire from employment, reaper – (the) death*, перифразов: *little visitor – menstruation, long illness – American cancer* и других средств. Например, по сходству звучания: *raspberry – a lame person* от рифмующегося сленгизма *raspberry ripple, a ripple* Особенно часто эвфемизмы образуются путем использования иностранных слов. Заимствование из чужого языка смягчает грубость выражаемого понятия, иностранное

слово в таких случаях становится эвфемизмом. В последнее время процесс образования эвфемизмов протекает с особой интенсивностью. Это объясняется тем, что в современном мире одним из наиболее важных факторов, способствующих образованию эвфемизмов, и их закреплению в языке, является их способность быть мощным средством формирования новых общественных установок и эвфемизмы получают исключительно широкое распространение в общественно значимых сферах речевой деятельности. Эвфемизмы являются не просто стилистическим синонимом или заменой некоторой языковой единицы, они предлагают новую трактовку определенного явления, новый ракурс его рассмотрения, содержат новую морально-этическую оценку явления. Однако, несмотря на все усилия, исследователи до сих пор не выработали единые критерии принадлежности слова к классу эвфемизмов, так как существуют разные подходы к пониманию феномена эвфемизма и соответствующие им определения эвфемизма. При этом эвфемизмы, с одной стороны, отражают уже произошедшие сдвиги общественного сознания, а, с другой стороны, сами способствуют распространению и закреплению в обществе новых идей. В политике эвфемизмы часто используются для смягчения некоторых слов и выражений с целью введения общественности в заблуждение и фальсификации действительности. Например, использование выражения «более жёсткие методы допроса» вместо слова «пытки» и т. п. В английском языке некоторые неприятные темы вербализуются почти исключительно с помощью эвфемизмов, например: *criminal operation – an illegal abortion; croak – to die; currency girl – a prostitute who copulates only with foreign visitors; negative tax – state payment to the poor* и т.д. В русском языке эвфемизмы в указанном выше смысле употребляются гораздо реже.

Таким образом, эвфемизмы представляют собой одну из разновидностей стилистических средств языка. Они могут употребляться как в устной, так и в письменной речи и позволяют говорящим варьировать свою речь в зависимости от условий общения, при необходимости скрывать свои намерения, а также избегать коммуникативных конфликтов, которые могут происходить при слишком прямолинейной номинации определенных предметов, действий и свойств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский словарь-справочник табуизированной лексики и эвфемизмов. – М: КОМТ, 1993. – 304 с. (АРССТЛЭ)
2. Баскова Ю.А. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков) Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Краснодар, 2006.

ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М., 1977. – 289 с.
4. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. – М., 2000. – 78 с.
5. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. – 2001. – №3. – С. 88-100.
6. Розенталь Д.Е., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976.
7. Словарь иностранных слов. – 7-е изд. – М.: Русский язык, 1979. – 624 с.
8. Matthews P.H. Oxford concise dictionary of linguistics. Oxford University Press, 2007.
9. Holder R.W. Oxford dictionary of Euphemisms Oxford University Press, 2008.
10. ru.wikipedia.org
11. <http://www.TheFreeDictionary.com>

Summary

EUPHEMISMS IN MODERN ENGLISH AND RUSSIAN

I.V. Lesnikovskaya

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The article is dedicated to the investigation of such a stylistic device as euphemism from the point of view of its linguistic, cultural & social essence. The investigation is based on two languages Russian & English. The author gives the definitions & the classification of this notion.

Key words: Euphemism, the Russian language, the English language, classification, forms of derivation.

КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИКИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СУБЪЕКТА В НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ЛОКАТИВНЫМ ДЕТЕРМИНАНТОМ

Линева Е.А.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В данной статье описываются компоненты семантики неопределенного деятеля, такие как: отсутствие синтаксического субъекта, локативный детерминант, глагольная форма 3-го лица глагола и форма множественного числа глагола.

Ключевые слова: неопределенный деятель, синтаксический субъект, детерминант, глагол.

Неопределенно-личные предложения (НЛП) представляют собой односоставные предложения, в которых глагольный предикат выражен формой 3-го лица множественного числа настоящего и будущего времени, а также формой множественного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения при отсутствии словесно обозначенного синтаксического субъекта. Семантика неопределенности субъекта в НЛП создается тремя компонентами 1) отсутствием обозначенного синтаксического субъекта; 2) формой 3-го лица глагола; 3) формой множественного числа глагола.

В научной литературе уже отмечалось, что отсутствие обозначенного субъекта в НЛП не нарушает их семантической самодостаточности и является характерной чертой их грамматической структуры. От НЛП необходимо отграничивать неполные двусоставные предложения, в которых синтаксический субъект отсутствует для того, чтобы избежать повторения названия деятеля: – *Они, они!* – *козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, – вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что не смыслят в том, что им поручено* (М. Булгаков). Во второе предложение можно ввести подлежащее, и это не повлечет за собой изменение его структуры и семантики. Введение подлежащего в структуру НЛП невозможно, поскольку в языковой системе нет элемента, который мог бы претендовать на эту роль.

При имплицитно выраженном субъекте независимая синтаксическая позиция главного члена способствует выражению семантики неопреде-

ленности субъекта в НЛП. Глагольные формы 3-го лица множественного числа настоящего и будущего времени, а также формы множественного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения при отсутствии словесно выраженного субъекта не содержат точных на него указаний. Замещение субъектной позиции локативным детерминантом еще больше подчеркивает указанную семантику неопределенности субъекта, поскольку локативный детерминант не называет субъект, а указывает лишь на область его деятельности. Локативный детерминант не позволяет ни морфологически, ни лексически конкретизировать субъект, вследствие чего семантика неопределенности субъекта в НЛП сохраняется. В рассматриваемом структурном подтипе НЛП – НЛП с локативным детерминантом – семантика неопределенности субъекта создается присутствием локативного детерминанта, замещающего субъектную синтаксическую позицию.

Третьим компонентом семантики неопределенности субъекта в НЛП с локативным детерминантом является форма 3-го лица глагола.

Форма 3-го лица глагола указывает на то, что субъект действия не является участником акта речи, в отличие от значения 1-го и 2-го лица, которые характеризуются признаком участия в речевом акте. Форма 3-го лица глагола относит действие не к конкретному лицу, а ко всем остальным лицам. Она не дает характеристику лицу и включает всех, кроме участвующих в разговоре.

Форма 3-го лица по сравнению с формами 1-го и 2-го лица имеет признак неопределенности указания на предмет, поскольку «ею, как и местоимением *он*, всегда предполагаются разнообразные референты, обозначаемые существительными» [5, с. 68]. Еще больше неопределенности

содержится в употреблении форм 3-го лица множественного числа в сочетании с местоимением *они*, так как значение множественного числа скрадывает индивидуальность обозначаемого предмета.

Формы 1-го лица и формы 2-го лица всегда сохраняют соотношенность субъекта высказывания с говорящим и слушающим, что выявляет широкий спектр прагматических оттенков [5, с. 37-38]. Формы 3-го лица употребляются при необходимости обращения к кому-либо из присутствующих, исключая говорящего и собеседника.

В.В. Виноградов рассматривает значение лица у глагола как шкалу, идущую от наименее многозначной формы 1-го лица через семантически более растяжимые формы 2-го и 3-го лица [2, с. 458-453].

Даже в переносных употреблениях форма 1-го лица сохраняет отношение к конкретному субъекту речи. Так, форма 1-го лица единственного числа, употребляясь для обозначения обобщенного субъекта, все же сохраняет прямое отношение к говорящему: *Чьё кушаю, того и слушаю* (пример В.В. Виноградова). С глагольной формой 1-го лица множественного числа, по мнению лингвиста, сочетаются такие переносные смысловые оттенки, соответствующие употреблению местоимения *мы*. Такое употребление используется в интересах скромности, или, напротив, для выставления себя как выразителя мысли целого коллектива, либо для обозначения неопределенной группы лиц, с которой говорящий объединяет себя в силу солидарности, общности характера, привычек. Такую форму В.В. Виноградов называет «неопределенное лицо множественного числа».

Формы 2-го лица выражают «отношение действия к адресату, не выражая, но и не исключая участия говорящего» [1, с. 144]. Так, главным значением формы 2-го лица единственного числа является выражение действия адресата. Форма 2-го лица множественного числа выражает действие адресата совместно с другим лицом или лицами.

Формы 3-го лица множественного числа, по мнению В.В. Виноградова, «если при них не обозначен производитель, свободно относятся к неопределенному лицу, то есть они в этих случаях не указывают на определенного производителя действия, а предполагают множественную неопределенно-личную массу в качестве действующей среды». Они указывают на то, что действует не говорящий и не слушающий, а тот, о ком говорят [2, с. 461].

Следующим компонентом семантики не-

определенности субъекта является форма множественного числа. Данная форма привлекает внимание многих лингвистов при описании НЛП (И.П. Распопов, Е.П. Прокопович, А.Н. Гвоздев).

Так, И.П. Распопов полагает, что форма множественного числа главного члена в составе НЛП не дает точных указаний относительно количества действующих лиц, а является лишь специфической формой выражения неопределенности и может быть названа неопределенной формой глагола [4, с. 77].

Форма множественного числа глагола при выраженной множественности субъектов обозначает одновременную отнесенность действия к каждому субъекту как члену какого-либо множества. При невыраженном субъекте действия форма 3-го лица множественного числа глагола не теряет своего значения соотношения действия со многими субъектами, но она может выступать в видоизмененных функциях. Эти функции подробно описаны авторами Теории функциональной грамматики. Такова функция отвлеченности от количественной определенности субъекта. Значение потенциальной соотношенности действия с многими субъектами относится к неопределенному субъекту, тем самым выражается ситуация неопределенного количества. Форма 3-го лица множественного числа глагола в НЛП указывает на количественную неопределенность субъекта в смысле невыбранности, несущественности количественной определенности.

Допуская разное «количественное наполнение» субъекта в зависимости от контекста: *В комнате Пал Палыча постучали. Антонина крикнула: «Войдите!» - и удивилась: вошел незнакомый хорошо одетый человек* (Ю. Герман); *В гараже играли в карты. Ребята часто проводили так время после трудового дня* (В. Липатов).

Если контекст «не подсказывает» количественной характеристики субъекта, то форма множественного числа указывает на неопределенность «количественного наполнения» субъекта.

Действительно, в НЛП далеко не всегда возможно однозначно восстановить субъект, поскольку морфологическая форма главного члена НЛП при отсутствии формально выраженного субъекта не дает его количественной характеристики. Допускается разное «количественное наполнение субъекта», что ведет к его неопределенности, выражается ситуация неопределенного количества действующих лиц, а «неопределенные ситуации характеризуются тем, что происходит процесс отбора, выбора элемента или подмно-

жества из какого либо множества» [3, с. 60]. Так, в двусоставном предложении *Жители деревни поют за рекой* деятель является определенным. Он входит в число указанных участников речевого акта. Объем количественного понятия субъекта в этом случае заполнен определенным ограниченным количеством людей – жителей деревни. В НЛП *За рекой поют* объем количественного понятия субъекта остается открытым, в результате чего возникает необходимость выбора. Наличие 4) формой множественного числа глагола.

выбора ведет к созданию семантики неопределенности субъекта, который может быть охарактеризован в пределах от одного до всех.

Таким образом, семантика неопределенности деятеля в исследуемой синтаксической конструкции формируется четырьмя компонентами:

- 1) отсутствием обозначенного синтаксического субъекта;
- 2) локативным детерминантом;
- 3) формой 3-го лица глагола;

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Учпедгиз, 1947. – С. 167-177.
3. Готт В.С., Урсул А.Д. О категориях определенности и неопределенности // Вопросы философии. – 1971. – № 6. – С. 55-65.
4. Распопов И.П. Что же такое структурная схема предложения? // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2. – С. 65-70.
5. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – Л.: Наука, 1991. – 370 с.

Summary

SEMANTIC COMPONENTS OF AN INDEFINITE DOER IN INDEFINITE-PERSONAL SENTENCES WITH LOCATIVE DETERMINANT

E.A. Lineva

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The article is devoted to the description of the components of semantic of an indefinite doer, such as: the lack of syntactical subject, the locative determinant, the third form of a verb and the plural form of a verb.

Key words: an indefinite doer, a syntactical subject, a determinant, a verb.

ПРОСТОНАРОДНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ СКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА)

Меренкова Д.Е.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В данной статье рассматривается просторечье как одна из черт сказового повествования. Просторечные элементы в произведениях Н.С. Лескова встречаются на всех языковых уровнях, что позволяет создавать всевозможные стилистические эффекты.

Ключевые слова: сказ, просторечье, рассказчик, литературный язык, устная речь.

В современном языкознании приводятся разнообразные определения «просторечья». А.В. Калинин дает следующее определение: «просторечье» – это не ограниченные территорией или профессией, родом деятельности отклонения от лексической, грамматической и произносительной нормы литературного языка» [Калинин 1978: 160].

Е.А. Земская выделяет два вида «просторечья»: 1) просторечье как стилистическое средство литературного языка; 2) просторечье как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком [Земская 1984: 66].

Для сказа характерно просторечие в его первом значении. Ф.П. Филин называет его «внелитературным просторечием» [Филин 1979: 21]. В обычной жизни носитель просторечия не всегда осознает, что его речь неправильна в сравнении с литературной нормой. Язык художественной литературы «может в своих эстетических (в лингвистических терминах – «эмоционально-экспрессивных») целях перерабатывать и язык науки, и обычный литературный язык, и народные говоры» [Денисов 1980: 140]. В художественной литературе просторечие употребляется сознательно, что «позволяет ставить вопрос о его экспрессивно-стилистической функции» [Денисов 1980: 156].

По мнению Е.Ф. Петрищевой, слова и выражения с окраской внелитературного просторечия используются для «создания социального колорита, для характеристики персонажа как лица, не принадлежащего к образованным слоям общества» [Петрищева 1982: 20]. А.И. Горшков считает просторечье «несколько сниженной, грубоватой речью» [Горшков 2001: 305].

Просторечие как социальная характеристика сказового повествования проявляется в образе «цехового рассказчика», который влияет на ход повествования, его манера появляется в

каждой реплике сказа. В «Левше» рассказчик необразованный, он говорит, как умеет, и часто его речь содержит выражения, нарушающие нормы литературного языка, тем самым позволяет создавать всевозможные стилистические эффекты. Особенно интересны с точки зрения исследования звуковые каламбуры, игра слов и его затейливая речь.

Внешней характеристикой речи рассказчика в «Левше» можно считать устный монолог, негромкую беседу, а ее внутренним содержанием просторечие (простонародная речь). По мнению Л.А. Капанадзе, «просторечие бесписьменно» [Капанадзе 1984: 8]. Простонародные элементы в сказе появляются из уст рассказчика, а как мы уже отмечали выше, повествование рассказчика воспринимается как «рассказанное», поэтому эти элементы в сказе являются намеками на устную речь.

Просторечные элементы в произведениях Н.С. Лескова встречаются на всех языковых уровнях повествования: морфологическом, лексическом, синтаксическом «и имеют «соответствующую эстетическую и характерологическую задачу» [Капанадзе 1984: 11].

Т.С. Морозова [Морозова 1984: 142] выделяет следующие синтаксические особенности, присущие просторечью:

1. Предикативное употребление полных страдательных причастий со значением перфекта. Оно возможно как с нулевой связкой, так и с глаголом-связкой «быть» в прошедшем времени:

«Положили, как левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просял – взял левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал ...» («Левша» гл. 13).

Конструкции с полными страдательными частями прошедшего времени в роли сказуемого не свойственны ни литературной, ни разговорной речи.

2. Предикативное употребление деепричастных форм:

«Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши» («Левша» гл. 14).

3. Синтаксическая конструкция с местоимением *который*:

«Которые тут были, те, должно быть, глядели» («Левша» гл. 16).

В литературном языке конструкция с местоимением *который* занимает синтаксическую позицию при существительном или указательном местоимении «тот» (такой), то в просторечии ее первичная синтаксическая позиция – приглагольная. Наиболее часто эта конструкция употребляется в роли подлежащего.

В речи рассказчиков в произведениях Н.С. Лескова часто встречаются элементы, которые представляют определенную переводческую проблему в межъязыковом аспекте [Денисов 1980: 106-107]:

1. Диалектные элементы: «хоша» (хотя);
2. Историзмы, т.е. слова называющие устаревшую вещь, явление, ушедшее в историю: «верста», «государь», «государыня»;
3. Архаизмы, т.е. устаревшие названия современных вещей и явлений: «во граде», «персты»;
4. Церковнославянская лексика: «нощю», «вкушать».

Рассмотрим данные понятия более подробно.

Под диалектизмами понимаются «говоры крестьянского населения, которые до сих пор сохраняют отдельные фонетические, морфологические, синтаксические и лексико-семантические особенности» [Валгина 2003: 30].

А.В. Калинин считает, что «диалектизм – это слово, или оборот речи, или звуковая особенность, или грамматическая черта, характерная для говора и воспринимаемая нами как нелитературная» [Калинин 1978: 120].

П.А. Лекант дает следующее определение: «диалект – это территориальная разновидность русского языка, имеющая набор языковых особенностей: фонетических, лексических, морфологических и др.» [Лекант 2002: 45].

Историзмы – это «название исчезнувших предметов, явлений, понятий» [Розенталь 2003: 77].

Н.М. Шанский считает, что «историзмы представляют собой слова пассивного словарного за-

паса, служащие единственным выражением соответствующих понятий» [Шанский 1972: 147-148].

Архаизмы – «слова, которые в процессе развития языка были заменены синонимами, являющимися другими наименованиями того же понятия» [Валгина 2003: 41].

Д.Э. Розенталь к архаизмам относит «названия существующих в настоящее время предметов и явлений, по каким-либо причинам вытесненные другими словами, принадлежащими к активному лексическому запасу» [Розенталь 2003: 77].

Д.Э. Розенталь выделяет три группы церковнославянизмов (старославянизмов):

1) слова, восходящие к общеславянскому языку, имеющие восточнославянские варианты иного звучания или аффиксального оформления (злато, ночь);

2) старославянизмы, у которых нет созвучных русских слов (уста, ланиты);

3) семантические старославянизмы, т. е. общеславянские слова, получившие в старославянском языке новое значение, связанное с христианством (грех, жертва) [Розенталь 2003: 62].

К особенности сказового монолога в «Левше» можно отнести то, что рассказчик окутывает характером своей экспрессии не только свой монолог, но и диалоги. Можно заметить, что в диалогах используются не собственные речи персонажей, а происходит непрямая передача их речи сказителем, появляются формы «диалогизированного сказа» [Виноградов 1980: 124]:

«Как взошел левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит:

– Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под микроскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем?

А левша отвечает:

– Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть?

Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! А он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или хитростью, а он говорит просто ... («Левша» гл.13).

Наконец, к просторечным элементам можно отнести следующие компоненты сказа, обусловленные устной народно-исполнительной традицией:

1. Пословицы и поговорки:

«Думал: утро ночи мудренее», «... мы маху дали!»;

2. Рифмованные объединения:

«Перекрестись и оборотись»,

«... и в Польше нет хозяина больше...»;

■ ПРОСТОНАРОДНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ СКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА)

3. Специфическая, близкая к народно-исполнительской мелодика сказовой речи, создаваемая порядком слов:

«На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит ...».

Таким образом, Н.С. Лесков очень часто использует в речи рассказчика просторечные и диалектные слова, что характеризует рассказчика как человека, принадлежащего к определенной культуре и социальному слою.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык / под ред. Н.С. Валгиной: Учебник для вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2003. – 528 с.
2. Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // О языке художественной прозы : избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
3. Горшков А. И. Русская стилистика : учеб пособие. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2001. – 367 с.
4. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Русский язык, 1980. – 253 с.
5. Земская Е.А., Китайгородская М.В. Наблюдение над просторечной морфологией // Городское просторечье. Проблемы изучения / отв ред. Е.А.Земская, Д.Н.Шмелев. – М.: Наука, 1984. – С. 66-102.
6. Калинин А.В. Лексика русского языка. – 3-е изд. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 232 с.
7. Капаназде Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечье. Проблемы изучения / отв ред. Е.А.Земская, Д.Н.Шмелев. – М.: Наука, 1984. – С. 5-12.
8. Морозова Т.С. Некоторые особенности построения высказывания в просторечии // Городское просторечье. Проблемы изучения / отв ред. Е.А.Земская, Д.Н.Шмелев. – М.: Наука, 1984. – С. 141-162.
9. Петрищева Е.Ф. Внелитературная лексика в современной художественной прозе // Стилистика художественной литературы / отв. ред. А.Н.Кожин. – М.: Наука, 1982. – С. 19-33.
10. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э.Розенталь, И.Б.Голуб, М.А.Теленкова. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 443 с.
11. Филин Ф.П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М.: Высшая школа, 1979. – №2. – 240 с.
12. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка : пособие для студентов пед. ин-тов. – 2-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1972. – 328 с.

Summary

COMMON SPEECH AS ONE OF THE SIGNS OF THE TALE LANGUAGE (ON THE BASIS OF LESKOV'S WORKS)

D.E. Merenkova

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. This article deals with the common speech as one of the features of the tale narration. Common speech elements in Leskov's works are used at all language levels which helps to create various stylistic effects.

Key words: tale, common speech, teller, literary language, oral speech.

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА В ПОЭЗИИ ЛЕОНИДА ГУБАНОВА

Мишин М.М.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Система образов поэтического языка насчитывает огромное количество парадигм, суть которых заключается в употреблении в поэтических текстах более или менее устойчивых уподоблений. В поэзии Леонида Губанова встречаются как уже использованные, частотные парадигмы, так и ранее не встречавшиеся метафорические обороты. Уникальность таких новых парадигм в губановских текстах заключается в их неожиданности, смелости и глубине.

Ключевые слова: парадигма образов, образная система, метафора, левый и правый элементы парадигмы, традиционные образы, развернутая метафора.

В системе образов поэтического языка имеется огромное количество уподоблений. На основе этого материала выводятся определенные закономерности. В литературоведении делаются попытки классифицировать тот большой метафорический пласт, который накопился за несколько веков существования русской литературы, начиная с XVIII века. В частности, Н. Павлович в своей работе «Язык образов» дает классификацию образной системы, выделяя такое явление, как парадигма. «Словесный поэтический образ, – говорит автор книги, – понимается как «сходство несходности», или как отождествление противоречащих в широком смысле понятий: света и тьмы (черное солнце), времени и воды (река времен), звезд и пены (пенные звезды)...» [1, с. 19] Автор же данной работы обращает внимание на то, что «в поэтическом языке есть разные группы сходных образов и, соответственно, разные инварианты... названные парадигмами образов. Они являются семантическими законами, по которым устроены поэтические образы» [1, с. 19]. Каждый образ, по мнению Н. Павлович, имеет такую парадигму.

Безусловно, парадигмы – это закономерности в образной системе языка. Между тем поэтический язык интересен и привлекателен именно уникальностью, непохожестью на все то, что было до этого. Поэтому сложно определить парадигму там, где речь идет о чем-то редком, уникальном, что несомненно относится к поэзии Леонида Губанова.

Поэзия XX века дала, в действительности, огромный материал, насыщенный уникальностями и неожиданностями. Именно это, вероятно, и дало повод для подобного рода исследований в

области поэтической образности речи. Примеры метафорических оборотов В. Маяковского, С. Есенина, В. Хлебникова, А. Блока, В. Набокова, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Б. Пастернака, И. Бродского и других поэтов подтверждают это. Примеры парадигм «свет – карты», «свет – язык», «свет – горы», «свет – головной убор» и другие относятся к редким, нетрадиционным. В огромном поле поэтических сопоставлений можно найти как более частотные, устойчивые, так и более редкие, уникальные парадигмы образов. Дорога – клавиши, лицо – деньги – это примеры также редких парадигм. Хотя в стихах Леонида Губанова мы можем найти пример проявления одной из них, а именно в стихотворении «Я беру кривоногое лето коня...»:

Ведь на медные деньги чужого лица
Даже грусть я тебе не куплю. [2, с. 86]

Подобный этому сравнительный оборот можно встретить и у Маяковского (лицо – трещина), и у Мандельштама (лицо – полтинник), и у Белого (лицо – денежный блеск серебра).

Образная система Губанова имеет немало устойчивых и довольно продуктивных, а именно часто повторяющихся образов. Хотя, с другой стороны, можно сказать, что это поэт, которому не совсем близка тенденция символизма. Больше всего ему присущ имажинизм, хаотичность, пестрота метафоры, подвижность смыслов, погружение в стихию слова и звука. Отсюда использование таких приемов, как звукопись и словотворчество.

Но, в первую очередь, поэзию Губанова отличает пышная и довольно необычная богатая метафоричность. Почти в каждом стихотворении можно наблюдать подобное явление метафорического обилия. Причем метафоры его не просто

декоративны, а пронизаны глубоким смыслом. Например, в поэме «Собор» есть метафорический оборот, кажущийся на первый взгляд экзотическим, необычным:

Белым пламенем взвилась церковь белая,

Словно планер с золотым крестом – пропеллером. [2, с. 661]

Сравнение церкви с планером по смыслу довольно логично, так как и то, и другое является предметом, имеющим отношение к небесам. Церковь – в даже упрощенном обыденном понимании является тем земным институтом, который отправляет наши взоры и мысли к Высшему, небесному. Планер – также поднимает человека в небо. Так же экзотично воспринимается уподобление креста и пропеллера. Метафора эта настолько необычна, что найти ее аналог в поэтических текстах других авторов непросто. Следовательно, ее можно отнести к числу непродуктивных, редких, неустойчивых, но от этого не менее, а более ценных. Кстати, и образ белого пламени, с которым также отождествляется церковь в данном примере, скорее соотносимо с христианской традиционной символикой. В Библии, как правило, огонь сопровождается Божьими явлениями; а Святой Дух также сходит на апостолов в виде языков пламени. А они вообще являются символом божественности, так как изображались над головой различных персонажей по всему Востоку. Отсюда следует вывод о том, что традиционность образов зачастую сопровождается у Губанова необычностью, смелостью, новизной. Так, например, в случае с образом дождя в стихах поэта можно встретить как традиционные, так и необычные уподобления. Традиционно Губанов сравнивает дождь со слезами.

Дождь проливные слезы льет... [2, с. 637]

С этой строки начинается одно из последних его стихотворений. А другое стихотворение примерно этого же периода творчества начинается со следующих строчек:

Скоро мелкий дождь пойдет,

Мелкий дождь с лица родного. [2, с. 633]

Здесь мы сталкиваемся со случаем обратной парадигмы, где дождь выступает в качестве правого элемента, то есть того, с чем сравнивается.

Кстати, нужно отметить, что именно к концу творческого пути Леонид Губанов все чаще стал использовать традиционные устойчивые образы и метафоры, то есть возникла тенденция тяготения к классической поэзии.

Но наряду с вышеприведенными примерами следует сказать о тех случаях, когда сравнительный оборот предстает более уникальным, редким

по своему выражению. Например, в стихотворении «Белокаменное утро» мы можем увидеть такие строки:

Это не дождь – это тысячи старцев с хрустальными посохами... [2, с. 400]

Метафорический оборот здесь дан в форме отрицания: не дождь, а ... В данном случае мы имеем дело с олицетворением, одушевлением неодушевленного. Эта парадигма «стихия – существо» повторяется в другом примере, а именно в стихотворении, которое как раз начинается со строчки, содержащей подобную метафору:

Дожди сентябрьские с лицами монголов,

Вы – шпагой бьющие французские пажи... [2, с. 575]

В развернутой конструкции возникает элемент, который в другом примере в стихотворении «Пять чувств, пять пальцев, пять утрат...» является тем, с чем поэт сравнивает дождь, образуя парадигму «стихия – оружие»:

...и дождь, как миллион рапир... [2, с. 219]

Кстати, олицетворение дождя присуще поэзии, особенно в двадцатом веке. В своем исследовании Н. Павлович выделяет также парадигму «стихия – существо», где приводит примеры данных метафор, встретившихся в стихах и прозе тех или иных авторов. «Дождь – работник», «дождь – машинист», «дождь – охотник», «дождь – летописец», «дождь – воин» – вот тот неполный перечень примеров, которые приводит исследователь, обработавший тексты О. Мандельштама, Саши Соколова, И. Лиснянской, И. Бродского, И. Елагина и т.д. А как не вспомнить классический уже пример из стихотворения В. Маяковского «Утро», где в первой строке мы сталкиваемся с олицетворением этой самой стихии:

Угрюмый дождь скопил глаза... [3, с. 43]

Самым же часто встречаемым образом в творчестве Леонида Губанова является образ слова, представленный в различных своих вариациях: стихи, поэмы, рифмы, собственно слова (именно они используются чаще всего). В единичных случаях можно встретить иные вариации. Например, поэзия. Подтверждением этому служат строки из стихотворения «Я сослан в сало севера...»:

Исколот я поэзией,

Как хвоей, как хвоей... [2, с. 87]

Поэт в данном случае подразумевает под своим ремеслом нелегкий труд, чреватый ранами и болями, которые он может причинить. Губанов отмечает здесь лишь одну из характерных граней поэтического творчества, которую сам он познал в определенной мере.

В целом же, большинство образов, связанных с поэтическим творчеством, выражены именно как слово. Слово как левый элемент парадигмы сравнивается и с живыми существами (человек, животное, птица и т.д.), и с растениями, и с предметами. Самой продуктивной парадигмой у Губанова в этом отношении является парадигма «слово – существо». Нужно сказать, что она довольно обширно выделена Н. Павлович в своей классификации при приведении примеров из творчества В. Маяковского, Д. Бурлюка, Н. Гумилева, Н. Клюева, В. Хлебникова, В. Набокова и др. В метафорический оборот входит уподобление человеку (женщине, воину, путнику, скороходу, девушке, страннику и т.д.), а также уподобление животному (слон, конь, бык, собака, тигр и т.д.), птице (соловей, ласточка, ястреб, сорока и т.д.), насекомому, рыбе...

У Губанова также в пределах большой парадигмы «слово – существо» представлены некоторые разновидности малых парадигм, а именно, например, «слово – человек». В частности, в стихотворении «Грею ли обледеневшее имя...» есть пример такой развернутой метафоры:

Строится храм батраками моими –
Каждою буквой и доброй, и грубой. [2, с. 120]
Наряду с парадигмой «слово – работник», в

губановской поэтике также представлена парадигма «слово – воин». В поэме «Петр Первый» есть пример такой метафоры:

Как в небе облака вспотевшие,
Что ждут свой выход, крайний срок,
Во мне стоят полки потешные
Все тех же одуревших слов. [2, с. 694]

Нужно сказать, что диапазон уподоблений у Леонида Губанова довольно широкий. Парадигма с левым элементом «слово» имеет разные варианты, которые встречаются либо единично, либо могут повториться в несколько похожей форме.

Говоря о роли метафоры в творчестве Леонида Губанова, мы отмечаем в первую очередь то, насколько данный художественный прием характеризует его поэзию с точки зрения именно художественности и глубины. Стремление передать свою мысль, свое внутреннее состояние, свои переживания и предчувствия с помощью тех или иных образов, постоянный поиск и нахождение необычного и яркого, следование путем интуиции и одновременно отыскивание довольно точных и глубоких ассоциаций, – все это характерно для поэта. Это является признаком высокого поэтического дарования, без которого невозможно подлинное творчество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлович Н.В. Язык образов. – М.: Азбуковник, 2004.
2. Губанов Л.Г. «Я сослан к Музе на галеры...» /сост. И.С.Губанова. – М.: Время, 2003.
3. Маяковский В.В. Сочинения. В 2 т. Т.1/ сост. Ал. Михайлова; вступ. ст. А.Метченко; прим. А.Ушакова. – М.: Правда, 1987.

Summary

IMAGE SYSTEM IN POETRY OF LEONID GUBANOV

M.M. Mishin

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The system of images of poetical language has a big amount of paradigms, the essence of which is concluded in usage of more or less stable assimilations in poetical texts. In Leonid Gubanov's poetry one can meet previous used, frequent paradigms, and also new metaphorical constructions. Uniqueness of such new paradigms in Gubanov's texts is concluded in unexpectedness, boldness and depth.

Key words: paradigm of images, image system, metaphor, left and right elements of paradigm, traditional images, detailed metaphor.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Нелюбин Л.Л.

Московский государственный областной университет

Аннотация. В статье рассматривается развитие лингвистической типологии, становление сравнительно-исторического метода, динамический подход к типологическому изучению языков.

Ключевые слова: генеалогический, генетический, индоевропейский, морфологический, сопоставление, сравнительно-исторический, типологический.

Как известно, древние греки считались любознательными, но мы не находим у них исследований по сравнению языков. Конечно, не стоит думать, что они могли бы обнаружить очевидное для нас сходство греческого и латинского языков. Ведь латынь слишком поздно попала в их поле зрения.

В то же время можно предположить, что от них не ускользнуло сходство между их родным языком и языком их долголетних врагов – персов. Однако этому нет никаких документальных свидетельств.

Все вышесказанное относится к доэллинистическому периоду.

Когда же греки действительно познакомились с этим новым латинским языком, то они быстро обнаружили его сходство с греческим. Иногда делался вывод, что латинский язык является диалектом греческого языка.

Однако сравнение шло лишь на уровне слова, как в древнем мире, так и в последующее время. Аристотель считал, что язык неизменен, а изменения объяснял произволом поэтов, поэтической вольностью – в диахроническом срезе. Нет свидетельств, что в античности делались наблюдения о структурном сходстве. В средние века и в ранние периоды новейшего времени, исследователи просто проходили мимо таких соответствий.

Даже вызывающий изумление Йозеф Юстус Скалинггер (1540-1609), который предвосхитил идею языкового родства и выделил в Европе 11 независимых друг от друга языков – в их числе язык со словом 'deus' Бог – романский, и со словом 'Gott' – германский, – ограничивался только сравнением слов.

Первые французские грамматики сопоставляли французский язык с латинским языком (Ж. Дюбуа, 1531) или греческим (А. Этьен, 1679). Положение изменилось в конце XVIII – начале XIX вв. Этому способствовали два обстоятельства.

Во-первых, к тому времени уже получила признание идея сравнения в разных науках, особенно в «сравнительной анатомии». В 1781 г. Иоганн Кристоф Аделунг (1732-1806) сформулировал разные категории степеней родства языков: «Если в двух языках в целом, за небольшими исключениями, совпадают корневые слова, словоизменительные и словообразовательные средства, а различия наблюдаются лишь в вокализме... и в родственных согласных, то эти языки – всего лишь диалекты друг друга. Если в словоизменительных и словообразовательных средствах наблюдаются заметные различия, то это лишь родственные языки. Совершенно разные типы словопроизводства и словоизменения, заметные различия в корнях и их значениях создают более или менее разные языки».

В 1787 г. Христиан Якоб Краус (1753-1807) требовал, чтобы «во всех языках устанавливались» главные черты языкового строя в целом, а также окончания существительных, степени сравнения прилагательных, тип спряжения глаголов, порядок слов в утвердительных и отрицательных повествовательных предложениях, а также в утвердительных и отрицательных вопросительных предложениях описывались с таким расчетом (лучше всего на отдельные карточки), «чтобы каждый язык можно было любым образом сравнивать с каждым другим языком».

Во-вторых, интенсивное изучение санскрита, древнего литературного языка Индии, также способствовало преодолению традиционных представлений и созданию современного языкознания.

В 1786 г. сэр Вильям Джонс (1746-1794), верховный судья в Бенгалии (до него отдельные замечания высказывались многими исследователями), сформулировал действительно новую, прогрессивную концепцию. В его докладе, опубликованном в 1788 г., была кратко изложена новая точка зрения: «Санскрит, каким бы ни был его воз-

раст, имеет поразительную структуру: он совершеннее греческого, богаче латинского и превосходит оба языка по утонченной изысканности. И, однако, в его глагольных корнях и в грамматических формах обнаруживается отчетливое сходство с этими двумя языками, которое не могло возникнуть случайно; оно настолько сильно, что ни один языковед при исследовании всех трех языков не может не прийти к выводу, что они произошли из одного источника, который, по-видимому, уже не существует. Имеется аналогичное, хотя и не столь очевидное основание для предположения, что также готский (то есть германский) и кельтский языки, хотя они и смешивались с другим языком, имеют общее происхождение с санскритом; к этой семье можно было бы причислить и древнеперсидский».

Итак, исследование словарного состава и изучение грамматического строя приводит Вильяма Джонса к открытию понятия родства языков: если некоторое количество языков обнаруживает в обоих отношениях достаточное количество совпадений, то этот факт объясняется лишь тем, что они происходят из общего праязыка, который может уже не существовать, и что в этом смысле, т.е. генетически, они являются родственными, иными словами, генетически родственные языки – это результат разного развития общего исходного языка.

Несмотря на выводы В. Джонса, ни современники, ни последующие поколения лингвистов не считали его основателем новой науки. То же самое можно сказать и о Фридрихе фон Шлегеле (1772-1829). В 1808 г. в своей книге 'Über die Sprache und Weisheit der Inter' на основании изучения санскрита и др. языков он впервые употребил для обозначения новой науки термин «сравнительная грамматика». Ф. Шлегель пошел дальше В. Джонса, ибо на примере персидского языка показал и метод новой сравнительной грамматики. В 1809 г., поставив цель выявить самые основные различия в строе языков мира, он разделил их на языки с аффиксами (китайский, банту, тюркские, полинезийские и др.) и языки с флексией (семитские, грузинский, французский). Разделение было очень приблизительным и послужило началом типологических исследований.

Итак, первый опыт типологии касался морфологии.

Брат Фридриха фон Шлегеля Август Шлегель (1767-1845) переработал эту классификацию и выделил три класса языков: аффиксирующие, флективные и аморфные, т.е. языки без грамматической структуры, куда он выделил китайский и

индокитайские языки, в которых все морфологические и синтаксические отношения передаются порядком слов.

Внутри флективных языков он выделил языки с внутренней флексией (т.е. звуковое изменение корня – несу – ношу; еду – ежу) и внешней флексией (окончанием), положив начало противопоставлению синтетизма и аналитизма.

Истинным создателем сравнительного языкознания современники считали Франца Боппа (1791-1867). Ф. Бопп не высказывал никаких общетеоретических соображений о том, что следует понимать под родством языков и как это доказывать, но он построил прочное здание, которое до сих пор сохраняет свое методическое значение, ибо два столпа его учения – соответствие в грамматической структуре и в создающем ее языковом материале – сохраняют свою силу и сегодня.

Родство, например, полинезийских языков и некоторых языков американских индейцев и сегодня может быть установлено только с помощью этих принципов.

В отношении типологии Ф. Бопп предложил свою морфологическую классификацию на основе корневого признака. Он различал: (1) языки с моносиллабическими корнями (с одними корнями, без грамматики) – китайский язык; (2) с диссиллабическими корнями (состоящими только из согласных) – семитские языки; (3) с корнями, имеющими возможность сочетаться – индоевропейские языки. Классификация Ф. Боппа охватывает не все языковые типы, т.к. он искал тип языка в свойствах корней слов.

Основателем исторического языкознания считается Якоб Гримм (1785-1863). В своей четырехтомной «Грамматике немецкого языка» (1819-1837) он преследует ясную цель создать историческую грамматику немецкого языка, понимая под «немецким» языком «общегерманский». В соответствии с этим он рассматривает все германские языки в определенной системе и последовательности: сначала древнейшую, затем среднюю и, наконец, новейшую стадию. Он начинает с готского языка и кончает новоанглийским. Тем самым он создает сравнительно-историческую грамматику в собственном смысле слова.

Таким образом, типологическое языкознание начало развиваться почти одновременно с сравнительно-историческим. Типологические исследования начались, как мы видели, не с вычленения из языкового материала типологически важных черт, как того требует логика исследования, а с другого конца – с составления общих типологических классификаций.

Основоположником типологии считается Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835). Развивая классификацию языков братьев Шлегель, на основании своего лингвистического кругозора, будучи большим полиглотом, он назвал «языки без грамматики» изолирующими и выделил языки американских индейцев в отдельную группу – инкорпорирующих. В. Гумбольдт различает следующие типы языков:

- изолирующие, не имеющие словоизменяемых морфем – аморфные, аморфно-синтетические, бесформенные, корневые, корнеизолирующие (китайский, индокитайские)
- флективные, способные присоединять многозначные морфемы – амальгамирующие, органические, формальные, фузионные (индоевропейские)
- агглютинирующие, способные присоединять только однозначные морфемы – агглютинативные (уральские, алтайские, банту, тюркские)
- инкорпорирующие, в которых слова способны соединяться в особые слова-предложения – бесформенные, голофрастические, полисинтетические (языки индейцев Америки, палеоазиатские).

В. Гумбольдт считал, что языки движутся от аморфных к флективным, т.е. к якобы идеальному состоянию языка.

Следует отметить, что в XIX в. при зарождении и становлении сравнительно-исторического метода главное внимание уделялось сравнительно-историческому языкознанию. Типологическая классификация, т.е. сравнение неродственных языков, занимала подчиненное место.

Такое сравнение по преимуществу служило основанием деления языков на типы и подтипы и предваряло сравнительно-историческое сближение языков, установление морфологических, лексических и фонетических корреспондентий между ними.

К началу XX в. и в первой четверти XX в. отношение к типологическим исследованиям существенно изменилось.

Это определяется следующими 6-ю причинами:

Во-первых, лингвисты сделали много попыток построить типологические классификации языков на основании уровневых признаков: синтаксических, морфологических, фонетических, лексических, семантических. Появилось множество типологических классификаций, различающих типы языков на разных уровнях описания их систем. Типологические классификации перестали играть

роль дополнения к генетическим классификациям и становятся самостоятельным разделом языкознания.

К наиболее авторитетным исследованиям относится классификация Э Сепира, который широко применяет понятие аналитического и синтетического строя языков.

Во-вторых, Ж. Вандриес (1875-1960) в своем известном курсе «Язык» предложил своеобразное понятие морфемы, которому в русской традиции соответствуют понятия «способы передачи грамматических значений», «грамматические способы». Сюда относятся все средства выражения грамматических значений: аффиксы, внутреннее чередование (или внутренняя флексия), порядок слов, повторы и др. Особенностью морфем у Ж. Вандриеса является то, что они составлены как конечный закрытый список выражения грамматических значений, присущих языкам мира и представленный в каждом конкретном языке в той или иной пропорции. Например, китайский язык широко пользуется порядком слов и служебными словами, а тюркские языки избегают служебных слов, для них характерен относительно свободный порядок слов и широко используется аффиксация и т.д.

Способы выражения грамматического значения и деление языков по типам фактически послужило выявлению двух рядов понятий в типологии: понятия о типовых средствах языков (на уровне грамматики) и о типологических классах языков (на уровне классификации).

В-третьих, изменилось соотношение между сравнительно-историческим и типологическим изучением языков. Если в XIX в. сравнительно-исторический метод использовался, по сути дела, при изучении лишь индоевропейской семьи языков, то в XX в. лингвистические исследования проводятся на материале основных языковых семей.

Исследуются неиндоевропейские семьи языков, сравнительно-исторический метод начинает применяться уже ко всем языковым семьям и фактически становится общезыковедческим методом, а представление о том, что морфологическая и типологическая классификации различаются между собой как общие и частные разделы языкознания, оказывается несостоятельным.

В-четвертых, развитие сравнительно-исторического языкознания неиндоевропейских языковых семей показало, что процедура генеалогических сближений и сопоставлений, разработанная в индоевропейской компаративистике, нуждается в пересмотре и коррекции в применении ее к языкам неиндоевропейских семей.

Сравнительно-историческое исследование языков неиндоевропейских семей поставило вопрос о типологических особенностях каждой из семей. Н.С. Трубецкой (1890-1938) сделал первую попытку перечисления типологических особенностей неиндоевропейской языковой семьи. Исследования показали, что между генеалогическим и типологическим сравнением языков существуют новые точки соприкосновения и противопоставления.

В-пятых, новые данные по типологии, полученные благодаря развитию сравнительно-исторического языкознания, привели к новой мысли о типологическом развитии языка. Так родилась идея динамики в типологии. Современная типология почти полностью отказалась от оценочного и эволюционного рассмотрения классификационных групп языков, свойственных работам братьев Шлегель, А. Шлейхера (1821-1868), который известен созданием теории «родословного древа» (Stammbaum-Theorie) и разработкой методики реконструкций, и других лингвистов.

Одним из последних отзвуков подобного рода рассмотрения являлась теория единого глоттогонического процесса Н.Я. Марра (1864-1934). В соответствии с этой теорией языки в своем развитии проходят обязательные стадии, по которым и распределяются все известные языки. Стадии у Н.Я. Марра имели прямую соотнесенность с социальными формациями и идеологическими образованиями, вследствие чего определение в каждом конкретном языке того или иного стадийного состояния неизбежно приобретало оценочно-эволюционный характер.

При всей очевидности схематичности и неправомерности такого подхода, положительным здесь является то, что теория Н.Я. Марра направлена против статичности типологических подразделений языков, которые навсегда закрепляли языки за определенными классификационными группами и отказывали им в праве, изменив свою структуру, переходить из одного типологического класса в другой.

Именно динамический подход к типологическому изучению языков получил в последние десятилетия XX в. широкое применение.

В основе эволюционного и оценочного подхода к типологическим классификациям языков всегда лежит бессознательное или же намеренное стремление установить превосходство одних языков над другими путем противопоставления «более развитых» языков «менее развитым».

Между тем, установить в чисто лингвистическом плане тот факт, что один язык является бо-

лее развитым, чем другой, бесспорно нет никакой возможности, так как наука о языке не располагает для этого никакими объективными критериями. Соотнесение любых типологических мерил с формами развития конкретных языков может дать самую неожиданную картину и даже представить дело так, что с развитием человеческой цивилизации языки не развиваются, а деградируют (что и получилось у А. Шлейхера).

Очевидно то, что о большей или меньшей степени развитости мы можем говорить в лингвистическом плане лишь применительно к разным этапам эволюции языка, но никак не в сопоставительном плане в отношении двух или многих языков.

И.И. Мещанинов (1883-1967) в известной книге «Члены предложения и части речи» сделал первую фундаментальную попытку описания типологического развития языков. Суть взгляда И.И. Мещанинова на типологическое развитие языков заключается в следующем: грамматический строй языков отражает как бы в снятом виде развитие категории мышления, или понятийных категорий, которые через синтаксические структуры трансформируются в морфологические категории. И.И. Мещанинов расположил данные ряда языковых семей так, что получилась картина последовательного развития грамматических категорий от диффузного состояния к более развитому строю. Книга И.И. Мещанинова поставила перед типологами проблемы подбора типологического материала.

В-шестых, в 30-х годах XX в. в советском языкознании по преимуществу разрабатывалась идея социальных типов языков. Выделялись языки родовые, племенные, языки донациональные и т.д. Ошибочно предполагалось, что разные социальные типы языков отражают разные формы мышления. В социальной типологии классификация языков рассматривалась с динамической точки зрения, а динамическая типология была основана на понятийных категориях языков. Параллельно с социальной типологией языков развивалась историко-культурная и другие виды типологии языков.

Таким образом, предмет типологии становится предметом любых языковых сопоставлений и сравнений, в том числе и внутренних языковых сравнений в пределах одного языка, поскольку в одном и том же языке обычно представлены разные способы выражения грамматических значений.

Итак, будучи индифферентной к генетическому родству, типологическая классификация не знает языкового ограничения, что и является

ее преимуществом. Универсальность и неограниченность типологической классификации привлекали внимание самых различных языковедов

мира, и постепенно в последующие годы типологические исследования обогатили эту область очень ценными данными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский, В.М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков [Текст] / В.М. Жирмунский. – М. – Л.: Наука, 1964. – 316 с.
2. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях [Текст] / В.А. Звегинцев. – Часть I. – М.: Просвещение, 1964. – 468 с.
3. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях [Текст] / В.А. Звегинцев. – Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – 496 с.
4. Йоргу Йордан. Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы [Текст] / Йоргу Йордан. – М.: Прогресс, 1971. – 620 с.
5. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 248 с.
6. Нелюбин, Л.Л. История науки о языке. [Текст] / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. – 3 изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 376 с.

Summary

LINGUISTIC TYPOLOGY IN RETROSPECTIVE

L.L. Nelubin

Moscow state regional university

Abstract. Development of linguistic typology, becoming of comparative-historical method, dynamical approach to typological studying of languages are examined in the article.

Key words: genealogical, genetical, Indo-European, morphological, comparison, comparative-historical, typological.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИРАЩЕНИЯ В ЗНАЧЕНИЯХ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Перцева Н.К.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы деривации и семантики слова, которые тесно соприкасаются друг с другом при словообразовании. Действительно, мотивированное и немотивированное слова, находясь в отношениях мотивации, различаются не только структурно, но и семантически. И этот семантический «довесок», который получает производное слово, носит разный характер, что определяется рядом причин: смысловая структура производных слов, семантика производящих слов, морфологическая структура слова (отношение к определенной части речи), употребительность слова и др.

Ключевые слова: смысловое приращение, мотивация, семантика, словообразовательное строение, производящее и производное слова, семантическая группа слов, деривационное окружение, фразеологичность.

Характер семантического приращения у разных типов производных слов чрезвычайно неоднороден, что зависит от тематической и семантической группы, в которую входит производное слово, от его словообразовательного значения и значения мотивирующего слова, характера мотивации и других факторов.

У одних производных слов смысловое приращение занимает небольшое место в значении слова. Например, производное *преподаватель* имеет значение «тот, кто профессионально занимается преподаванием чего-либо», производящий глагол – «обучая кого-либо, излагать, сообщать систематически сведения в какой-либо области знания». Производящий суффикс выражает значение лица. Следовательно, на долю смыслового приращения приходится только значение «профессионально».

В смысловой структуре других производных слов смысловое приращение составляет значительную часть лексического значения. Например, слово *теплица* имеет значение «теплое помещение для разведения и выращивания растений». При этом суффикс выражает общее предметное значение. Следовательно, за исключением компонента «теплое», соответствующего производящей основе, значение «помещение для разведения и выращивания растений» составляет смысловое приращение.

Существуют приращения, регулярно встречающиеся в определенных типах производных слов. Например, в отсустантивных названиях лиц ре-

гулярно не находит формального выражения значение действия (*рыбак* – тот, кто ловит рыбу, *лыжник* – тот, кто занимается лыжами). Приращения, наблюдаемые в значениях предметных наименований, независимо от их мотивации, нерегулярны.

Наиболее отчетливо выделяются, прежде всего два типа приращений: синтаксический и лексический. Один наблюдается в словах типа *барабанщик*, другой – в словах *безрезультатный*, *безразмерный* и т. п. В словах типа *барабанщик* формально не выражено значение действия, хотя слова эти относятся к *nomina agentis*, ср.: *барабанщик* – «тот, кто играет на барабанах», *газетчик* – «тот, кто продает (или выпускает) газеты», *рыбак* – «тот, кто ловит рыбу» и т. д.

На это обратил внимание В. Дорошевский: «В форме *барабанщик* формант – *щик* является морфологическим (словообразовательным) показателем понятия действующего лица. Понятийную структуру формы *барабанщик* в ее отношении к словообразовательному строению этого слова можно выразить в формуле: «тот, кто бьет в барабан» [3].

Аналогично слову *барабанщик* семантическая структура других названий лиц, мотивированных существительными предметной семантики, включает компонент «действие». Так, *карикатурист* – «тот, кто рисует карикатуры», *очеркист* – «тот, кто пишет очерки», *собачник* – «тот, кто любит (и обычно) содержит собак», *булочник* – «тот, кто печет булки», *мясник* – «тот, кто продает мясо» и т. д. [Мы исходим из того, что суффикс имеет ши-

рокое предметное значение, которое реализуется как значение лица или предмета в узком смысле, без указания на действие].

Совсем иначе организована семантика существительных с теми же суффиксами, когда они мотивированы производящими с процессуальными значениями. Например, у существительных типа *помощник* – «тот кто помогает», *клеветник* – «тот, кто клеветает» значение действия не только содержится в семантике слова, но и выражено производящей основой. Те и другие слова по значению являются названиями действующих лиц и относятся к *nomina agentis*. Но во втором случае лицо называется по действию, а в первом – по объекту действия.

Условно назовем первый тип приращения синтаксическим на том основании, что в структуре толкования производящего слова оно выполняет роль предиката. По отношению к действию и называемое этим существительным лицо выступает как субъект.

Второй тип приращения носит скорее лексический характер: в семантической структуре производного слова содержится компонент с ограничительным или оценочным значением, как бы усложняющий семантику производящей основы, которая вне данного производного компонента не имеет. Например, слово *безрезультатный* значит «не дающий нужных, ожидаемых результатов». Производящая основа – *результат* – вне произвольного не имеет значения «ожидаемый, нужный итог». Компоненты «ожидаемый, нужный» составляют приращение в слове *безрезультатный*. Аналогичны в этом отношении слова *беспринципный* «без твердых, высоких нравственных принципов», *бессрочный* «без указанного срока», от *принцип*, *срок*, не содержащих в своих значениях компонентов «твердый, высокий», «указанный».

Лексическим это приращение называют потому, что компоненты такого типа могут включаться в семантику слов и вне деривационного окружения. Например, слово *характер* в определенных условиях получает значение «сильный характер» (Она девушка с сильным характером), хотя в сочетании *слабый, мягкий характер* оно лишено этого добавочного компонента. Слово *бесхарактерный* «не обладающий сильным характером» включает в свой состав существительное *характер* вместе с добавочным компонентом «сильный». С добавочным компонентом «повышенная» употребляется в разговорной речи слово *температура* (ср.: *У него температура* и *У него пониженная температура*), которое сохраняет этот

компонент и в составе производного *температурить* «иметь повышенную температуру» [7].

В разных производных словах одно и то же мотивирующее может иметь в качестве приращенных различные определители. Приведем некоторые примеры. Слово *бесчувственный* имеет значениями: 1) «лишившийся чувств, сознания», 2) «бесчувственный ко всему, не проявляющий чувств, неотзывчивый» || «безжалостный, жестокий». При употреблении этого слова в значении «неотзывчивый» (иначе «лишенный добрых чувств») приращением оказывается компонент «добрый». Слово *сочувствовать* значит «относиться с участием, состраданием горю, переживаниям кого-либо» (иначе «соучаствовать в горестных чувствах»). В этом случае приращенный компонент – «горестный». Слова *зачинщик* и *зачинатель*, образованные от глагола *зачинать* синонимичными суффиксами, имеют антонимичные приращенные компоненты: первое слово имеет значение «тот, кто начинает что-либо неблагоприятное», а второе – «тот, кто начинает что-либо положительное, высокое». Неодинаковы также приращения в словах *отсрочить* и *бессрочный*.

Тип приращения в значительной степени обусловлен тем, какая часть речи мотивирует производное слово. Так, в названиях лиц субстантивная мотивация (сюда мы относим мотивацию предметной лексики) дает один тип: приращение составляет действие лица. Глагольная мотивация (в том числе и мотивация отглагольными существительными, называющими действие) дает другой тип: в качестве приращений могут выступать объект, место, способ действия, а также различные характеристики действия – склонность к действию, способность к нему, профессиональность действия и др.

Интересно отметить, что при образовании производных от некоторых семантических групп слов включение в значение производного дополнительного смыслового компонента является обязательным. Имеются в виду слова, являющиеся обозначением широких логических понятий – *время, место, причина, цель*, в том числе параметрических – *размер, объем, высота, длина, вес, вид, качество, форма, цена, порода, рост, вкус* и некоторые другие. Это связано с характером их семантики, информативной недостаточностью, которая вне деривационного окружения лишает такие слова самостоятельной синтаксической функции: быть членами предложения они могут либо в сочетании с зависимыми словами, либо с включением упомянутых определителей.

Например, слово *время* в разных падежных формах с зависимым родительным другого имени (*во время пребывания, во времена Петра I, во времена Екатерины, о времени язычества* и т. п.), либо с зависимым ограничивающим местоименным прилагательным (реже неместоименным): *в то время, в те далекие времена, с этого времени, на то время, перед тем временем, до того времени* и т.д.

В силу такой особенности значения, в любое свое произвольное слово *время* входит с включением определителя. Ср. *время* и *вовремя* («в подходящие времена или положенное время»), *временный* (где включается дополнительный компонент «некоторое, краткое»), аналогично- *безвременный, безвременье, преждевременный, современный*.

Обязательно включение и при мотивации производных словами, обозначающими различные параметры: *объем, вид, размер, цвет, порода, качество, характер* и т.д. Например: *объемный* – «большой по объему» (другое значение- «относящийся к объему» – значение синтаксического деривата), *цветной* – «яркого цвета», *качественный* – «хорошего качества», *породистый* – «обладающий признаками ценной породы», соответственно *беспородный* – «не имеющий никаких признаков», *рослый* – «высокого роста», *видный* – «имеющий значительный или привлекательный вид» и др.

Семантическое приращение лексического типа со временем может устраниваться. Это происходит в тех случаях, когда: 1) производящее слово приобретает включенный компонент значения, который оно прежде имело только в составе производного; 2) производное расширяет свое значение и тем самым освобождается от ограничительного компонента.

Уже сейчас является спорным наличие семантического приращения в слове *водитель*, поскольку в разговорной речи глагол *водить* употребляется со значением «управлять машиной» (как личной, так и общественной), ср.: *Он всегда осторожно водит* (о владельце машины, шофе-

ре такси, водителе троллейбуса и т.д.). Здесь, очевидно, происходит обратное влияние: производное влияет на производящее в процессе функционирования.

Примером начинающегося освобождения от приращения лексического типа может быть слово *соучастник*, которое определяется в словарях как «участвующий совместно с кем-либо в каком-либо предосудительном деле», но иногда употребляется без компонента «предосудительный»: *Он безусловный соучастник исследований и законный соавтор всех выходящих из лаборатории публикаций* [5].

Нередко наблюдается обратная тенденция: слово, не имевшее семантического добавления, приобретает его в процессе употребления, прежде всего в тех случаях, когда отглагольное существительное вбирает в свое значение объект, способ, место действия, не включенные в значения производящего глагола. Интересно в этом отношении слово *пришелец*, которое в настоящее время стало компонент «из космоса». Словари фиксируют его лишь со значением «человек, пришедший откуда-либо, чужой, не здешний человек»: *Сидит пришелец за столом* (М. Лермонтов). В языке художественной литературы, отражающую разговорную речь, отмечают другое употребление: *За мной опять шли. Не сочти за манию преследования - двое с вилами на плечах. Оглянулся - нет. Чистое поле, куда девались? Пришельцы, не иначе* (А. Куприн). *Вы меня пришельцем, что ли, считаете? Тогда дальнейший разговор излишен* (В. Орлов).

В отглагольных названиях лиц наблюдается тенденция к включению объекта в значении слова. Если это не происходит в границах производящего глагола, то такое включение, как было показано, приводит к фразеологизации значения. В отглагольных названиях орудий, напротив, чаще наблюдается «выключение» конкретного объекта, тенденция к расширенному применению слова и, следовательно, к утрате фразеологичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная функция и значение слова – ФН, 1973. – №3.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов – ВЯ, 1953. – №5.
3. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семантики – М., 1973.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование – М., 1973.
5. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания – М., 1977.
6. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики – М., 1973.
7. Янко-Триницкая Н.А. Процессы включения в лексику и словообразовании. В кн. Развитие грамматики и лексики современного русского языка / под ред. И.П.Мучника, М.В.Панова. – М., 1964.

Summary

SEMANTIC ACCRETIONS IN MEANINGS OF DERIVATIVE WORDS

N.K. Pertseva

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The questions of derivation and semantics of words, which have contact in text, are examined in the article. Really, motivate and non-motivate words which are in relations of motivation are differ not only in a structural way, but also in semantical way. And this semantical component, which gives derivative word, bears differrent character, which is determined by the following reasons: semantic structure of derivative words, morphological structure of words (relation to a certain part of speech), the usage of word and others.

Key words: semantic component, motivation, semantics, derivative structure, productive and derivative basis, semantic group of words, derivative relationship, phraseology.

МЕСТОИМЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАК ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА АВТОРА В ТЕКСТАХ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ АНДРЕ ЖИДА

Савельева Е.Б.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Персонифицированному рассказчику предоставляется возможность передать свой образ в тексте произведения, используя все разнообразие лингвистических средств. Прямыми показателями языковой реализации образа автора являются личные местоимения, на основе которых выстраивается структура и содержание текста. Они определяют расстановку лиц в тексте, указывают на место автора как основного производителя речи в его структуре, передающего и определяющего в нем свой образ. Благодаря функции указания, личные местоимения способны выражать формальные признаки образа автора.

Ключевые слова: образ автора, местоименные показатели, текст дневниковых записей.

Большое значение формированию и реализации образа автора придавал в своих работах выдающийся лингвист В.В. Виноградов. В процессе изучения текстов художественной прозы, поэтических произведений, исследования авторских стилей он пришел к выводу о том, что данный образ – это главная категория науки о языке художественной литературы. В.В. Виноградов указал на то, что образ «объединяет качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных средств, переходы от одного стиля к другому, перемены и сочетаний словесных красок, выражаемых посредством смены слов и фраз, своеобразием синтаксического движения» [1, с. 181].

Образ и присутствие автора в тексте реализуется как самим писателем в форме, например, автобиографического повествования или через дискурс и поведение главного героя, чью роль берет на себя сам автор-рассказчик. Следует признать, что это главные формы выражения субъективированного повествования от первого лица.

Текст жанра дневниковых записей, также являясь актом письменной коммуникации, подчиняется общим законам речевого акта, речевой ситуации. В связи с чем данная форма письменной коммуникации осуществляется между автором и читателем, т. е. лицом, которому предназначена информация.

Персонифицированному рассказчику предоставляется возможность передать свой образ в тексте произведения, используя все разнообразие лингвистических средств. Прямыми показателями языковой реализации образа автора в тексте яв-

ляются личные местоимения, на основе которых выстраивается структура и содержание текста. В данной статье, предполагается исследовать каким образом местоименные показатели языковой структуры включены в речь автора дневниковых записей французского писателя Андре Жид.

Речевое воздействие, реализуемое от лица автора, от первого лица единственного числа, как верно указывает Г.Я. Солганик: «... Переходя из языка в речь (текст), Я из нейтрального обозначения говорящего становится знаком присутствия говорящего в тексте и в зависимости от контекста, стиля, жанра вносит в речь разнообразные значения субъективной модальности» [2, с. 189]. И далее: «Главное заключается в том, что Я говорящего, переходя в речь, может совпадать, а может и не совпадать с производителем речи. И здесь мы сталкиваемся с процессами сугубо текстовыми» [2, с. 189].

К одному из таких явлений, обеспечивающих присутствие говорящего/пишущего в «текстовом процессе», благодаря своим референциальным функциям относится явление «дейксиса» (*deixis*).

Обычно различается три основных вида дейксиса – персональный (личный), пространственный и временной. Считается также, что персональный дейксис может быть поделен терминологически на дейксис нарративный (дейксис персонажа) и дискурсивный (дейксис автора).

Мы ограничимся рассмотрением дейксиса автора через местоименные показатели, способностью именно личного местоимения первого лица единственного числа (приглагольного – прямого,

косвенного и его ударной формы, поссессивного) определять расстановку лиц в тексте, указывать на место автора как основного производителя речи в структуре текста, передающего и определяющего в нем свой образ.

Известный языковед Ю.С. Степанов, указывая на индивидуализацию, производимую субъектом *Я*, отмечает: «...я – это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка» [3, с. 165].

Становясь адресатом, центром коммуникации, автор обозначает себя, свое лицо посредством референциальных значений главного дейктического маркера – личного местоимения первого лица французского языка *Je*.

«Toute la journée *je* les ai fait rire, follement rire, et *je* fegnais de rire moi-même, car j'aime autour de moi qu'on m'aime ; puis quand le soir est venu, après les rires, *je* suis remonté, tout seul, dans ma chambre. *Je* me suis assis, l'esprit inerte.

Tout s'est assoupi; j'ai songé que j'étais seul à veiller: il était minuit» [4, с. 100].

Персональный дейксис в описании самого себя, начиная с внешности, предполагает необходимость определить себя в глазах окружающих, увидеть себя со стороны, как с точки зрения физического восприятия, так и с точки зрения морально-психологического состояния. Для оценки А. Жидом самого себя, а это один из главных мотивов всего творчества писателя, можно принять личный дейксис (с его *Я* дискурсивного уровня) основным элементом в структуре высказывания. Очевидно, что таких примеров на протяжении всех дневниковых записей А. Жиды встречается огромное количество, это связано со специфической и жанровой особенностями подобных текстов, приведем лишь несколько:

«*Je* voudrais connaître Balzac, Dickens, Stendhal – et d'autres choses encore que *je* serais le seul à connaître, comme la façon de parler à ceux qui sont morts et que j'aime» [4, с. 59].

«*Je* voudrais lui parler; *je* ne veux rien lui cacher; j'ai besoin qu'il me connaisse. *Je* sens bien que lui craint que *je* ne parle; il se dérobe à mon intimité ... Mais j'ai besoin de parler, parce qu'il me semble que *je* n'ai pas le droit de me taire; *je* croirais lui voler son estime. Ô qu'il me sacne tel que *je* suis: il me méprisera peut-être ... sûrement – mais ma conscience se reposera dans le contentement de sa franchise» [4, с. 74].

«Reçu aujourd'hui des nouvelles d'Albert et une lettre de Louis; *je* ne me souviens plus de rien, *je* n'ai rien vu, rien senti, sinon que *je* les aimais profondément ... surtout Albert que *je* savais triste: *je* m'en

voulais de ma gaieté et de mon bonheur» [4, с. 98].

В дальнейшем повествовании мы имеем варианты описания собственной внешности или, как уже принято говорить, автопортрета, который включает в себя не только дескрипцию самой внешности, одежды, жестов, но и авторских действий:

«*Je* suis encore maladroit; il faudrait pouvoir ne l'être que lorsque *je* le veux. *Il faut que j'apprenne à me taire.* (выделено автором) D'avoir parlé hier de ce projet de livre à Albert, ma volonté s'en était affaiblie. Il faut que j'apprenne à me prendre au sérieux; et à n'avoir aucune opinion satisfaite de moi-même. Que mon regard soit plus mobile et que mon visage le soient moins. Que *je* garde mon sérieux lors de mes plaisanteries. Que *je* n'applaudisse pas à toutes celles des autres. Que *je* ne sois pas pour tous de la même amabilité fade. Que *je* sache déconcentrer à propos, en gardant une apparence figé. Surtout que *je* ne loue jamais deux personnes de la même façon, mais que, pour chacun, *je* garde une manière d'« habitus » distinct et dont *je* ne me départirais que sciemment» [4, с. 120].

Описывание себя как речевого субъекта с точки зрения эмоционального состояния свойственно многим дневниковым текстам, встречаем подобные случаи и у А. Жиды:

«*Je* suis fou, *je* suis fou, *je* me crée des chimères, puis *je* m'en effraie, comme don Quichotte qui voit des dragons dans les moulins à vent. Ne craine point, crois seulement» [4, с. 23].

«Ma sensibilité s'exite auprès de Madelaine – rien ne me laisse indifférent, j'ai des douleurs profondes pour un mot pour un regard que *je* n'ai pas senti alors que pourtant *je* l'attendais, et des ravissements enfantins pour un sourire, un geste de caresse. *Je* frémis à tout souffle, et suis bien désarmé» [4, с. 115].

Для наиболее эффективного исследования образа автора как организационного центра письменной коммуникации логично обратиться к обозначению лица в тексте через возможности, которые реализуются и другими формами персонального местоимения первого лица единственного числа.

«*Je* rêve *me* ronge, il use toutes mes forces et m'éblouit à ce point que son image s'interpose toujours entre mes yeux et la réalité» [4, с. 52]. – местоимение – прямое дополнение.

«J'ai la tête si fatiguée qu'elle *me* fait mal et que j'y vois tout trouble; ...» [4, с. 56]. – местоимение – косвенное дополнение.

«... *je* voudrais que pas une minute ne soit sans résultat et que même la flânerie délicieuse fasse vibrer en *moi* *je* ne sais quoi de nouveau» [4, с. 55]. – ударная форма местоимения.

«Je **me** croyais déjà mort et tout le jour, je marchais comme dans un brouillard, pleurant sur mes forces défuntes et portant le deuil de **moi-même**» [4, с. 69] – ударная **форма местоимения и форма возвратного местоимения**.

Очевидно, что контекст раскрывает значение данных форм местоимения, чтобы отразить полный спектр их функциональных возможностей при реализации образа автора.

Безусловно, в языке существует огромный спектр лингвистических средств, способных вы-

ражать позицию говорящего/пишущего в речевой ситуации, так и связанный с ней образ персонифицированного рассказчика. Лексические и фразеологические средства, синтаксические и морфологические конструкции, конечно, являются наиболее яркими в реализации данных задач. Однако, в субъективированном тексте, местоимениям как заместителям имен отводится особая роль. Благодаря их функции указания на автора речи они способны выражать формальные признаки образа автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 511 с.
2. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: URSS, 2007. – 225 с.
3. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
4. Gide A., Journal, I, 1887-1925, Edition Gallimard, Mercure de France, 1996, 1748 p.

Summary

PRONOUN FACTORS AS LANGUAGE MEANS IN REALIZATION OF AUTHOR'S IMAGE IN TEXTS OF DIARIES OF ANRE JID

E.B. Savellieva

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. Using different linguistic means the narrator has an opportunity to show his image in a text. Personal pronouns are direct indices of linguistic realization of the author's image. The structure and the context of the text are built on the basis of personal pronouns. They determine the places of characters in the text and point at the author's place as a main producer of the speech in the structure of the text. Due to demonstrative function, personal pronouns can show formal indications of the author's image.

Key words: the author's image, pronominal indications, the text of a diary.

О РАСШИРЕНИИ СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Филатова Н.А., Филатова А.А.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются процессы активизации употребления иноязычной лексики в современном русском языке, ведущие к ее освоению в различных функциональных сферах.

Ключевые слова: бюстье, визажист, гран-при, сомелье, дефиле, кутюрье, бутик, прет-а-порте, от-кутюрье.

В современном русском языке наблюдается процесс активизации употребления иноязычных слов. Наряду с появлением новых заимствований отмечается расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии, относящейся к экономике, финансам, коммерческой деятельности и некоторым другим областям. При этом подавляющее большинство заимствуемых слов принадлежит английскому языку.

Толчком к активизации употребления иноязычной лексики послужили интеграция России в мировое сообщество, переоценка социальных ценностей, изменения в области экономики, политической структуры государства, культуры, торговли, моды и другие процессы, характерные для нашей страны периода 80–90-х годов XX и начала XXI века.

Сменились названия в структурах власти: верховный совет стал называться парламентом, совет министров – кабинетом министров; появились премьер-министр (или премьер), вице-премьеры, мэры, префекты и т.д. Явление это, по словам Г.Н. Складневской, представляет собой «перенесение номинаций из чужой лингвистической среды на русскую почву». [Складневская 1991: 258].

Активизация деловых, научных, торговых, культурных связей, расцвет зарубежного туризма способствовали интенсификации контактов носителей русского языка с носителями других языков, приобщению к интернациональным и профессиональным «языкам» специалистов в различных областях, например, в вычислительной технике, в области моды, торговли, музыки, кино, театра и других областях.

Программисты и специалисты-компьютерщики используют исключительно английскую терминологию: *файл, дисплей, принтер* и т.д. Многие из этих терминов употребляются вне профессиональной сферы, в неспециальных текстах.

Появились традиционно и по большей части английские названия новых видов спорта: *скейт-борд, виндсерфинг, фристайл* и т.п.

В области коммерции происходит приобщение к интернациональной финансовой терминологии. Острая общественная актуальность обозначаемых этими терминами явлений выносит их за пределы профессионального употребления: они широко используются в печати, на радио и телевидении.

Иноязычная лексика и терминология активно осваиваются и в других сферах. Однако доля французских заимствований среди них относительно невелика. Причины заимствования иноязычной лексики достаточно хорошо известны. По отношению к французским заимствованиям таковыми могут являться:

1) Потребность в наименовании нового понятия, новой вещи, например, *бюстье* (фр. *bustier*), предмет женской одежды, часто выполненный из нетрадиционных материалов. Например:

К примеру, у Стеллы (Маккартни) обширные свитера носят с брюками из шелка, а тесные «бюстье» из кожи или кружев – с джинсами [Труд, 26.03.1999].

Другие модели ... «на ура» прошлись в не менее экстравагантных нарядах: в кружевных топах из хрустальных пластин, бюстье из шелковых галстуков и юбках до колен, шикарных вечерних платьях из денима с бахромой, украшенной бусинами. [Mini Bourda, октябрь 2002].

2) Необходимость в разграничении понятий или в их специализации: например, *визажист* (от фр. *visage*, лицо) – дизайнер или художник по макияжу, мастер косметического и живописного украшения лица (ср. с ранее заимствованным *дизайнер*, не имеющим указания на определенный объект деятельности человека, и *гример*, объект деятельности которого лицо актера, а цель – не

украшение этого лица, а создание определенного внешнего облика); или гран-при (фр. grand-prix., главный приз) – высшая награда наряду с традиционными первой, второй и третьей премиями.

3) Тенденция к замене словосочетаний или описательных оборотов однословными наименованиями: например, слово сомелье (фр. sommelier), аналогов которому в русском языке нет¹. Согласно определению Жоржа Пертюизе, президента Ассоциации Сомелье французского винодельческого региона Лангедок-Русийон, сомелье – «человек, ответственный за подачу напитков в ресторане, дающий советы по выбору вин и напитков, сервирующий их или следящий за их подачей клиенту вплоть до момента, когда тот покидает зал». Он дегустатор, эстет, психолог, имиджмейкер заведения и знаток вин, и самое главное, знаток в области эногастрономии (наука о сочетании вина с едой).

Сомелье – профессия молодая. Даже во Франции, где вино является неотъемлемым атрибутом культуры, она была признана официально лишь в 60-х годах XX века. Именно тогда там появились учебные заведения, готовившие «винных специалистов». В Россию профессия сомелье приходит в конце 90-х, в связи с тем, что Франция и другие страны с развитым виноделием стали активно экспортировать в нашу страну свою продукцию.

Основной вопрос, которым сомелье занимается в ресторане – рекомендации по выбору напитков и обеспечение их грамотной подачи. В его обязанности входит составление винной карты и поддержание, в соответствии с ней, запаса вин в ресторане. Если у заведения есть винный погреб, сомелье берет на себя заботу о нем. Часто на сомелье возложены обязанности по закупке вина, и помимо владения общей информацией о винах и их достоинствах, ему необходимо хорошее знание рынка.

Как самостоятельная профессиональная позиция, приносящая ресторанам заметную прибыль, существует профессия сигарного сомелье. Ежегодно в Гаване проводится Чемпионат мира среди сигарных сомелье.

Слово сомелье активно используется в рекламных публикациях. Как и другие новые и экзотичные иноязычные слова, оно призвано привлекать внимание потенциального адресата непривычностью номинации. Расширяется и сфера

его употребления: даже реклама кофе идет со слоганом «выбор кофейных сомелье».

Например:

Новый Davidoff Café Espresso 57. Создан одним из ведущих кофейных сомелье мира [Вокруг света, N3, 2004].

А в рекламном объявлении Internet (Dom Hi-Fi.Ru) от 12.06.02 сообщается, что конструкторы компании, известной своими торговыми марками Panasonic и Technics, «заняты разработкой технологии «Музыкальный сомелье». Оснащенные ею музыкальные проигрыватели смогут самостоятельно программировать состав и порядок треков (музыкальных композиций), которые наилучшим образом соответствуют настроению слушателя. Композиции будут подвергаться анализу по таким значимым для эмоционального воздействия параметрам, как темп, ритмический рисунок и интенсивность ударных инструментов».

4) Наличие в языке сложившихся систем терминов, имеющих относительно единый источник происхождения: например, термины из области моды: дефиле, кутюрье, бутик, от кутюр, прет-а-порте:

В сентябре 2001 года на Неделе высокой моды в Париже ... изюминкой дефиле стал выход знаменитой модели Наоми Кэмпбелл в платье ... без верха [Мини-Бурда, октябрь 2002].

Особенность этих показов в первую очередь заключалась в том, что в ряде ведущих домов моды на направлении готовой одежды сменились кутюрье» [Труд, 26.03.1999].

... размеры скидок устанавливаются самими бутиками, а иногда фирмой, выпускающей определенную марку. [Вокруг света, N 12, 2003].

Сегодня «от кутюр» означает прежде всего качество [АИФ, 15.04.1995].

... Мартовские коллекции «прет-а-порте», числом, кстати, 140, перенесли публику в будущую осень и зиму ... [Труд, 26.03.1999].

5) Социально-психологические причины. Большая социальная престижность иноязычного слова, по сравнению с исконным или ранее заимствованным и ассимилированным, вызывает иногда явление, которое, по выражению Л.П. Крысина [Русский язык конца XX столетия: 153], может быть названо «повышение в ранге», т.е. преклонение перед заграничным. Однако в дальнейшем значение подобных престижных слов может изменяться в связи с «демократизацией» обозначаемых ими реалий.

Так, в языке рекламы последних лет отмечены показательные факты изменения значений слов, связанные со степенью распространения

¹ В связи с отсутствием в русском языке аналогов слову сомелье, одной из причин его заимствования следует считать также потребность в наименовании этого понятия.

и «общественного положения» называемых ими реалий. В 1993 году на страницах «элитного» журнала «Домовой» появляется новое французское слово – *бутик*. В мартовском выпуске избранному кругу читателей журнала сообщалось, что «в Москве появился первый в нашей стране аутентичный французский *бутик* – салон, предлагающий покупателям платья и аксессуары, изготовленные только и исключительно в модных домах известнейших французских кутюрье». Далее пояснялось: «Соблюден и один из непреложных «бутиковских» принципов: *бутик* – это не музей, но и не магазин, отсюда и своеобразный стиль – благородный, но не парадный...», «через два года в Москве в одном и том же (новом) здании появятся *бутики* высокой моды».

Приведенные примеры свидетельствуют о попытке максимально возвысить и облагородить значение для русского языка галлицизма *бутик*, тогда как во французском языке *boutique* гораздо чаще означает «лавочку, небольшой магазин готового платья», чем «магазин от дома моделей». Но и последнее значение на родине слова не окружено таким ореолом, поскольку само сочетание «французский дом моды» для француза звучит более обыденно, чем для российского читателя.

Не столь поэтично значение слова *boutique* и в английском языке, возможное посредничество которого при заимствовании необходимо принимать во внимание. По данным Нового Большого Англо-русского словаря в 3-х томах «*boutique*» – небольшой магазин женской одежды (особенно дорогой), модная лавка; отдел универмага, особенно отдел товаров для женщин. [М., 1993, Т.1, с. 112].

Однако уже осенью 1994 года в рекламных публикациях появляется сочетание «элитный бутик» в контекстах, свидетельствующих о произошедшем расширении значения слова. Судя по ним, отныне *бутик* мог быть «элитным» и «неэлитным», последний нередко выступал в качестве синонима к слову «магазинчик»:

По количеству бутиков, открывшихся за последнее время, Москва уже легко может соперничать со многими городами Европы Сразу оговорюсь, что речь идет не об элитных бутиках... До сих пор такие супердорогие магазины обслуживали определенные слои населения [Газета «Сегодня» от 4.10.1994].

Таким образом, значение «элитный, супердорогой магазин от дома моделей» довольно быстро перестает быть единственным в смысловой структуре слова *бутик*. С ним сосуществует и нередко выдвигается на первый план значение «небольшой магазин готового платья, имеющий

специализированного зарубежного поставщика». Изменяется и стилистическая окраска слова: оставаясь достаточно престижным, оно утратило свою сословную замкнутость и доступность лишь для избранных.

Осваиваясь в русском языке слово *бутик* «обросло» и другими определениями, например, *дорогой бутик*, *престижный бутик*, *трендовый бутик*, *мультибрендовый бутик*:

Дважды в год, к концу летнего и зимнего сезонов, на улицах европейских столиц, где располагаются магазины модных марок, наблюдается необычная толчея: десятки людей вдруг неожиданно берут в осаду дорогие бутики: Гуччи, Эрме, Луи Виттон. [Вокруг света, N 12, 2003].

Но есть и привилегированная категория покупателей, которая не стоит в очередях: престижные бутики располагают списком своих клиентов. Им посылается на дом открытка с приглашением ... [Вокруг света, N 12, 2003].

Некоторые бутики, как, например, самый трендовый бутик Милана «Corso Como 10», располагают собственным дисконтным магазином... [Вокруг света, N 12, 2003].

... мультибрендовые бутики практикуют разные проценты скидок на разные марки ... [Вокруг света, N 12, 2003].

Подобный процесс постепенной «демократизации» происходил и с галлицизмом *кутюрье*, заменившим в начале 90-х годов в определенных контекстах менее престижное слово *модельер*:

В доме Ива Сен-Лорана ... произошла давно уже объявленная передача эстафеты из рук великого кутюрье смахивающему на молодого Энштейна в очках Альберу Эльбазу ... [Труд, 26.03.1999].

Соберутся не только звезды эстрады, но и респектабельные бизнесмены, элитарные кутюрье ..., словом, весь столичный бомонд ... [Вечерний клуб, 27.06.92].

Шоу-румы – это специальные комнаты, в которых после показа моделей известных и не очень кутюрье и дизайнеров проходит отбор тех образцов, которые скоро появятся в бутиках. [Вокруг света, N12, 2003].

Нередко в рекламных публикациях, при обозначении высшей степени престижности, использовалось также выражение *от кутюр*, высокая мода (от фр. *couture*) (ср.: *maison de couture* – ателье (мод), *maison de haute couture* – дом моделей). [См. Новый французско-русский словарь, М., 1994, с. 258-259]. Например:

Совсем недавно три коллекции увидела публика – авангардную «свадьбу», кожаную коллекцию и несколько вечерних платьев «от кутюр». [Вечерняя Москва, 22.06.1992].

Однако со временем слово стало появляться в разнообразных контекстах и подверглось при этом определенному «упрощению». Этот процесс наглядно иллюстрирует рекламное интервью в еженедельнике АИФ от 15.04.1995: «У нас сейчас любой молодой и никому не известный модельер заявляет, что он кутюрье и шьет «от кутюр». Объясните, пожалуйста, что же это такое и кто может считаться кутюрье?» - Отвечает искусствовед Ирэн Андреева: «Буквальный перевод французского слова «кутюрье» - портной, закройщик. Поэтому кутюрье – любой художник, который обладает хорошим вкусом и создает качественную одежду. Понятие же «от кутюр», «высокая мода», появилось в первой трети XX века. Избранные кутюрье, которые шили высокую моду, вошли в «Шамбр синдикат» (сейчас в нем 22 французских модельера). Им запрещалось заниматься массовой модой, они могли работать только с индивидуальными заказчиками ... Первым взбунтовался Пьерр Карден – в конце 50-х годов он стал заниматься одеждой для людей со средним достатком и конфекцией (массовым производством)...

Сегодня «от кутюр» прежде всего означает качество. Это не только оригинальность модели, но и тщательная обработка каждого шва, каждой петли. Сейчас объединению кутюрье, шьющих «высокую моду», начинают «наступать на пятки» художники, которые занимаются «пре-а-порте» - буквально «одеждой, готовой к носке».

Данный пример подтверждает вывод о демократизации слова кутюрье и выражения от кутюр и расширении их социальной применимости. При этом необходимо отметить, что, несмотря на достаточно высокую частотность употребления в различных текстах, выражение от кутюр может передаваться также как посредством французской графики (*Haute couture*), так и посредством перевода (*Высокая мода*), например:

На последней Неделе высокой моды в Париже на престол возвели нового короля haute couture. [Мини-Бурда, октябрь 2002];

... речь идет только о «пре-а-порте». Высокая мода осталась за Сен-Лораном ...

Но, несмотря на достаточную известность и высокую частотность употребляемости выражения от кутюр и слова бутик, процесс их адаптации в русском языке продолжается. В языке современной прессы, который первым фиксирует новые слова и значения, были выявлены примеры, свидетельствующие о расширении лексической сочетаемости выражения от кутюр и слова бутик в результате их использования в других сферах в значении «эксклюзивный, уникальный, безупречный по качеству»: «Отели от кутюр. Какие гостиницы отреставрируют и построят в ближайшее время» [АИФ, N 22, 28.05.2008]; знаменитый Дом-коммуна ... на Новинском бульваре, ... «и вовсе будет бутик-отелем» [АИФ, N 22, 28.05.2008]; «Презентация шоколада «от кутюр» прошла в московском отеле «Балчуг Кемпински». [Современный бизнес. Ресторан. N 4, апрель 2008]. Существуют также вечерний чай «от кутюр» и даже поле для гольфа «от кутюр» [Новости интернет-сайта «Turist. Ru», 1.10.2004, 31.07. 2007].

ЛИТЕРАТУРА

1. Складневская Г.Н. Состояние современного русского языка: взгляд лексикографа// Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики, т. 1, М., 1991, с. 250-264.
2. Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. М., Русский язык, 1987, 160 с.
3. Крысин Л.П.: Словарь иностранных слов// Вопросы языкознания, 1989, № 5, с. 156-160.
4. Большой Англо-русский словарь в 3 т. М., 1993, Т.1.
5. Новый французско-русский словарь, М., 1994.
6. Труд, 26.03.1999.
7. Mini Bourda, октябрь 2002.
8. Вокруг света, N3, 2004.
9. Вокруг света, N 12, 2003.
10. АИФ, 15.04.1995 ; 28.05.2008.
11. Сегодня от 4.10.1994].
12. Вечерний клуб, 27.06.1992.
13. Вечерняя Москва, 22.06.1992.
14. Современный бизнес. Ресторан. N 4, апрель 2008.
15. Новости интернет-сайта «Turist. Ru», 1.10.2004, 31.07. 2007.

* В №№ вариантов перевода представлены основные тенденции и возможные лексические замены, не возвращенные в полнотекстовое оформление, для краткости изложения.

Summary

**ABOUT EXPANDING OF FOREIGN WORDS USAGE
IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

N.A. Philatova, A.A. Philatova

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The article considers the processes of enhancing the usage of foreign language vocabulary in the modern Russian language, those that lead to the introduction of the foreign language vocabulary in various functional areas.

Key words: bustier, make-up artist, grand prize, sommelier, fashion parade, fashion designer, boutique, prêt-à-porter, haute couture.

ВЕРБАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

Филиппова И.Н.

Московский государственный областной университет

Аннотация. В статье отмечаются основные достижения и недостатки предшествующих лингвистических исследований избыточности. Представлен новый подход к избыточности. Выявлены дистинктивные признаки вербальной избыточности. Представлены различия между манифестациями и моделями избыточности, позволяющие избежать их синкретичного анализа и создать детальную классификацию. Обоснована иерархическая структура избыточности. Отмечено преимущество интерпретативного подхода к переводу избыточности. Материалом анализа служат аутентичные тексты на немецком и русском языках и их переводы.

Ключевые слова: избыточность, иерархия, классификация, интерпретативный перевод.

Раскрытие сущности того или иного лингвистического явления предполагает не только всесторонний языковой анализ, но и обращение к внелингвистическому коммуникативному контексту (социокультурологическому, когнитивному, ситуативному). При таком подходе оказывается возможным выявить сигнификативные свойства и дистинктивные признаки анализируемого объекта, определить его природу и функциональную направленность.

Теоретической базой настоящего анализа служат фундаментальные положения об интерпретативной природе перевода, представленные в трудах М.М. Бахтина, Т.И. Бодровой-Гоженмос, Л. Виссон, Э.-А. Гута, М. Ледерер, З.Д. Львовской, Р.К. Миньяра-Белоручева, Г.Э. Мирама, Ю. Найды, Л.Л. Нелюбина, Д. Селескович, и некоторые идеи о стратегиях перевода, нашедшие отражения в работах В.М. Илюхина, А.Д. Швейцера, Б. Хорн-Хельф, Х.-П. Крингса, М. Снелл-Хорнби, Р. Штольце, В. Виллса. Методологически исследование опирается на комплексный подход, включающий метод лингвистического описания, сопоставительно-типологический метод и метод моделирования. Эмпирическую основу составляют наблюдения автора, полученные в ходе проводимого в течение 5 лет исследования избыточности, в лингводидактической практике перевода. Фактическим материалом настоящего обзора служат аутентичные тексты на немецком и русском языках (в одноязычной ситуации) и их переводы (в двуязычной ситуации), содержащие языковые факты вербальной избыточности, экстрагированные из произведений художественной и научно-технической литературы, материалов сайта www.dw-world.de.

Исследования вербальной избыточности, несмотря на продолжительную историю и значительные успехи, оставляют широкий простор для разногласий и почву для дальнейшего анализа. Это положение вызвано несколькими факторами. С одной стороны, влияние оказывают принципиально различные главные цели и конкретные задачи исследования, разноструктурный фактический материал, методы анализа, различные философские и методические основания предпринимаемого изыскания. Таким образом создается широкая палитра подходов и, соответственно, существенная разница понимания избыточности. С другой стороны, значительно осложняет решение проблем субстанциональная сложность феномена избыточности.

Полифония мнений вокруг феномена избыточности открывается с первых шагов, с самой постановки проблемы, с вопроса о ее сущности. Вербальная избыточность понимается как универсальное средство любого естественного языка, связанное с возможностью передачи данной мысли меньшим числом звуков или букв, чем это осуществляется обычно [Жданова Г.С. и др. 1971, с.136], или как умножение способов передачи информации, "своего рода "расточительность" в интересах адресата сообщения" [Грудева Е.В. 2008 – <http://www.dissercat.com>]. При этом тенденция к избыточности сообщения может реализовываться в кратном кодировании, дублировании некоторых фрагментов информации, в чрезмерности языковых средств для передачи данной мысли и т.п. [Ахманова О.С. 2004, с.167; Жданова Г.С. и др. 1971, с.138; Иванов Л.: <http://www.krugosvet.ru/articles>, Нелюбин Л.Л. 1983, с.14-15, 2003, с.58-59, 154-155] или выражаться как элементарное по-

вторение сегментов информации [Нелюбин Л.Л. 2007, с. 70], как повтор некоторых квантов информации [Грудева Е.В. 2008 – <http://www.dissercat.com>].

Думается, решение вопроса о дефиниции избыточности возможно в рамках межсистемного подхода, объединяющего вербальную избыточность (в вербальной коммуникации) и семиотическую (в иных системах коммуникации: искусство и информационно-телекоммуникационные технологии). Такой подход позволяет синтезировать следующее комплексное понимание: избыточность – кратность сегментов действительности (отраженной в сознании коммуникантов), одномерных (=идентичных) или однотипных (=принадлежащих к одной сущности), реализуемых в различном объеме, обязательно или факультативно, обеспечивающая коммуникацию в нормативных или ненормативных условиях.

Ретроспектива исследований избыточности обнаруживает достижения в изучении этого феномена с различных точек зрения. Наиболее значимые результаты представлены в области анализа отношения избыточности к языковой норме (О.С. Ахманова, Е.В. Грудева, Л. Иванов, Л.Л. Нелюбин, Г.С. Жданова и др.). Широкое освещение получили лингвостатистическое определение избыточности некоторых национальных языков и энтропия языкового кода [Ж. Дюбуа и др. 1986; Л.Л. Нелюбин 1983, 2007; Р.Г. Пиотровский 1999; А.М. Яглом 1973]. Фрагментарно представлены описания детерминант и свойств избыточности [О.С. Ахманова 2004; А. Геллен <http://www.krugosvet.ru/articles>; Е.В. Грудева 2008; Л. Иванов <http://www.krugosvet.ru/articles>; В.М. Илюхин 2001; Л.Л. Нелюбин 1983, 2003, 2007]. Анализ избыточности проводится на разнородном стилистическом материале: от информационного сообщения до поэтических текстов [Ж. Дюбуа и др. 1986; Грудева Е.В. 2008]. Исследование форм и функций избыточности охватывает широкий спектр языков: русский, английский, французский, немецкий, польский, чешский, болгарский, армянский, греческий, латинский, готский и др. Обширный эмпирический материал накоплен в работах, посвященных “художественной множественности”. Однако от внимания исследователей при этом ускользает сам феномен избыточности, т.к. в фокусе находятся проблемы адекватности передачи оригинального текста в переводе. Нерешенными остаются вопросы о статусе избыточности и о стратегии ее передачи в переводе. Разработка детальной классификации избыточности с позиций универсалии также ждет своего решения.

Полно раскрыть сущность избыточности, создать панхронимическую классификацию ее манифестаций и разработать стратегию ее передачи в переводе (в целях оптимизации межъязыковой и межкультурной коммуникации) препятствуют не только односторонняя направленность проводившихся ранее исследований, но и сложность феномена избыточности. Среди онтологических свойств избыточности, обременяющих ее анализ, следует особо отметить дистинктивные признаки вербальной избыточности (дифференцирующие ее от семиотической). Наибольшие затруднения в классификации и типологизации детерминирует синкретичность ее манифестаций: Der Duden steht heute wohl im Bücherregal jeder Familie [Kurz und bündig, 1988, S.31]. Избыточность нерелевантной информации о местонахождении словаря Дудена представлена в сочетании steht im Bücherregal одновременно с избыточностью указания на род и падеж подлежащего Der Duden (с одной стороны) и дополнения im Bücherregal (с другой стороны) и избыточностью указания на долготу гласного в условно закрытом слове steht. Кумулятивный характер проявляется в тесном взаимодействии форм избыточности в речевом континууме, создающее комплекс взаимозависимых и взаимообусловленных элементов текста и текстов в сверхтекстовом коммуникативном пространстве. TRIPOLIS: Angesichts der gefährlichen Lage in Libyen haben zahlreiche Staaten ihre Anstrengungen verstärkt, eigene Staatsbürger aus dem nordafrikanischen Land herauszuholen. Nach Angaben des Auswärtigen Amtes in Berlin soll eine weitere Lufthansa-Maschine Ausreisewillige in Tripolis abholen. Auch der erneute Einsatz von zwei Bundeswehrflugzeugen sei geplant. Die Türkei holte in einer ersten Aktion rund 3000 ihrer Staatsbürger mit zwei Fähren aus der libyschen Stadt Bengasi ab. US-Bürger werden nach Angaben der Regierung in Washington zunächst nach Malta gebracht. Tausende Arbeiter aus Indien, China und anderen asiatischen Staaten sollen auf dem Landweg, per Schiff oder mit Flugzeugen aus Libyen evakuiert werden [Langsam gesprochene Nachrichten – <http://www.dw-world.de/dw/article/>]. На уровне текста здесь вычленяются сопряженные формы избыточности: кратность места событий Libyen ~ das nordafrikanische Land и кратность указания на процесс herausholen ~ abholen ~ bringen ~ evakuieren. Анализ фактического материала позволяет обнаружить поливариантность форм избыточности, детерминированных субстанционально и ситуативно, а также большой семантический потенциал (кратность сегментов или полного объема информации, од-

нотипность или одномерность сегментов, обязательность или факультативность повторяемости) и большой прагматический запас (обеспечение коммуникации и гарантия ее качественно-количественных характеристик в нормативных и ненормативных условиях) [Филиппова И.Н. 2008].

Исследовательская проблема всегда имеет непосредственную связь с построением типологии, классификации, таксономии изучаемого объекта. При этом различные цели типологизации, а также различные основания, положенные в основу структурирования объекта, приводят к различным результатам. Думается, выход из сложившейся практики синкретичного рассмотрения различных форм манифестации избыточности, ее конститuentов и функций возможен в рамках принципиально нового подхода к этому лингвистическому феномену, который предлагается в настоящей статье.

Новизна авторского подхода к избыточности заключена в понимании ее кумулятивного характера и иерархической организации, что позволяет дифференцировать манифестации избыточности, ее конститuentы и модели и описать иерархическое строение избыточности. Под манифестацией понимается конкретный языковой факт избыточности, актуализированный в речи или пассивный, заложенный в системе языка. Модель в настоящей работе мыслится как эксплицированный унифицированный имитатив актуализируемых и потенциальных манифестаций. Конститuentами называются средства формального выражения избыточности.

Иерархическая организация избыточности представлена трехъярусной структурой, описывающей уровни обобщения моделей избыточности, экстрагированные из комплексного обзора манифестаций подробно представленных в предпринятой автором попытке классификации. В соответствии с дистинктивными свойствами не взаимоисключающие основания классификации составляют следующие признаки избыточности: (1) обусловленность языковыми или внеязыковыми факторами; (2) языковая манифестация, в соответствии с иерархией языка и дискурсом; (3) взаимодействие с системой и нормой языка; (4) коммуникативная облигаторность; (5) коммуникативный эффект; (6) реализация; (7) детерминированность языковой ситуацией. На этой основе построена открытая суммативная таксономия (на базе немецкого и русского языков), которая представлена многоуровневой стратификацией с 4 уровнями детализации и позволяет точно дифференцировать языковые факты избыточности,

вычлняя 32 различные формы [Филиппова И.Н. 2011].

Уровни иерархии сопряжено реализуются в лингвистическом коммуникативном пространстве двумя векторами: совокупно – в виде потенциальной базы (языка как системы и банка созданных ранее коммуникативных произведений), – и кумулятивно в речи (в конкретной коммуникативной ситуации). Генерализация уровней избыточности отражает иерархическую структуру этого феномена. Такой подход позволяет осуществить дифференциацию манифестаций избыточности и ее конститuentов одновременно с синтезом ее моделей и способствует оптимизации риторической практики, особенно в условиях двуязычной коммуникации, опосредованной переводом.

Проблема адекватного перевода избыточности в двуязычной коммуникации не нашла полного решения в литературе. В авторском исследовании определение стратегии, генерирование вариантов перевода, оценка их успешности и выбор оптимального варианта базируется на идее о трансцендентальном характере перевода и интерпретативном подходе. “Множество переменных величин, влияющих на результат перевода, а также широкие возможности перефразирования (контекстуальная синонимия) определяют неединичность переводческого решения” [Нелюбин Л.Л. 2003: 172]. Парадигма переводческих решений содержит несколько вариантов ПТ, различающихся по степени успешности: *Der Duden steht heute wohl im Bücherregal jeder Familie* [Kurz und bündig 1988: 31]. 1-64*. ‘Словарь Дудена теперь (сейчас, в наше время, в наши дни) лежит (стоит, находится, имеется и т.п.) на книжной полке, пожалуй (наверное, видимо, очевидно) в каждой семье’. 65-81. ‘Словарь Дудена есть теперь, пожалуй, в каждой семье’. 82-98. ‘Теперь, пожалуй, в каждой семье есть словарь Дудена’. 99-115 ‘Теперь, пожалуй, нет такой семьи, где не было бы словаря Дудена’. 116-120. ‘Пожалуй, нет такой семьи, где не было бы словаря Дудена’ (и т.д.). Трансформационная модель перевода (примеры 1-98) не исчерпывает множества возможных вариантов, возникающих при интерпретативном языковом посредничестве, допускающем большую свободу выражения смысла, заложенную в ИТ и подлежащую передаче в ПТ (также примеры 99-120). Постпереводческий анализ отвергает среди выявленных членов парадигмы переводческих решений субститутивные трансформации, что служит основанием для предположения о том, что имманентные [Ахманова О.С. 2004: 233, 361] варианты перевода затмевают

инвариант, предопределяя комплексный интерпретативно-эвристический перевод, основанный на учете принципа релевантности информации, пропозиций автора и прогнозе когнитивного уровня адресата.

В заключении следует подчеркнуть, что предшествовавшие исследования избыточности в одноязычии и двуязычии отметили некоторые ее принципиально значимые свойства и указали на эндоморфизм ее форм в двуязычии, но не

дали ответов на все вопросы, связанные с сущностью, функциями и переводом этого феномена. Предлагаемые автором межсистемный анализ, иерархическое понимание и интерпретативный переводческий подход позволяют выявить ее сигнификативные и дистинктивные свойства, сложную многоярусную и многоаспектную структуру феномена вербальной избыточности и определить возможность стратегии ее адекватного перевода в условиях двуязычия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Бодрова-Гоженмос, Т.И. Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия и дефиниции [Текст] / Т.И. Бодрова-Гоженмос // Социокультурные проблемы перевода. – 2006. – Вып. 7, ч. 1. – с. 42-51.
4. Бодрова-Гоженмос, Т.И. Концепция М.М. Бахтина и интерпретативная теория перевода [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://student.km.ru/ref_show_frame.asp?id=B2898CF640D848E7A41EEF200CE72871 (дата обращения 20.01.2012)
5. Виссон, Л. Синхронный перевод с русского на английский [Текст] / Л. Виссон. – М.: Р. Валент, 1999. – 243 с.
6. Грудева, Е.В. Избыточность текста, редукция и эллипсис [Текст]: дис. док. филол. наук / Грудева Елена Валерьевна. – СПб, 2008. – 473 с.
7. Геллен, А. Философия избыточности? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/108/1010845/1010845a1.htm> (дата обращения 25.10.07)
8. Дюбуа, Ж. Общая риторика [Текст] / Ж. Дюбуа [и др.]. – Перевод с французского. Изд. 2. – М.: URSS, 2006. – 360 с.
9. Жданова, Г.С. Словарь терминов по информатике на русском и английском языках [Текст] / Г.С. Жданова [и др.] // Под редакцией доктора техн. наук, проф. А.И. Михайлова. – М.: Наука, 1971. – 359 с.
10. Иванов, Л. Плеоназм [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/85/1008591/1008591a1.htm> (дата обращения 25.10.2008)
11. Илюхин, В.М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинации переводов) [Текст]: дис. канд. филол. наук / Илюхин Владимир Михайлович. – М., 2001. – 197 с.
12. Львовская, З.Д. Теоретические проблемы перевода [Текст] / З.Д. Львовская. – М.: Наука, 1985. – 214 с.
13. Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
14. Мирам, Г. Э. Профессия: переводчик [Текст]: учеб. пособ. / Г.Э. Мирам. – Киев: Ни-ка-Центр, 1999. – 156 с.
15. Найда, Ю. К науке переводить [Текст] / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 114-137.
16. Нелюбин, Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект) [Текст]: учебник. Английский язык. Изд. 2-е / Л.Л. Нелюбин. – М., 2007. – 201 с.
17. Нелюбин, Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: Выс. школа, 1983. – 207 с.
18. Нелюбин, Л.Л. Переводоведческая лингводидактика [Текст]: учеб.-метод. пособие / Л.Л. Нелюбин, Е.Г. Князева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 320 с.
19. Нелюбин, Л.Л. Сравнительная типология английского и русского языков. Учебник [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 183 с.
20. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
21. Пиотровский, Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка [Текст] / Р.Г. Пиотровский. – Л.: Наука, 1979. – 111 с.
22. Филиппова, И.Н. Классификация вербальной избыточности [Текст] / И.Н. Филиппова // Вестник МГОУ. Серия "Лингвистика". 2011. № 1. – С. 150-155.
23. Филиппова, И.Н. Универсальное и уникальное в избыточности [Текст] / И.Н. Филиппова // Вестник МГОУ. Серия "Лингвистика". 2008. № 1. – С. 130-138.
24. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты [Текст] / А.Д. Швейцер. – М., 1988. – 215 с.

25. Яглом, А.М. Вероятность и информация [Текст] / А.М. Яглом, И.М. Яглом. – Изд. 3-е, перераб. и дополн. – М.: Наука, 1973. – 512 с.
26. Gutt, E.-A. Translation and Relevance. Cognition and Context [Text] / E.-A. Gutt. – Oxford, 1991.
27. Horn-Helf, B. Technisches Übersetzen in Theorie und Praxis [Text] / B. Horn-Helf. – Tübingen, 1999.
28. Krings, H.-P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht [Text]: Eine empirische Studie zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern / H.-P. Krings. – Tübingen. 1986.
29. Krings, H.-P. Blick in die black box [Text]: Eine Fallstudie zum Übersetzungsprozeß bei Berufsübersetzern / H.-P. Krings // Textlinguistik und Fachsprache. – Hildesheim. 1988.
30. Kurz und bündig. Deutschlandsbild [Text]. – Leipzig: Bibliographisches Institut Leipzig. – 1988. – 144 S.
31. Snell-Hornby, M. et. al. Handbuch Translation [Text] / M. Snell-Hornby. – Tübingen, 1998.
32. Stolze, R. Übersetzungstheorien. Eine Einführung [Text] / R. Stolze. – Tübingen, 1997.
33. Tripolis // Langsam gesprochene Nachrichten. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14861919,00.html> (23.02.2011)
34. Wills, W. Kognition und Übersetzen [Text]: Zu Theorie und Praxis der menschlichen und maschinellen Übersetzung / W. Wills. – Tübingen, 1988.

Summary

VERBAL REDUNDANCY: RETROSPECTIVE REVIEW AND PERSPECTIVE VIEW

I. Filippova

Moscow State Regional University

Abstract. There are marked in the article main progresses and defects of last investigations of the redundancy. The paper investigates the new approach to the redundancy. There are also pointed out distinctive features of verbal redundancy. Forms and patterns of redundancy are differed and allow refraining from syncretic approach to the redundancy and develop the detailed classification of the redundancy. There is also based hierarchy of redundancy and marked out preference of interpretative translation of redundancy. The analysis is based on authentic texts in German and Russian, as well as their translation texts.

Key words: redundancy, hierarchy, classification, interpretative translation.

МИФОЛОГИЯ ИСТОРИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л.М. ЛЕОНОВА (1941-1945)

Щелокова Л.И.

Московский городской педагогический университет

Аннотация. В статье рассматривается публицистика Л.М. Леонова в аспекте духовной традиции. Основное внимание уделено историческим экскурсам, в которых история Отечества задает направление духовного роста для бойца 1941-1945 гг.

Ключевые слова: Л.М. Леонов, публицистика, сакральное, литература о Великой Отечественной войне, русская литература XX века.

К изучению прозы Л.М. Леонова обращались не одно поколение исследователей. Однако публицистика писателя указанного периода в последние десятилетия еще не получила полного освещения в контексте духовной традиции.

В его статьях история Отечества образует священный духовный исток, из которого может почерпнуть внутреннюю силу солдат сороковых годов. Путешествие в глубь веков олицетворяет движение к *сакральному центру страны*. Через яркие страницы истории – этапы становления государства происходит своего рода *духовное воссоединение* с далекими предками. Их деяния во славу Отечества не только примеры для современников, но и *духовная опора* в настоящем испытании народа. Интимную доверительность беседе с читателем придает обращение «ты» в статье «Слава России» (10 июля 1943). Жизнь страны преисполнена испытаниями: «Вот опять матерый враг России пробует силу и крепость твою, русский человек. Он пристально ищет твое сердце поверх мушки своей винтовки <...>. Неутолимую бессонную ненависть читаешь ты в его прищуренном глазу. Это и есть тот, убить которого повелела тебе родина. Не горячись, бей с холодком: холодная ярость метче. Закрой навеки тусклое, похабное око зверя!» [4, с.123]. Такой зачин настраивает читателя на *неотвратимость духовного испытания*, выпавшего на его долю. Неслучайно заходит речь о сердце нынешнего воина, хранящего генетическую память о пройденных испытаниях предков. Демонстративная контрастность высокого/низкого (*око/похабное*) относит нас к древней эпике и обусловлена, вероятно, архетипическим сознанием: зверь (враг), оскверняющий родную землю, должен быть повержен. Эмоционально-сниженные эпитеты *поганный, похабное* оправданы. Эпитет *поганный* в ха-

рактеристике неприятеля традиционен, негативная коннотация обусловлена древним обычаем воспринимать врага как *нечистого*, не только в физическом плане, но и в нравственном, визуальном и душевно, эмоционально *отвратительного*, и в то же время приверженца другой религии – *язычества*. Высокая лексика настраивает и на проникновенное отношение к заявленной теме.

Л.М. Леонов в условном смысле *приобщает* соотечественника к исторической памяти Отечества. «Ты не один в этой огненной буре, русский человек. С вершин истории смотрят на тебя песенный наш Ермак, и мудрый Минин, и русский лев Александр Суворов, и славный, Пушкиным воспетый мастеровой Петр Первый, и Пересвет с Ослябей, что первыми пали в Куликовом бою. В трудную минутку спроси у них, этих строгих русских людей, что по крохам собирали нашу державу, и они подскажут тебе, как поступать, даже оставшись в одиночку среди вражьего множества. С каким мужеством они служили ей!..» [4, с.123]. Перечисление имен исторических личностей подчеркивает священную роль воина, дающего отпор захватчикам, отстаивающего независимость государства. Известные люди прошлого становятся *совестью народа, критерием нравственности*. Рассказ об их заслугах превращается в составление *этического завещания* потомкам. Они «<...> кланялись в пояс родимой <земле>, и был им слаще меду горький, полынный прах ее дорог. И пригоршню родной землицы, зашитую в ладанку, уносили на чужбину, как благословенье матери, на груди. <...> И чистые рубахи надевали перед смертным подвигом, идя на воинскую страду, как на светлый праздник. Тем и была крепка, тем и стояла Русская земля» [4, с.123].

Структура статьи отображает движение от внутренней составляющей *сакрального стержня*

– к внешнему облику страны – географическому. Священное прошлое проецируется и на окружающий мир, способствуя сакрализации родной природы. «Взгляни на карту мира, русский человек, и порадуйся всемирной славе России. Необозрима твоя страна. Самое солнце долго, как странник, бредет от ее края до края, и любую из рек ее можно опоясать иную кичливую европейскую державу» [4, с.124]. Космическая точка обзора, приближаясь к земле, детализирует ее природное богатство: «Гляди: спелые нивы шумят и лоснятся под ветром, серебро драгоценной рыбы плещется в реках, несчитанное золото и уголь томятся в ее недрах <...>» [4, с.124]. Славу России составляет не только ее природа, но и люди. «Не пустовала и людьми Русская земля. От века изобильна была героями и гениями Россия. Нет ни одной области в знании, или в искусстве <...>, куда бы не принес народ русский своих, литого золота, даров» [4, с. 124]. В торжественном воспевании Родины ощущается гимновое начало, состоящее не только в высоком лексическом строе (славянизмы, восклицания, эпическая интонация, «высокие» эпитеты), но и в «памяти жанра», статью можно отнести к древнему жанру «Слова». Патетическое описание окружающей природы, птиц и животных способствует проявлению монументального стиля (термин *стиль исторического монументализма* использует Д.С. Лихачев) [5].

Писатель листает страницы героической летописи страны, мотивируя поведение предка, отправлявшегося на бранный поединок, усвоенной нормой. «Предок твой, русский человек, идя в подвиг ратный, крепко понимал, что одному из двух, ему или недругу, лежать мертвым в чистом поле» [4, с. 125]. Строй древнерусской речи, эпическая интонация передают атмосферу давнего времени, психологию пращура, формируя единое духовное пространство с настоящим. Уникальность и самобытность русского языка писатель наделяет изысканным эпитетом: «самородный жемчуг русской речи» [4, с.125].

Боевая слава предшественников утверждает персональную ответственность гражданина, чему способствует и прямое обращение к читателю. «А пока – оглянись, русский человек, на древние гордые кремни твоих городов, на детей наших, взирающих на тебя с надеждой, на молчаливые тени предков твоих, на каждый полевой цветок, еще не оскверненный мертвым дыханием вражеских машин. И пусть львиный гнев родится в твоём богатырском сердце» [4, с. 125]. Это напутствие-наказ от имени предков. Финал статьи – призыв к русскому человеку подняться во весь рост – образуют се-

мантическое кольцо с началом статьи. «Подымись во весь свой рост, гордый русский человек, и пусть содрогнутся в мире все, кому ненавистна русская речь и нетленная слава России!» [4, с. 125].

В минуты военной опасности облик столицы мифологизируется в одной из статей «Наша Москва» (25 ноября 1941). Она начинается с емкого *зачина*: «Русская зима вступает в свои права» [4, с. 83]. Упоминание времени года прочитывается на нескольких уровнях: первый – календарный, второй – метафорический, воспринимающий *приход зимы* как мифологическую гибель всего живого и связанный с ней длительный сон. «Ровный чистый снег ложится на поля... но чужим поганым следом затоптаны нынче дороги к милой столице» [4, с. 83]. Заданная оппозиция *мирного/милого* и *военного/враждебного* не просто исходная точка, категорично утверждающая недопустимость иного поворота событий, но и способ придания сокровенного смысла теме защиты Отечества. Она служит своеобразной экспозицией дальнейшего рассказа о славе земли Русской и пронизывает все статьи писателя. Если в первой статье антитеза *свое/чужое* касается внешних границ, в непреодолимости которых для врага автор заверяет весь народ, то в последующих – она углубляется, наполняясь духовным смыслом. *Свое* пространство характеризуется как *милое, умное, живое* и др., *чужое – поганое, свирепое* и др.

Писатель обращается к общенародной этике, связанной с мифологическим образом врага: «Народ сравнивает гитлеровское чудовище с лесным зверем, которого рогатиной встречали русские богатыри» [4, с. 84]. Отсылка к былинному времени, к эпохе борьбы с *лесным зверем* вызывает в памяти народа представление о чудовище – пришельце с того света. Через лес пролегал путь в мир мертвых, поэтому сохранено природное стремление уничтожить *Зверя*, рвущегося к Москве – священному центру страны.

Сложный семантический аккорд предвосхищает разговор о смертельной опасности Москве – центру русского мироздания. «Москва – громадная летопись, в которой уместилась вся история народа русского. Здесь созревало наше *национальное самосознание*» (курсив мой. – Л.Щ.) [4, с. 83]. Столица – сокровенный центр родного пространства, все исторические нити ведут к ней, она – центр мироздания, начало начал. Акцент на *национальном самосознании* неслучаен, так как все статьи нацелены на иллюстрацию его формирования.

Грандиозная битва двух народов предстает как одиночный поединок России, спасающей че-

ловечество: «Один на один бьемся мы с бедой, грозящей всему свету» [4, с. 83]. Способность отстоять свободу страна получила благодаря своему прошлому, воссоздаваемому через образный строй: Москва – «древний мировой город», «родина полна решимости защищать» [4, с. 83] ее. Неслучаен мотив *летописи*, улицы города уподобляются страницам книги: «Здесь каждая улица хранит воспоминанья о замечательных людях, прославивших землю Русскую» [4, с. 83]. Прием условного *дробления*, переход от обобщенной картины к частной, образует масштаб развития страны и наполняет его духовным смыслом. Город олицетворяет страну, потому что она «очами сердца видит утренние московские улицы» [4, с. 83]. Высокий лексический строй настраивает читателя на проникновенное отношение к заявленной теме.

Москва обретает сакральное значение, становясь частичкой сердца человека. «Есть в каждом человеческом сердце какая-то детская страничка, где пишется самое дорогое: даты, имена и воспоминания. Они, как душа, сопровождают нас до конца нашего пути на земле. Для русского человека это прежде всего Москва и Ленинград, город-мать и город-сын; сюда включены тысячи самых разнородных философских и политических понятий» [4, с. 86-87]. Сравнение с *детской страничкой* превращает обе столицы страны в заповедно-сокровенные символы. Если Москва предстает *летописью*, то Ленинград назван *толстой каменной книгой* России [4, с. 87]. «И каждая песчинка из ленинградской мостовой дорога нам как родительское благословение на жизнь и подвиг» [4, с. 87]. Образованы два полюса (*дети* и *родители*), содействующие сакрализации двух городов.

Победа в войне основана на твердой вере народа в свою «историческую судьбу» [4, с. 84]. Неслучайно писатель использует фрагмент о схватке русских богатырей с лесным зверем, прогнозируя исход настоящей битвы риторическим вопросом: «В эту решительную минуту – выдержит ли, выдюжит ли русская рука?» [4, с. 84]. Однако сомнениям не остается места: «Выдержит, выдюжит, товарищи!» [4, с. 84]. **На наш взгляд, примечательна** переключка с речью предков, глагол *дюжить* подразумевает не только *выдерживать*, но и *выносить, терпеть*, рассчитанный не на однократное действие, а на длительную в данном случае оборону.

Финалом статьи выступает жизнеутверждающая панорамная картина будущего, где настоящее испытание народа выглядит лишь этапом

Большой истории. «Пройдут годы. Как мрачный сон планеты, схлынет в небытие гитлеровский эпизод. Новые весны обольют своим цветом пожатые, подавленные танками наши сады» [4, с. 84]. Русская земля поглотит и уравнивает врагов прошлого и нынешнего, доказывая тщетность их посягательств на нее. Однако беспамятство русскому народу не угрожает, поэтому писатель уверяет: «Черным словом вспомнят люди этих дикарей, возомнивших себя владыками мира, и с благодарностью произнесут имена славных защитников Москвы, которая жила, боролась, трудилась – и не была сдана» [4, с. 84].

Портрет героя, способного сберечь и защитить родину, автор рисует в очерке «Твой брат Володя Куриленко» (октябрь 1942). Л.М. Леонов соотносит современную ситуацию с личной сферой читателя. Начало знаменательно древнерусским зачином: «Набатный колокол бьет на Руси. Свириное лихо ползет по родной стране. Безмолвная пустыня остается позади него. Там кружит ворон да скулит ветер, пропахший горечью пожара <...>» [4, с. 90]. Значимые символы: не только «набатный колокол», звучащий в момент опасности, собирающий и ободряющий на справедливую битву, но и «свириное лихо», оставляющее позади безмолвную пустыню (бездуховное пространство). Прошлое страны передано не только в образах, но и на символическом уровне: использование старославянизмов, восклицательная интонация придает высокий эмоциональный настрой. Летописное начало сообщает достоверность происходящему: «И вместе с тобой вся страна узнает о событиях дня, с грохотом отошедшего в историю. Еще один день, еще одна ночь беспримерной схватки с врагом миновала <...>» [4, с. 90]. **Старославянизмы и восклицательная интонация** способствуют воссоединению с героическим прошлым страны, создавая необходимый эмоциональный настрой: «С благоговейной нежностью ты читаешь про людей, которые вчера сложили свои жизни к *приножью* великой матери. Кажется, самые тени великих предков наших обнажают головы и склоняют свои *святые* знамена пред ними. Какой могучий призыв к подвигу, мужеству и *мценью* заключен в громовом шелесте газетного листа!» (курсив мой. – Л.Щ.), [4, с. 90].

Вполне закономерным воспринимается на этом фоне «слово героя», звучащее тихо и строго, «как молитва», древний жанр соотнесен с идеей жертвенности: «За свободу, честь и достояние твое ... в любое мгновение возьми меня, родина. Все мое – последний жар дыхания, и пламя мысли, и биение сердца – тебе одной!» [4, с. 90].

Автор проводит мысль о преемственности героического. «Многие из них уже отошли навеки к немеркнущим вершинам славы – воины, девушки и дети, женщины и старцы, принявшие на себя благородное звание воина. Нет, не устыдятся своих внуков суровые и непреклонные пращурьы наши, оборонившие родную землю в годы былых лихолетий. Никогда не поредеет это племя богатырей, потому что самый слух о герое родит героев <...>» [4, с. 90]. Пращурьы персонифицируют сакральное начало родного государства и проецируют героический тип поведения современника – читателя, потенциального героя.

Эпитеты и образы говорят о близости народному строю речи. Старославянизмы сообщают возвышенный тон и воссоздают атмосферу Древней Руси. Автор преумножает впечатление народной беды упоминанием исторического сражения прошлой Отечественной войны, вписывая современную трагедию в исторический ряд испытаний народа. «Второй год от моря до моря, не смолкая ни на минуту, гремит стократно Бородино Отечественной войны» [4, с. 90].

История смыкается с документальной основой очерка. Перечислены широко известные подвиги, уже внесенные в героическую летопись страны. «Вот юноша-красноармеец заслоняет собой амбразуру пулеметного гнезда, чтоб преградить дорогу смерти и обезопасить идущих в бой товарищей. Вот сапер, когда разбило осколком его миноискатель, голыми руками, на ощупь, и в сыпучих сугробах по пояс, расчищает перед штурмом минированное поле <...>. Грозен и прекрасен летчик Гастелло, который крылатым телом своим, как кинжалом, ударил в гущу вражеской колонны. Легендой прозвучал подвиг двадцати восьми братьев, которых сроднила смерть на подмосковном шоссе. Бессмертен образ комсомолки Зои, которую мы впервые увидели на белом снегу газетной страницы в траурной рамке» [4, с. 91].

Протокольная запись свершенных подвигов обусловлена чрезвычайной важностью – народной памятью, названной «громадной книгой, где записано все», в том числе и сохранена память о сакральном акте мщения: «Есть у нас кому мстить, завоеватели!» [4, с. 92]. Призыв запомнить погибших героев, считая их своими родными братьями и сестрами, возрождает единство народа и героическую преемственность. «Запомни навсегда эту гордую, по-орлиному склоненную к земле голову Гастелло, и хмурые, опаленные пламенем неравного боя лица двадцати восьми, и строгий профиль Зои, и честный, простой, как небо родины, взор партизана Володи Куриленко»

[4, с. 92]. Биография юноши сознательно подана в будничном свете, в отличие от героев прошлого, патетическое описание которых образует высоту *духовного достояния* народа (И.А. Ильин) [2]. Семнадцатилетний Володя жил, скромно выполняя свою работу. Теперь он предстает подлинным народным мстителем, что видно из приведенной стенограммы «народной войны», где фиксировались все боевые действия партизан по уничтожению противника. Автор знакомит читателя с героем, сравнивая юношу с «великолепным Даниилом, о котором с предельной и сердечной ясностью сообщил летописец: “...был он молод, и не было на нем порока с головы до пят”» [4, с. 92]. Параллель участника битвы при Калке и воина Великой Отечественной образует аксиологическую переключку времен.

Деятельность Володи – это учебный процесс для начинающего бойца, где он играет роль организатора боевых действий и наставника. Описание жизни на оккупированных территориях дано через значимые для Л.М. Леонова символы *света* и *тьмы*. «Дню всегда предшествует ночь» [4, с. 96]. Неизбежность их смены проецируется и на ход военных событий. Биография героя – тема *мужания* юноши: «Зрелость входит в его трудную и чреватую опасностями юность» [4, с. 97]. Идеализация персонажа придает ему черты фантастического существа: «Ему хватает времени на все, точно он сторукий» [4, с. 97].

Зачин статьи, задающий трагедийный тон всему повествованию, и финал-призыв к потомкам: «На великой и страшной тризне по нашим павшим братьям мы еще вспомним, вспомним, вспомним тебя, Володя Куриленко!» [4, с. 102] с трехкратным сакральным повтором *помнить* героя, образуют эмоционально-смысловое кольцо.

От портретов индивидуальных воинов писатель переходит к *величавой славе* Красной Армии в одноименной статье (24 февраля 1944) раскрывается ее роль как защитницы народов мира, достойной вечной славы, воплощенной в жанре условной *хвалебной оды*. Мотивы *унижения, плача* и *отчаяния* зачина статьи определяют семантическую оппозицию для героического портрета Армии. «Европа, растоптанная и поруганная фашизмом, думает о своей судьбе <...>, в слезах отчаяния она обращает глаза к востоку, к Красной Армии», которая «<...> в полную силу бьется с мрачным и подлым злодейством» [4, с. 147]. Метафорический язык способствует выделению богатырских черт нашего бойца: «<...> все нынче в могучей руке твоей, советский воин: смех детей и мудрые дары наук, цветенье садов и блистатель-

ные свершения искусств» [4, с. 147]. Настоящее время убедительно доказывает заслуги Армии, поэтому формулируется понятие *Величавой Славы*: «Слава твоя величавей славы знаменитейших людей прошлых веков. Ибо величие состоит не только в том, чтоб создать сокровище, но и в том, чтоб грудью отстоять его в беде, не выдать его на потеху дикарю» [4, с. 147]. Подчеркивается мысль о созидательном духовном потенциале, позволяющем проявить оборонительную функцию. Духовная основа создавалась богатой героической историей. «Множество великих имен мы подарили миру» [4, с. 147], среди которых «<...> мечтатели и подвижники, люди глубочайшего социального прозренья, планировщики вселенной, разгадчики материи, строители и поэты» [4, с. 147].

Акцент на создании *духовных ценностей*, которые писатель называет *полновесным зерном*, способным дать всходы для будущего урожая, – это сакральная основа жизни, защитить которую может «Армия наша – воин с обнаженным мечом

у источника жизни» [4, с. 148]. Таким образом, современный воин приравнен к *величию прошлого*. Формирование духа защитника, по мысли писателя, происходит следующим образом: «У всякого народа есть дорогие имена прозорливых вождей и песенных героев. В них он вкладывает простое и мудрое содержание, не требующее толкований, наделяет их страстной и суровой нежностью и всеми совершенствованиями, накопленными в веках» [4, с. 148]. *Дорогие имена* составляют ценностный уровень, образующий высоту *духовных достижений* (И.А. Ильин) [2] народа, ориентируясь на нее, воспитывается новое достойное поколение. «Когда беда ломится в ворота нации, ее дети объединяются вокруг этих имен, орлята во множестве нарождаются в народной гуще, и стаи их обрушиваются на врага» [4, с. 148]. В данном случае, история страны, слава ее героев былых времен составляет тот неизменный и прочный уровень духовных достижений, который определяет поведение потомков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахитова Т.М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова (структура, поэтика, эволюция) / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – СПб.: Наука, 2007.
2. Ильин И.А. Духовный смысл войны // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин; сост., предисловие и комментарий Ю.Т. Лисицы - М.: Айрис-пресс, 2005. – (Белая Россия).
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Работы разных лет. – СПб.: Библиополис, 2006.
4. Леонов Л.М. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / примеч. О. Михайлова. – М.: Худож. лит., 1984.
5. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л.: Худож. лит., 1978.

Summary

THE MYTHOLOGY OF HISTORY IN JOURNALISM L.M. LEONOV'S (1941-1945)

L.I. Shchelokova

Abstract. The article considers the social and political journalism L.M. Leonov's in the aspect of the spiritual tradition. The main attention is paid to the excursions into history, in which the history of the Fatherland specifies the direction of spiritual growth for fighter of 1941-1945.

Key words: L.M. Leonov, journalism, sacred, the literature of the Great Patriotic war, Russian literature of the 20-th century.

АПОКАЛИПСИС И ТЕОРИЯ СИМВОЛИЗМА

Яковлев М.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена разработке теории русского символизма второй волны. Символизм исследуется в рамках апокалиптики. Внимание акцентируется на теоретических положениях статей Андрея Белого, А. Блока, Вяч. Иванова, М. Волошина. Апокалипсис рассматривается как жанровая форма духовной словесности, сопоставляясь с жанрами пророчества и видения. На основе этого анализируются некоторые мировоззренческие и формальные черты жанра апокалипсиса, повлиявшие на художественную природу произведений русских символистов. Обозначаются теоретические принципы интерпретации художественных текстов, имеющих тенденцию стать неоапокалиптическими.

Ключевые слова: символизм, апокалипсис, жанр, софиология, гностицизм, символ, герменевтика.

В современном культурном контексте слово «апокалипсис» используется довольно часто. Обычно оно становится обозначением Конца света. Причем сам Конец света чаще понимается как природная катастрофа. В последнее время таким ближайшим природным «апокалипсисом» называют 2012 год в связи с окончанием календарем Майя, редким астрономическим явлением и колоритным цифровым сочетанием – 21.12.2012. Приближение техногенного «апокалипсиса» активно обсуждалось в связи с наступлением 2000 года и сбоем компьютерной техники, в том числе и военной. Возможными вариантами грядущего «апокалипсиса» объявляется столкновение с кометой или астероидом, ожидаемое в 2062 году. Также по-голивудски неточно используется в языке и апокалиптическое слово «армагеддон», которое буквально является библейским топонимом и переводится как «гора Мегиддо». Данные примеры становятся проявлением современной квазимифологии, где в понятии остается только оболочка и исчезает сущность феномена. Текущие разговоры о природном или техногенном апокалипсисе лишаются самого главного – присутствия Бога. Станный атеистический апокалипсис являет не Бога, а дьявола, по известному богословскому афоризму: главное коварство дьявола заключается в том, что он убедил людей, будто его не существует. Добавим к этому коварству и «научное» убеждение в отсутствии Бога.

Приведенные ошибки в словоупотреблении связаны с тем, что апокалиптическая культура действительно является одной из самых противоречивых форм духовной традиции и словесности. Для нашей темы представляется важным оста-

новиться на некоторых аспектах взаимодействия *апокалипсиса и теории символизма*.

Прежде всего, необходимо заметить, что семантика, содержание апокалипсиса не должны отождествляться с формальными категориями этого жанра словесности. Слово «апокалипсис» стало восприниматься почти как название конкретного религиозного текста – последней книги Нового Завета: «Откровения святого Иоанна Богослова». В церковнославянском первоисточнике книга называется «Апокалипсис святого Иоанна Феолога».

В действительности свод апокалиптических произведений значительно шире. С.Н. Булгаков в докладе «Апокалиптика и социализм», прочитанном на заседании религиозно-философского общества 9 апреля 1910 года, в качестве примера приводил следующие тексты: Книга пророка Даниила, Книга тайн Еноха, Псалмы Соломона, Книга Юбилеев, Восшествие Моисея, Апокалипсис Эздры, Апокалипсис Варуха, Завещание 12 патриархов. К этому же перечню богослов относил свод апокрифических текстов и сибиллины, или пророчества сивилл [6, с. 348]. Существует также «евангельский» апокалипсис, явленный в словах Самого Христа (Мф.24; Мар.13; Лук.21)

Подчеркнем, что *апокалипсис* – это не «название» текста, а его жанровое определение. Такими же жанрами духовной словесности являются родственные литературные формы *пророчества и видения*. Типологически близкими жанровыми формами оказываются религиозные гимны и молитвы, соединившиеся в библейском своде в жанре *псалмов*. В драматургическом виде эти жанровые единицы реализуются в форме *мистерии*, выросшей из храмового действия

– из *литургии*. Общая эстетическая функция этих религиозных жанров – богоявление, *теофания*. Более широко эту эстетическую функцию можно обозначить как *эпифаническую* – *являющую*.

Собственно здесь и намечаются точки соприкосновения апокалиптики и *символизма второй волны*.

Ханзен-Лёве в книге «Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм» (СПб, 1999), противопоставляя символизм первой и второй волны, удачно уходит от оценочно-хронологической терминологии «старший» и «младший» символизм или «младосимволизм» с невольно возникающими языковыми ассоциациями по иерархии: «старший» брат и «младший» брат, «старший» и «младший» по званию, «молодо-зелено» и т.п. Очевидно, что в действительности так называемый «младосимволизм» оказался «старшим», дал более зрелые художественные образцы. И если уж сохранять хронологический принцип деления, то действительно нужно говорить о «раннем» и «позднем» символизме, при этом раздвигая границы течения до конца 20-х годов, когда в русской художественной литературе и были созданы яркие апокалиптические произведения. Например, книга стихотворений М. Волошина «Неопалимая Купина» (1924) или его же поэма «Путиами Каина» (1926). Сама же апокалиптическая эстетика в чистом виде находит уникальное выражение в творчестве Д. Андреева (1906–1959), в поэтической книге «Русские боги», в «Железной мистерии» и трактате «Роза Мира», завершенных в 1950-е годы.

Ханзен-Лёве также обозначает символизм первой волны как «дьяволический», а символизм второй волны как «мифопоэтический» [13, с. 17], филологически понимая латинское «дьяболон» как «разделяю», а «симболон» как «соединяю». Но ведь и «дьяболон» – категория мифосознания. Термин становится многозначным. Тогда уж как антонимом можно было воспользоваться термином «софийный» или «софиологический», исходя из соловьевской концепции Всеединства – *соединения*, философски и эстетически близкой большинству символистов второй волны. И русский символизм действительно можно было обозначить как «дьяволический» и «софийный». Но и это воспринимается как упрощение проблемы. В софийном символизме второй волны было не меньше «дьяволического», демонического, чем в «дьяволическом» символизме первой.

В разработку теории символизма второй волны большой вклад, безусловно, внес Андрей Белый. Трудно однозначно утверждать, что для

него самого было важнее: художественная практика или теоретическая концепция, кто он больше – художник или мыслитель?

Разрабатываемая им на протяжении всего творчества гносеологическая концепция прежде всего дает интересный материал для жанровых наблюдений. Его теоретические построения во многом определяет именно апокалиптика.

Если понимать жанровую форму как определенную *модель действительности*, как структуру образного пространства, то апокалиптика становилась для поэта продуктивной формой мировосприятия. Вспоминая о времени работы над «второй» (в действительности первой по хронологии) симфонией, в автобиографической работе «Почему я стал символистом и почему я не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» (1928) он отмечал: «В 1899 году Соловьев указал мне на направление моего плавания по морю жизни; направление – «Апокалипсис»: «Се творю все новое»» [2, с. 430]. При этом А. Белый подчеркивал бунтарский пафос своего духовного самоопределения: «...я был в период моего увлечения Соловьевым *«религиозизирующим»* символистом, а не *«символизирующим»* верующим (курсив автора) Моя вера с первых лет юности была бунтом дерзания, питаемая волей к новой культуре...» [2, с. 430]. Отметим, что канонический «Апокалипсис святого Иоанна Богослова» мыслится поэтом как некий художественный канон, как философско-эстетический образец. Герметизм его символического языка давал право пророчески настроенному художнику интерпретировать его самостоятельно, использовать символический канон как некий эстетический вектор, как математическую формулу, приложимую к конкретному материалу. Отсюда текст исторического апокалипсиса вел к созданию неоапокалипсиса.

Новая культура, о которой говорит А. Белый, в данном контексте может быть понята именно как апокалиптическая. Сущность ее заключается в обретении «внутреннего», персоналистического откровения; в обретении форм для выражения этого опыта и формы для внешней коммуникации. Такая культура возвращается к своему изначальному смыслу – от слова «культ». Это культура гностическая, мистериальная, теургическая или собственно *символическая*. Опору для этой новой культуры Андрей Белый искал в современной ему европейской философии, в софиологии Вл. Соловьева, у Ницше, в антропософии Рудольфа Штейнера. Объединяла эти системы интуиция *богочеловеческой* сущности личности.

В «Апокалипсисе святого Иоанна Богослова» предсказывается теократия как прямое богообщение: «Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец» (Откр.21:22).

Вторым слагаемым этой культуры для Белого становится русский *мессианизм*, который ко времени самоопределения символизма второй волны наиболее ярко выразился в софиологии Вл.Соловьева. Учение о Софии как Вечной Женственности приобретало национальные черты. Соловьев в цикле «Три речи в память Достоевского» (1881–1883) вспоминал, что писатель сравнивал апокалиптическое видение «Жены, облеченной в солнце» (Откр.12:1) с Россией. Жена – это Россия, а рождаемый Ею Младенец – то новое слово, которое Россия должна сказать миру [14, с. 54].

И уже после иронического обыгрывания символики Женственности во 2-й Симфонии в статье 1905 года «Апокалипсис с русской поэзии» Андрей Белый закликает Вечную Женственность: «Явьсь! Пора: мир созрел, как золотой, налившийся сладостью плод, мир тоскует без Тебя. Явьсь!» [2, с. 416]. А в статье «Луг зеленый» (1905) образ пани Катерины из «Страшной мести» Гоголя, связываясь с мифологемой Спящей Красавицы, становится символом и Души мира, и Души России, обозначает ее метаисторическое, апокалиптическое будущее [2, с. 333].

Переживаемый апокалиптически литературный дебют стал временем пророческого посвящения автора, что выразилось в выборе псевдонима, точнее нового *имени*, о чем сам писатель вспоминал с иронией. 2-ю, «московскую» Симфонию он хотел подписать псевдонимом «Буревой», но М.С. Соловьев, «крестный отец» дебютанта, заметил, что, когда читатели узнают настоящее имя автора, получится не «Буревой», а «Бори вой», – и будут смеяться [3, с. 503]. Знаковый псевдоним «Андрей Белый» вызывает различные ассоциации, но ключевой, вероятно, следует считать апокалиптическую аллюзию, связанную с символом *белого камня* как знака посвящения в тайну: «...и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр.2:17). Во 2-ой Симфонии также развиваются образы «белого всадника» и «белого дитя» – символы апокалиптического Христа.

Самобытность так называемой *русской идеи* Н.А.Бердяев видел в том, что это идея эсхатологическая, или апокалиптическая. Символизм второй волны в теории Андрея Белого оказывается глубоко закономерным явлением эволюции

русской мысли и русской словесности, с древности питавшейся апокалиптической интуицией. Достаточно вспомнить общенациональный идеал *Святой Руси* и церковно-политическую, а по сути *хилиастическую* концепцию Третьего Рима, сложившуюся в XVI веке: «...яко вся христианская царства снидошася во твое, – писал Василию III старец псковского Спасо-Елеазорова монастыря Филофей – яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти...» [15, с. 19]. То же апокалиптическое горение чувствуется в борьбе Андрея Белого за «заветы» символизма, его обличение «мистического анархизма» и «декаданса», в который, как ему казалось, впадал Александр Блок и другие «петербуржцы». Да и в самой *Москве-«Третьем Риме»* не все соответствовало апокалиптическому идеалу Богочеловечества и хилиастического Царствия Божия на земле. Поэтому тема *России* оформляется у поэтов как апокалиптическая. Катастрофический XX век дал для этих метаисторических умозрений огромный исторический материал.

Кроме мировоззренческой модели мира, жанр апокалипсиса также направлял *общеэстетические* воззрения и *частные* проявления *поэтики* символизма второй волны.

Эпифанический символизм апокалипсиса был формой неогностицизма, формой познания сверхъестественных сфер. Для Андрея Белого и Александра Блока такой эпифанической категорией была *музыка*.

В одном из писем 1903 года Блок спрашивает: «Может ли поэзия в своем *maximum* настолько приблизиться к Запредельному, чтобы расслышать и познать?» [1, с. 31]. В 1909 году категория музыки обозначается у поэта апокалиптической тенденцией: «Ритм (мировой оркестр), музыка дышит, где хочет: в страсти и в творчестве, в народном мятеже и научном труде, (в революции)» [5,5,130]. Восходя к словам Христа о Духе: «Дух дышит, где хочет...» (Ин.3:8), это понимание музыки становится источником пророческой (пророческой) направленности символического искусства. В дневниковой записи 1919 года, перефразируя Евангелие от Иоанна, Блок формулирует свой «музыкальный» символ веры: «Вначале была музыка. Музыка есть сущность мира» [5,5,263].

В реферате 1910 года «О современном состоянии русского символизма» Блок писал: «Символист уже изначала – *теург* (курс.Блока), то есть обладатель тайного знания, <...> но на эту тайну, которая лишь впоследствии оказывается всемирной, он смотрит как на свою» [5,4,142]. А в докладе 1921 года «О назначении поэта» эпифа-

нический «музыкальный» символизм понимается как общая цель подлинного искусства, освобождающего «музыкальную», т.е. *духовную* первооснову мироздания.

Вяч. Иванов в реферате 1909 года «Две стили в современном символизме» определяет этот принцип как «реалирный». По нему художник-теург должен идти «*a realibus ad realiora*» – от «реального к реальному» [11, с. 155]. П. Флоренский в статье «Иконостас» (1918–1922) прежде всего применительно к живописному символизму говорит о «телеологическом» принципе познания высшего мира и его художественного выявления [16, с. 416]. Оба теоретика искусства противопоставляют объективный принцип символизма и субъективный принцип импрессионизма.

Гностико-эпифанический, неапокалиптический принцип символизма раскрывается в программных статьях Андрея Белого «Символизм как миропонимание» (1904), «Эмблематика смысла» (1910), «Магия слов» (1910), «Смысл искусства» (1910), «Будущее искусство» (1910), «Священные цвета» (1911) и мн. др.

Апокалиптическое понимание символизма развивается и в творческой концепции М. Волошина. Собственно, символизм был для него не литературным *направлением*, а *методом* творчества, *типом* художественного мышления. Поэтому, ощущая свое родство с символистами обоих поколений, Волошин неизменно держался особняком, шел своим путем. В одном из вариантов автобиографии он писал: «То же, что Блок в Шахматовских болотах, а Белый у стен Новодевичьего монастыря, я по-своему переживал в те же дни в степях и пустынях Туркестана, где водил караваны верблюдов» [10, с. 341]. И тогда же, в стихотворении 1903 года «По ночам, когда в тумане...», посвященном Брюсову, Волошин признается: «В вашем мире я – прохожий, / Близкий всем, всему чужой» [9, с. 31].

В автобиографии 1925 года Волошин вспоминал: «1900-й год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения. Я ходил с караванами по пустыне. Здесь настигли меня Ницше и «Три разговора Вл. Соловьева»» [10, с. 159]. Показательно, что тех же мыслителей, определивших его творчество, называет и Андрей Белый. Те же авторы впоследствии привели А. Белого к антропософии. В стихотворении 1918 года «Христиану Моргернштерну», завершающем «антропософский» сборник лирики «Звезда», поэт говорит об этих творческих истоках напрямую: «От Ницше – Ты, от Соловьева – Я: / Мы в Штейнере перекрестились оба...» [4, с. 316].

С А. Блоком и А. Белым Волошина сближает предчувствие «новой культурной эпохи» [10, с. 341]. Как мы помним, А. Белый называл эту «новую культуру» символизмом. Очевидно, что речь идет не об историко-литературном «направлении», не о «школе», а об универсальном типе самосознания и творчества. В варианте автобиографии Волошина находим: «Я родился 16 мая 1877 года в Духов День, когда «земля именинница». Отсюда, вероятно, моя склонность к духовно-религиозному восприятию мира и любовь к цветению плоти и вещества во всех его формах и ликах» [12, с. 3]. «Теозис» – «обожение» или «ософиение» материи, земного мира предполагают живое откровение Св. Духа, духовное познание и самопознание.

Духовный *гнозис* понимался Волошиным как платоновский *анамнезис* – припоминание того, что душа вынесла из мира иного. В 1917 году поэт писал Е. П. Орловой: «Нужно ВСЁ знать о человеке, так чтобы он не мог ни солгать, ни разочаровать, и, зная всё, помнить, что в каждом скрыт ангел, на которого выросла дьявольская маска, и надо ему помочь ее преодолеть, вспомнить самого себя» [7, с. 13]. Теургическим результатом такого персоналистического откровения становится преобразование мира, создание «Вселенной Свободы и Любви». Этапы и формы этого соборно-индивидуального пути раскрываются в программном стихотворении 1917 года «Подмастерье».

Формой и функцией откровения для поэта становится традиционная категория *символа*. В статье 1908 года «Демоны Разрушения и Закона» Волошин дал такое определение символу: «Символ – не что иное, как семя, в котором замкнут цикл истории человечества, целая эпоха, уже отошедшая, целый строй идей, уже пережитых, целая система познания, уже перешедшая в бессознательное» [8, с. 166]. «Быть символистом, – пояснял Волошин в статье 1907 года «Леонид Андреев и Федор Сологуб», – значит в обыденном явлении жизни провидеть вечное, провидеть одно из проявлений музыкальной гармонии мира» [8, с. 445]. Символ позволял Волошину творчески осваивать интуитивные переживания в диалектическом единстве субъективного и объективного. Отсюда последовательное изучение мировой символики, эзотерических культур, мистической практики. Среди этапов духовного самопознания периода 1905–1912 годов в автобиографии поэт называет буддизм, католичество, магию, масонство, оккультизм, теософию и антропософию. Послереволюционный период обогащается символикой православия и неканонической народной

апокалиптики.

Обращение к теме России во всем ее «историческом единстве» закономерно приобретает у Волошина черты *неоапокалипсиса*. В реферате «Россия распятая» (1920), комментируя жанровую природу будущей книги «Неопалимая Купина», поэт пояснял: «Мой единственный идеал – это Град Божий. <...> Путь к нему – вся крестная, страстная история человечества» [9, с. 330]. Символ России – Неопалимой Купины есть символ Богоявления в истории, что и составляет содержание любого апокалипсиса.

Андрей Белый на протяжении всего творческого пути также пытался преодолеть антиномию субъективно-объективного образа Реальности, стремился теоретически обосновать, «синтезировать» гностическое Всеединство мира. В итоге для своего понимания символизма он выработал парадоксальную концепцию – *плюро-дуо-монизма*, о котором он пишет в философской автобиографии 1928 года «Почему я стал символистом и почему я не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» [2, с. 438].

Столь необычная формулировка отчасти связана с тем, что вдохновлявший Андрея Белого в начале творчества *апокалипсис* строится как система многоуровневых *видений*, являющих в символической форме скрытый смысл исторического процесса, природы мироздания, сущности человеческой личности. В отличие от жанра *пророчества*, где послание Бога излагается напрямую (хотя часто и в аллегорической форме), апокалипсис имеет сложную символическую образность. Эзотерическая многозначность жанра откровения типологически близка с «музыкальным» принципом построения художественного пространства.

Общим качеством «музыкальных» и мистических переживаний, объединяющих разные духовные практики, становится их *«неизреченность»* [13, с. 483], т.е. невозможность найти *вербальные* эквиваленты тому, что открывается духовидцу. Отсюда сложные образные построения известных ветхозаветных видений. Отсюда сложная символика православной иконографии, в основе, которой, по мысли Павла Флоренского, так

называемая *обратная перспектива*, телеологическая обращенность образов.

Музыка словесно-стихотворных образов апокалиптического символизма и выражала эту многоуровневую семантику. *Поли-фонизм* переживания формировал *сим-фонизм* художественной структуры.

Самой органичной жанровой формой становилась *книга стихотворений*, где осуществлялся символический принцип *многоединства*. Так же, как и в композиции апокалипсиса, циклы произведений оказываются своеобразными *видениями* Единого, пульсируя музыкальным стихотворным Ритмом, теургически пронизывающим и организующим эмпирически воспринимаемые *пространство и время*.

Хронотоп апокалипсиса становится метакронотопом – являет Иные *формы* пространства и времени – *Вечность*. Голос откровения говорит о Себе: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец <...>, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр.1:8).

Целью апокалипсиса, как и подлинно символического произведения искусства, является откровение Вечной Сущности мира, находящейся вне времени и пространства, но мистериально присутствующих в форах земной реальности.

Невыразимое оказывается обозначенным и выраженным через символы Сущности. По известному философскому закону, Целое больше суммы частей его составляющих. Это Целое есть *Дух и София*, явленные через Образ, Ритм и Слово.

Соответственно и аналитическая работа с таким текстом предполагает прежде всего обращение к традициям *герменевтики*, причем не в современном постструктуралистском смысле, а в изначальном, *гиератическом* – жреческом понимании. По словам М. Волошина, искусство, которое в начале века называлось «новым», в действительности есть одно из самых древних на земле. В статье 1908 года «Демоны разрушения и закона» он утверждает, что истинное знание «заключается в умении читать символы» [8, с. 166].

Созданный в 1900–1920 годы русский *поэтический апокалипсис* еще ждет своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001. 608 с., 64 с. ил.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. 528 с.
3. Белый А. Симфонии. Л., 1990. 528 с. Архивные материалы цитируются по примечаниям А.В. Лаврова.
4. Белый А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы. М., 1994. 559 с.
5. Блок А.А. Собрание сочинений в 6 т. Т.5. Л., 1981–1983. 408 с.
6. Булгаков С.Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. М., 2008. 784 с.

7. Волошин М.А. Избранные стихотворения. М., 1988. 384 с.: ил. Письмо Волошина цитируется по вступ. ст. А.В. Лаврова.
8. Волошин М.А. Лики творчества. Л., 1988. 848 с.
9. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991. 480 с., ил.
10. Волошин М.А. Путник по вселенным. М., 1990. 384 с.: 1 л. портр., 16 л. ил.
11. Иванов Вяч.И. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория. М., 1995. 699 с.
12. Купченко В.П. «В вечных поисках истоков...»: Максимилиан Волошин – поэт-окультист // Наука и религия. 1990. №2.
13. Ладыженский М.В. Сверхсознание и пути его достижения. М., 2002. 896 с.
14. О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. М., 1990. 432 с.
15. Россия перед Вторым Пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1993. 576 с.
16. Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т 2. М., 1996. 877 с.
17. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. 512 с.

Summary

APOCALYPSE AND THEORY OF SYMBOLISM

M.V. Yakovlev

Moscow Region State Institute of Humanities

Abstract. The article is devoted to the theory of the Russian Symbolism of the second wave. Symbolism is investigated in terms of apocalypse. The attention is paid on theoretical statements of Andrei Belov's, A. Blok's, V. Ivanov's, M. Voloshin's articles. Apocalypse is considered as the genre form of the spiritual literature, comparing with the genres of prophecy and vision. On the basis of it some ideological and formal features of the genre of apocalypse which influenced on the artistic nature of the Russian Symbolists works are analysed. The theoretical principles of the fiction texts which have the tendency to become neoapocalyptic are denoted in this article.

Key words: symbolism, apocalypse, genre, sophiology, gnosticism, symbol, hermeneutics.

НАШИ АВТОРЫ

Александрова Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Белукова Виктория Богдановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, г. Москва.

Блохин Александр Викторович – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Введенский Виктор Васильевич – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Громова Алла Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора ГБОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет», г. Москва.

Кириллова Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Кияшко Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, Образовательно-издательский центр «Академия», главный специалист отдела общеобразовательных дисциплин, г. Москва.

Колычева Галина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Куликова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, г. Новосибирск.

Лесниковская Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Линева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Меренкова Диана Евгеньевна – старший преподаватель Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Мишин Михаил Михайлович – аспирант Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Нелюбин Лев Львович – доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Перцева Надежда Константиновна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Савельева Елена Борисовна – старший преподаватель Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Старых Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Филатова Анна Андреевна – магистрантка РГГУ (Москва) и Школы хартий (Париж)

Филатова Нина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

Филиппова И.Н. – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного университета, г. Москва.

Щелокова Лариса Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора ГБОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет», г. Москва.

Яковлев Михаил Владимирович – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево.

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**Серия: Филология. Лингвистика
и межкультурная коммуникация**

Научный журнал

№1 (2012)

Подписано в печать 04.06.2012.

Формат 60x84/8.

Усл. печ. л. 12,1. Тираж 100 экз. Заказ № 220.

Редакционно-издательский отдел

Московского государственного областного гуманитарного института.

142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.